

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

Основан в 2006 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (73) 2025

JOURNAL

OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Founded in 2006
Published 4 times a year

ВОЛГОГРАД — 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

М. С. Колосович, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

А. П. Алексеев, заместитель начальника Волгоградской академии МВД России (по научной работе), кандидат юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. С. Сафонова, доцент кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Н. С. Сысолина, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционного совета

А. П. Алексеева, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

А. А. Аубакирова, начальник кафедры профессионально-психологической подготовки и управления ОВД Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени М. Есбулатова, старший научный сотрудник кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

М. Т. Аширбекова, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

М. В. Бобовкин, профессор кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В. Г. Глебов, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, профессор.

О. П. Грибунов, исполняющий обязанности ректора Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

И. С. Дикарев, директор института права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, доцент.

О. Б. Дронова, профессор кафедры криминалистической техники учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Подписной индекс
в каталоге «Пресса
России» — **22761**.

Сайт журнала:
www.va-mvd.ru/vestnik/

Редакторы
*Т. В. Рассказова,
М. В. Остертак*

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130.

Подписано в печать:
25.06.2025.

Дата выхода в свет:
30.06.2025.

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 22,3.
Усл. печ. л. 20,7.
Тираж 250 экз.
Заказ 30.

Цена по подписке
на 2025 г.
по каталогу
«Пресса России»
1 591 руб. 04 коп.
(2 номера)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская обл.,
г. Волгоград,
ул. Коммунистическая, д. 36.

© Волгоградская
академия
МВД России, 2025

Н. А. Егорова, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

С. Г. Еремин, профессор кафедры предварительного расследования учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. А. Зайцева, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Е. И. Замылин, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

С. В. Катков, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

В. Л. Кубышко, заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации, кандидат педагогических наук.

Л. В. Лобанова, заведующий кафедрой уголовного права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

В. Ф. Луговик, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ненад Милич, проректор по учебной работе Криминалистического полицейского университета (Сербия), доктор юридических наук, профессор.

Д. М. Миразов, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Университета общественной безопасности Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор.

А. Л. Осипенко, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор.

Н. В. Павличенко, главный научный сотрудник по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Г. А. Печников, профессор кафедры уголовного процесса учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

А. В. Победкин, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

В. А. Ручкин, профессор кафедры судебной экспертизы и физического материаловедения Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

А. С. Самоделкин, профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

К. К. Сейтенов, профессор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор.

Б. П. Смагоринский, профессор кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации.

О. В. Стрилец, профессор кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Ю. П. Шаплеров, начальник отдела профессионального образования главного управления кадров МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

С. А. Янин, профессор кафедры организации следственной работы учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ISSN 2074-8183

Вестник Волгоградской
академии МВД России /
Journal of the Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia. —
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2025. —
No 1 (72). — 178 p.

**Founder
and publisher —
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

Journal founded in 2006
Published 4 times a year
circulation
250 copies

The journal is included
in the list of peer-reviewed
scientific journals
and publications,
where main research results
of doctoral dissertations
should be published

The journal is included
into the system of Russian
index scientific citation.
Full-text versions of articles,
abstracts and bibliographic
lists are placed on the sites
of scientific
electronic libraries
"eLIBRARY.RU"
(www.elibrary.ru),
"Cyberleninka"
(www.cyberleninka.ru),
in the system "Garant"
(www.garant.ru),
electronic library system
"Znanium"
(www.znaniy.ru)

The Journal is registered
at the Federal Service
for Supervision
of Communications,
Information Technology
and Mass Media.
Certificate number
PI № FS77-75804
as of May 23, 2019

Subscription
at the catalogue
"Pressa Rossii" — **22761**

Site of journal:
www.va-mvd.ru/vestnik/

**ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA**

**No 2 (73)
2025**

EDITOR-IN-CHIEF

M. S. Kolosovich, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

A. P. Alekseev, deputy head of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, candidate of juridical sciences, docent.

SCIENCE EDITOR

Yu. S. Safonova, associate professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

EXECUTIVE SECRETARY

N. S. Sysolina, senior lecturer at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The editorial council

A. P. Alekseeva, professor at the department of criminal law, criminology and penal law of Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

A. A. Aubakirova, head of the department of professional and psychological training and management of internal affairs bodies of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, senior researcher of the department of criminal procedure, criminalistics and forensic examination of the South Ural State University, doctor of juridical sciences, full professor.

M. T. Ashirbekova, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

M. V. Bavsun, deputy head of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

M. V. Bobovkin, professor at the document examination department of the training and scientific complex of forensic examination of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

V. G. Glebov, head of the department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Volgograd Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, candidate of juridical sciences, full professor.

O. P. Gribunov, acting rector of the Baikal State University, doctor of juridical sciences, full professor.

I. S. Dikarev, head of the law institute of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, docent.

O. B. Dronova, professor at the department of criminalistic techniques of the training and scientific complex of expert criminalistic activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

N. A. Egorova, professor at the criminal law department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

Editors
T. V. Rasskazova,
M. V. Ostertak

DTP
N. A. Donenko

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd region,
Volgograd,
Istoricheskaya street, 130.

Signed to print:
25.06.2025.

Date of publication:
30.06.2025.

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 22,3.
Conventional print sheets 20,7.
250 copies.
Order 30.

Subscription price
for the 2025
according by catalogue
"Pressa Rossii"
1 591 rub. 04 kop.
(2 numbers).

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd region,
Volgograd,
Kommunisticheskaya street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2025

S. G. Eremin, professor at the department of preliminary investigation of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. A. Zaitseva, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

E. I. Zamylin, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

S. V. Katkov, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

V. L. Kubyshko, deputy Minister of the Interior of Russia, candidate of pedagogical sciences.

L. V. Lobanova, head of the criminal law department of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

V. F. Lugovik, professor at the operational-investigative activity department of the interior bodies of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

Nenad Milić, vice-rector for teaching of the University of Criminal Investigation and Police Studies (Serbia), doctor of juridical sciences, full professor.

D. M. Mirazov, head of the department of criminal law disciplines of University of Public Safety of the Republic of Uzbekistan, doctor of juridical sciences, full professor.

A. L. Osipenko, deputy head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia for scientific work, doctor of juridical sciences, full professor.

N. V. Pavlichenko, chief researcher for the study of problems of the history of the Ministry of the Interior of Russia of the research center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored lawyer of the Russian Federation.

G. A. Pechnikov, professor at the criminal proceeding department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

A. V. Pobedkin, head of the department of criminal policy of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, doctor of juridical sciences, full professor.

V. A. Ruchkin, professor at the department of forensic examination and physical materials science of the Volgograd State University, doctor of juridical sciences, full professor.

A. S. Samodelkin, professor at the operational-investigative activity and special equipment department of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, doctor of juridical sciences, docent.

K. K. Seitenov, professor at the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's office of the Republic of Kazakhstan, doctor of juridical sciences, full professor.

B. P. Smagorinsky, professor at the criminalistics department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, senior researcher of Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, doctor of juridical sciences, full professor, honored science worker of the Russian Federation.

O. V. Strilets, professor at the department of criminal law of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

Yu. P. Shkaplerov, head of the professional education department of the main personnel department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, candidate of juridical sciences, docent.

S. A. Yanin, professor at the investigation work organization department of the educational and scientific complex on the preliminary investigation in the interior bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, candidate of juridical sciences, docent.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬЯ НОМЕРА

Егорова Н. А.
Понятие и аспекты унификации
уголовного законодательства

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, КРИМИНОЛОГИЯ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Лобанова Л. В., Малимонова М. А.
Ужесточать наказание при рецидиве
преступлений необходимо

Нифталиева И. А., Буданова Е. А.
Совершенствование отдельных
уголовно-правовых механизмов
противодействия нарушениям правил
дорожного движения и эксплуатации
транспортных средств

Случевская Ю. А.
Социальные последствия и цена
экологической преступности:
некоторые теоретические аспекты

Стрилец О. В.
Соотношение понятий «исправление»,
«ресоциализация» и «пробация»
в правовой доктрине

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Аширбекова М. Т., Калиев А. А.
«Заподозренное лицо» —
востребованный процессуальный статус
для отдельных участников уголовного процесса
Казахстана и России

Зотова А. Ф.
Закрытое судебное заседание
в уголовном судопроизводстве России:
анализ законодательства
и пути его совершенствования

Колосович О. С.
Информационно-коммуникационные технологии
в международном сотрудничестве
по уголовным делам

Шаутаева Г. Х., Попова Л. В., Шапиро И. М.
Система вещественных доказательств
по уголовным делам:
правоприменительные ситуации

CONTENTS

RELEASE ARTICLE

9 *Yegorova N. A.*
Concept and aspects of the unification
of criminal legislation

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

19 *Lobanova L. V., Malimonova M. A.*
It is necessary to intensify the punishment,
while recurrence (repetition) of crimes takes place

27 *Niftalieva I. A., Budanova Ye. A.*
Improvement of some
criminal legal mechanisms to counteract
violations of traffic rules and use of vehicles

34 *Sluchevskaya Yu. A.*
Social effects and cost of environmental crime:
some theoretical aspects

42 *Strilets O. V.*
Correlation among the notions of "correction",
"re-socialisation" and "probation"
in the legal doctrine

CRIMINAL PROCEDURE

50 *Ashirbekova M. T., Kaliev A. A.*
"A person being under suspicion"
as a demanded procedural status
for some participants in the criminal proceedings
of Kazakhstan and Russia

57 *Zotova A. F.*
Closed trial in criminal proceedings of Russia:
analysis of legislation and ways to improve it

65 *Kolosovich O. S.*
Information and communication technologies
in the international cooperation in criminal cases

72 *Shautayeva G. Kh., Popova L. V., Shapiro I. M.*
System of physical evidence in criminal cases:
law enforcement situations

КРИМИНАЛИСТИКА

Бирюков С. Ю.

Тактические аспекты преодоления
контрсуггестии подозреваемых (обвиняемых)
в ходе производства
предварительного расследования

Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Бобовкин С. М.

О признаках письма, выражающих свойства
письменно-интеллектуального
функционально-динамического комплекса
навыков: вопросы теории и практики

Замылин Е. И., Москаленко Д. А.

Тактика допроса подозреваемых (обвиняемых)
в совершении преступления, предусмотренного
статьей 264.1 Уголовного кодекса
Российской Федерации

Капица П. А.

Особенности работы следователя
с компьютерной информацией при расследовании
мошенничеств и хищений путем злоупотребления
служебными полномочиями,
совершенных при заказе
и приемке программного обеспечения

Сидоренко О. В.

Подготовка сотрудников
экспертно-криминалистических
подразделений МВД России
как фактор повышения эффективности
техничко-криминалистического сопровождения
расследования преступлений,
совершенных с использованием
беспилотных воздушных судов

Трибуна молодого ученого

Абаринов А. Д.

Алгоритм построения версий
при выявлении и расследовании преступлений,
связанных с функционированием
экстремистских организаций и сообществ

Алешина М. Д.

Проблема законодательного игнорирования
идеи неотвратимости наказания
в уголовном процессе

Гажаева Е. И.

Особенности криминального
информационного воздействия
на пользователей сервисов знакомств

CRIMINALISTICS

79 *Biryukov S. Yu.*

Tactical aspects of overcoming
counter-suggestion of suspects (accused)
in preliminary investigation

86 *Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Bobovkin S. M.*

On the writing features
expressing the peculiarities
of the written-intellectual functional-dynamic
complex of skills: theory and practice issues

95 *Zamylin Ye. I., Moskalenko D. A.*

Interrogation techniques applied
to those suspected in / accused
of having committed a crime
provided for by article 264.1
of the Criminal Code of the Russian Federation

103 *Kapitsa P. A.*

Specifics of the investigator's work
with computerized information
while investigating frauds and theft
by official powers abuse,
committed when ordering and accepting software

111 *Sidorenko O. V.*

Training officers of forensic units
of the Ministry of the Interior of Russia
as a factor to increase efficiency
of technical and forensic support
to investigate crimes committed by using
unmanned aerial devices

WORD TO A YOUNG SCIENTIST

119 *Abarinov A. D.*

Algorithm to form leads,
when identifying and investigating crimes,
related to extremism organizations
and communities functioning

126 *Aleshina M. D.*

Problem of legislative ignoring
the idea of inevitability of punishment
in criminal procedure

132 *Gazhaeva Ye. I.*

Peculiarities of criminal information influence
on dating services users

Максимов Н. Р.
О понятии международного сотрудничества
в сфере уголовного судопроизводства

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ

Красовский А. В., Куценко М. В., Пчеляков С. Ф.
Участие органов внутренних дел и Росгвардии
в обеспечении специального правового режима
контртеррористической операции

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Качалова О. В.
Отзыв на диссертацию А. А. Насонова
«Согласие и его реализация
в уголовном судопроизводстве России:
теоретические основы, правовое регулирование
и правоприменение»

Малышева О. А.
Отзыв на диссертацию А. А. Насонова
«Согласие и его реализация
в уголовном судопроизводстве России:
теоретические основы, правовое регулирование
и правоприменение»

Русман Г. С.
Отзыв на диссертацию А. А. Насонова
«Согласие и его реализация
в уголовном судопроизводстве России:
теоретические основы, правовое регулирование
и правоприменение»

Смагоринский Б. П., Шахматов А. В., Мелихов А. И.,
Оперативно-разыскной инструментарий
в системе обеспечения национальной безопасности
в части противодействия криминальным угрозам
(рец. на моногр.:
Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В.
Оперативно-розыскной инструментарий.
Москва: Проспект, 2024. 304 с.)

Химичева О. В.
Отзыв на диссертацию М. М. Бондарь
«Должностное уголовное преследование
на современном этапе развития
досудебного уголовного производства России»

139 Maksimov N. R.
On the concept of international cooperation
in criminal proceeding

SCIENTIFIC DISCUSSION

147 Krasovsky A. V., Kutsenko M. V., Pchelyakov S. F.
Participation of the interior bodies
and the Russian Federal Guard Service
in providing a special legal regime
of a counter-terrorism operation

REVIEWS AND REFEREE REPORTS OF THE MATERIALS OF DISSERTATIONS, MONOGRAPHS AND OTHER SCIENTIFIC WORKS

158 Kachalova O. V.
Review of the dissertation: Nasonov A. A.
"Consent and its realization
in criminal proceedings in Russia:
theoretical foundations, legal regulation
and law enforcement"

161 Malysheva O. A.
Review of the dissertation: Nasonov A. A.
"Consent and its realization
in criminal proceedings in Russia:
theoretical foundations, legal regulation
and law enforcement"

164 Rusman G. S.
Review of the dissertation: Nasonov A. A.
"Consent and its realization
in criminal proceedings in Russia:
theoretical foundations, legal regulation
and law enforcement"

167 Smagorinsky B. P., Shakhmatov A. V., Melikhov A. I.
Detective means
in the system to ensure national security
in part of counteracting criminal threats
(review of the monograph:
Tambovtsev A. I., Pavlichenko N. V.
Detective means.
Moscow: Prospect, 2024. 304 p.)

170 Khimicheva O. V.
Review of the dissertation: Bondar M. M.
"Official criminal prosecution
at the present stage of development
of pre-trial criminal proceedings in Russia"

УДК 343.21

ПОНЯТИЕ И АСПЕКТЫ УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Наталья Александровна Егорова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, egonatalex@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме, которая в недостаточной степени изучена в теории уголовного права. Исследования унификации уголовного законодательства об ответственности за отдельные виды преступлений, как правило, не связаны с глубоким анализом понятия и аспектов унификации как таковой; фундаментальных работ по данной проблематике совсем немного.

Опираясь на результаты научных изысканий в области общей теории права и отраслевых юридических наук, автор определяет унификацию уголовного законодательства как достижение субъектом правотворчества единообразия в уголовно-правовом урегулировании и уголовно-правовой охране общественных отношений, выступающих предметом уголовного права.

Отмечается, что в науке уголовного права выделены такие аспекты унификации уголовного законодательства, как уровни, направления, условия, основания и результаты. Показано, что не все перечисленные аспекты унификации имеют самостоятельный характер, некоторые почти не отличаются от других. Сделан вывод, что оптимальным было бы проведение научных исследований унификации уголовного законодательства с точки зрения таких ее характеристик, как уровни, основания, результаты и средства.

Ключевые слова: унификация уголовного законодательства, дифференциация уголовной ответственности, уровни унификации уголовного законодательства, основания унификации уголовного законодательства, результаты унификации уголовного законодательства, средства унификации уголовного законодательства

Для цитирования: Егорова Н. А. Понятие и аспекты унификации уголовного законодательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 9—18.

CONCEPT AND ASPECTS OF THE UNIFICATION OF CRIMINAL LEGISLATION

Natalia Alexandrovna Yegorova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, egonatalex@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue studied in the theory of criminal law not sufficiently. The studies on the unification of criminal legislation on responsibility for some types of offences, as a rule, are not involved in a detailed analysis of the concept and aspects of the unification as such; there are very few fundamental works on this issue.

Based on the results of scientific research in the sphere of general theory of law and branch legal sciences, the author defines the unification of criminal legislation as the achievement of uniformity in criminal regulation and criminal enforcement of public relations as the subject of criminal law made by the legislator.

The author states that such aspects of unification of criminal legislation as levels, directions, conditions, bases and results are identified in the science of criminal law. The author indicates that not all the listed aspects of the unification have an independent character; some of them are almost identical to others. The author concludes that the scientific research on the criminal legislation unification would be optimal from the perspective of its features such as levels, bases, results and means.

Keywords: unification of criminal legislation, differentiation of criminal responsibility, levels of unification of criminal legislation, bases for unification of criminal legislation, results of unification of criminal legislation, means of unification of criminal legislation

For citation: Yegorova N. A. Concept and aspects of the unification of criminal legislation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 9—18, 2025. (In Russ.).

В отечественной уголовно-правовой доктрине проблема унификации в уголовном праве разработана недостаточно. Несмотря на то что в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) подготовлен ряд научных работ, где затронуты вопросы унификации уголовного законодательства об ответственности за те или иные виды преступлений [1—6], анализу базового понятия «унификация уголовного законодательства» (и связанных с ним — например, «унификация уголовной ответственности») в подобных трудах, как правило, не уделяется внимания.

В большей степени унификация законодательства исследована в общей теории права, а также цивилистике (прежде всего в международном частном праве). По понятным причинам наибольший интерес представляют научные позиции специалистов в области общей теории права.

С. С. Алексеев рассматривал унификацию как «один из моментов процесса интеграции, состоящий в устранении неоправданной дифференциации, ненужного дробления правового регулирования» [7, с. 50].

И. Н. Сенякин трактовал унификацию законодательства как своеобразную науку единения и обобщения «различных структур механизма правовой регламентации» [8, с. 7].

И. В. Кушнир подразумевает под унификацией законодательства сознательную волевою деятельность субъектов правотворчества «по приведению нормативных правовых актов к состоянию единства, сбалансированности и системной стройности» [9, с. 150—151].

Таким образом, в общей теории права унификация понимается преимущественно как деятельность правотворческая (тезис «унификация — наука» вряд ли следует понимать буквально, поскольку И. Н. Сенякин в уже упомянутой работе рассуждает об унификации как об одной из ведущих тенденций российского законодательства).

В целом так же — как «создание (курсив наш. — Н. Е.) одинаковых (унифицированных) норм» — рассматривается унификация в международном частном праве [10, с. 14; 11] (аналогично — в гражданском праве [12, с. 8], гражданском процессе [13, с. 344]). Вместе с тем унификация не всегда ограничивается сферой правотворчества. Так, Е. Г. Потапенко признает возможной унификацию права не только в правотворческой, но и в правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности [13, с. 346—349].

В настоящий момент фундаментальными исследованиями унификации в уголовном праве остаются кандидатская диссертация Л. Е. Смирновой (2006 г.) [14] и монография Л. Л. Кругликова и Л. Е. Смирновой (2008 г.) [15]. В упомянутых работах унификация в уголовном праве исследована фактически как унификация уголовного законодательства.

Как уже отмечалось, во многих других публикациях унификация уголовного законодательства и отдельные ее аспекты рассмотрены как частные вопросы, и под унификацией подразумевается только правотворческая деятельность.

Тезис об исключительной «монополии» законодателя на участие в дифференциации и унификации в уголовном праве уже ставился под сомнение [16, с. 16, 18—19]. В качестве положения, истинность которого не абсолютна, рассматривается данный тезис и сейчас. Одним из аргументов в пользу присутствия правоприменителя в роли субъекта дифференциации уголовной ответственности стала норма ч. 6 ст. 15 УК РФ, предоставившая суду право изменения категории конкретного преступления. Унификации, по мнению Л. Л. Кругликова и Л. Е. Смирновой, «могут подвергаться и законодательство, и правоприменительная деятельность» [15, с. 5]. В настоящей статье, посвященной унификации законодательства, мы придерживаемся трактовки процессов дифференциации и унификации как происходящих на уровне правотворчества.

Под унификацией в уголовном праве понимается «процесс, обеспечивающий единообразное правовое регулирование сходных либо совпадающих общественных отношений в области преступного и наказуемого, осуществляемый законодателем в ходе создания или совершенствования уголовно-правовых норм, их элементов и иных структурных составляющих отрасли уголовного права» [14, с. 7; 15, с. 18, 279].

Приведенная дефиниция вряд ли нуждается в серьезной корректировке, однако, думается, точнее было бы, во-первых, определять таким образом унификацию *уголовного законодательства* (а не унификацию в уголовном праве); во-вторых, унификация — не только указанный процесс, но и его результат.

Напомним, что дифференциация уголовной ответственности есть установленная в уголовном законе градация уголовно-правовых последствий совершения уголовно наказуемых деяний [17, с. 63].

В теории права унификация юридической ответственности наряду с дифференциацией рассматривается в качестве основного способа предотвращения дисбаланса юридической ответственности [9, с. 12], причем унификация юридической ответственности фактически отождествляется с унификацией *законодательства* в сфере юридической ответственности. Так, И. В. Кушнир полагает, что под унификацией *законодательства* в сфере юридической ответственности следует понимать комплексный способ «правотворческой деятельности по формированию общих нормативных предписаний и принципов института ответственности, по приведению к единообразию его терминов, по сокращению избыточных запретов и чрезмерной дифференциации мер ответственности, а также по разработке типовых юридических конструкций в виде соответствующих составов правонарушений и общих запретов, по формированию единых кодифицированных актов в области юридической ответственности в целях предотвращения состояния дисбаланса последней и обеспечения ее системной целостности» [9, с. 152].

Унификация уголовного законодательства (так же, как и его дифференциация) не сводится к унификации уголовной ответственности. Унификация уголовной ответственности — закрепленное в уголовном законе единообразие уголовно-правовых последствий совершения запрещенных уголовным законом деяний; это разновидность унификации уголовного законодательства.

В свою очередь, **унификация уголовного законодательства** представляет собой *достижение законодателем единообразия в уголовно-правовом урегулировании и уголовно-правовой охране общественных отношений, выступающих предметом уголовного права*.

В доктрине изучены такие **аспекты унификации уголовного законодательства**, как уровни, направления, условия, основания, результаты унификации. Как представляется, не все перечисленные аспекты унификации имеют самостоятельный характер, некоторые почти не отличаются от других.

Выделены следующие *уровни унификации*: 1) межгосударственный; 2) межотраслевой; 3) отраслевой; 4) структурных элементов отрасли права [14, с. 8—9; 15, с. 95—135].

Межгосударственный уровень унификации уголовного законодательства в большей степени относится к сфере действия международного права, поэтому вернее было бы назвать его *международно-правовым*. В то же время нормы, содержащиеся

в международных договорах, могут стать основой для последующей внутригосударственной (межотраслевой, отраслевой, в пределах структурных элементов отрасли) унификации уголовного законодательства.

Межотраслевой уровень тоже выходит за рамки унификации собственно уголовного законодательства, так как предполагает гармонизацию, «приведение к общему знаменателю» принципов, терминологии и т. п. двух или более отраслей права и служит предпосылкой внесения изменений в уголовный закон и (или) другие нормативные правовые акты.

Унификация уголовного законодательства на отраслевом уровне означает достижение единства уголовно-правового регулирования и уголовно-правовой охраны тех или иных общественных отношений в пределах всей отрасли уголовного права.

Структурные элементы отрасли уголовного права (институты, субинституты, группы норм, структурные элементы отдельных норм) — это уровень, на котором унификация российского уголовного законодательства осуществляется чаще всего и имеет особое значение для повышения качества уголовного закона.

Под *направлениями унификации* уголовного законодательства в литературе понимаются тенденции данного процесса в пределах отрасли права. Подчеркивается, что, в отличие от конкретных приемов (способов) унификации, о которых будет сказано далее, направления имеют общий характер [15, с. 138]. В научной литературе названы такие направления унификации, как 1) создание единых нормативных актов; 2) выработка единой системы и структуры нормативных актов; 3) расширение круга общих норм; 4) использование норм, регулирующих сходные отношения; 5) обеспечение смысловой однозначности правовых предписаний и унификация правовой терминологии; 6) разработка примерных нормативных актов [14, с. 9; 15, с. 140—152].

Полагаем, что направление (тенденция) и способ характеризуют качественно различные аспекты исследуемого объекта. К тому же некоторые из перечисленных направлений унификации мало отличаются от приемов (средств, способов) унификации в трактовке названных ученых (кодификации, создания модельных нормативных актов, выработки единой структуры Общей и Особенной частей уголовного закона).

Указанные авторы называют также условия унификации: 1) строгое разграничение законода-

тельной компетенции и максимальная концентрация ее в руках одного правотворческого органа; 2) научная основа проведения и координация законодательных работ; 3) соблюдение отраслевой принадлежности норм [14, с. 16; 15, с. 152—158].

Представляется, что перечисленные условия ближе к принципам правотворческой деятельности (законности, научности, системности, выполнения технико-юридических правил) [18, с. 308—309; 19, с. 395], независимо от отраслевой принадлежности разрабатываемых и принимаемых правовых норм.

Основания унификации законодательства рассматриваются на двух уровнях: 1) общем — основанием унификации признается сходство либо тождество регулируемых правом общественных отношений; 2) конкретном — основаниями унификации считаются частные недостатки законодательства данной отрасли [14, с. 18—19; 15, с. 162].

Наибольшую научную и практическую ценность представляет изучение конкретных оснований унификации уголовного законодательства. В литературе сформулированы следующие частные основания унификации законодательства (их перечень открытый): 1) внутренняя противоречивость нормативных правовых актов; 2) значительный объем нормативного материала; 3) недостаточная разработанность норм Общей части; 4) разнохарактерность, бессистемность нормативного материала; 5) неоправданная дифференциация в законодательстве; 6) использование разных способов регулирования однородных общественных отношений; 7) использование разных терминов с одинаковым содержанием; 8) дублирование нормативных положений (в том числе в разных нормативных правовых актах); 9) изобилие оценочных признаков; 10) предрасположенность законодательства к объединению [14, с. 18—19; 15, с. 162—163].

На наш взгляд, некоторые из перечисленных частных оснований унификации законодательства, по сути, одинаковы (например, указанные в пп. 1 и 6, 7 и 8), либо, вопреки своему названию, не отличаются конкретностью (см. пп. 1 и 2), либо охватывают остальные (ср. п. 10 и все другие пункты: все перечисленные в пп. 1—9 обстоятельства могут рассматриваться как предпосылки унификации).

Поэтому применительно к уголовному законодательству считаем возможным выделить в качестве *общего (базового) основания его унификации* неоправданную дифференциацию уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны однородных или тождественных общественных отношений.

К частным (конкретным) основаниям унификации уголовного законодательства, по нашему мнению, следовало бы отнести: 1) недостаточную разработанность норм Общей части УК РФ; 2) неоправданное отнесение преступлений, посягающих на однородные или тождественные общественные отношения, к разным классификационным группам (размещение уголовно-правовых запретов в разных структурных единицах УК РФ — главах, разделах); 3) использование различной терминологии при конструировании одинаковых квалифицирующих признаков составов преступлений; 4) необоснованное конструирование квалифицирующих и (или) привилегирующих признаков составов преступлений; 5) безосновательное создание норм, содержащих специальные составы преступлений; 6) не вызываемую необходимостью специализацию норм об освобождении от уголовной ответственности.

Подчеркнем, что речь идет об основаниях унификации уголовного законодательства на уровне уголовного права как отрасли национального (внутригосударственного) права. Как уже отмечалось, межгосударственный (международно-правовой) и межотраслевой уровни унификации выходят за пределы унификации уголовного законодательства как такового. Кроме того, общим глубинным основанием унификации уголовного законодательства двух или более государств должна быть согласованная и закрепленная в источнике международного права воля данных государств, направленная на достижение единообразия уголовно-правового регулирования и (или) уголовно-правовой охраны тех или иных общественных отношений.

В доктрине *результаты унификации* уголовного законодательства сводятся к следующим трем вариантам: 1) объединение отдельных элементов уголовного права как отрасли права (институтов, групп норм, нескольких норм); 2) достижение единообразия унифицируемого нормативного материала по уже имеющемуся образцу; 3) создание качественно нового нормативного материала «путем переработки и перестройки объектов унификации при сохранении ряда их основных качеств и свойств» [14, с. 9; 15, с. 164—165].

Отметим, что третий вариант, поскольку он связан с появлением качественно новых уголовно-правовых норм, не исключает криминализации и декриминализации деяний, что, строго говоря, не имеет отношения к унификации уголовного законодательства (так же, как к его дифферен-

циации вообще и дифференциации уголовной ответственности в частности).

Думается, результаты унификации уголовного законодательства должны быть более конкретными и соответствовать основаниям такой унификации. Несоблюдение данного условия не позволяет усмотреть связь между основанием (причиной, предпосылкой) унификации и ее итогами.

С учетом сказанного *общим результатом* унификации можно считать отказ от необоснованной дифференциации уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны однородных или тождественных общественных отношений и достижение единообразия уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны таких общественных отношений.

Частные результаты унификации, согласующиеся с ее частными основаниями, это: 1) появление усовершенствованных и (или) новых норм Общей части УК РФ; 2) объединение преступлений, посягающих на однородные или тождественные общественные отношения, в одну классификационную группу (размещение «родственных» уголовно-правовых запретов в одних и тех же структурных единицах УК РФ — главах, разделах); 3) использование единой терминологии при конструировании одинаковых квалифицирующих признаков составов преступлений; 4) отказ от квалифицирующих и (или) привилегирующих признаков составов преступлений; 5) исключение из уголовного закона норм, содержащих специальные составы преступлений; 6) упразднение специальных норм об освобождении от уголовной ответственности.

Унификация уголовного законодательства осуществляется определенными *средствами и приемами*. Л. Л. Кругликов и Л. Е. Смирнова определяют прием унификации как «способ ее проведения, инструмент, без которого она не может быть осуществлена» [14, с. 17; 15, с. 172]. Действительно, в словарях русского языка прием понимается как способ осуществления чего-либо [20, с. 580; 21], а средство — как «прием, способ действия для достижения чего-нибудь» [20, с. 749], «прием, метод воздействия на что-либо» [22]. Иными словами, понятия «средство», «способ», «прием» синонимичны.

Вместе с тем применительно к унификации уголовного законодательства понятия «средство» и «прием» не идентичны. К примеру, не вызывает сомнений различное содержание таких уголовно-правовых терминов, обозначающих признаки объективной стороны преступления, как «способ

совершения преступления», «орудие преступления», «средство совершения преступления». Понятие «прием» характеризует способ унификации, а «средство» — ее инструмент, орудие. Изучая приемы (способы) унификации уголовного законодательства, мы отвечаем на вопрос, *как* (т. е. какими действиями, мерами) осуществляется унификация; исследуя средства унификации — на вопрос о том, *при помощи чего* она проводится.

Согласно позиции Л. Л. Кругликова и Л. Е. Смирновой, приемы унификации отличаются от ее направлений «большей степенью определенности и конкретности» [15, с. 172]. С таким подходом нельзя полностью согласиться. Если прием представляет собой действие или совокупность действий по осуществлению чего-либо, то направление — это «линия движения; путь развития» [20, с. 381], подразумевающие определенную цель (цели).

Приемы унификации уголовного законодательства Л. Л. Кругликов и Л. Е. Смирнова различают в зависимости от уровней унификации. На отраслевом и межотраслевом уровнях данными учеными выявлены такие приемы унификации, как 1) отнесение уголовного законодательства к исключительной компетенции высшего законодательного органа государства; 2) кодификация уголовно-правовых норм в рамках единого источника — УК РФ; 3) издание модельного нормативного правового акта (если необходимо реформировать уголовный закон); 4) выделение Общей и Особенной частей в УК РФ; 5) выработка единой системы и структуры общей и особенной частей уголовного закона; 6) заимствование иноотраслевой терминологии; 7) разработка уголовно-правовых норм, которые в перспективе будут полностью или частично заимствованы другими отраслями права; 8) выработка и использование положений, единых для двух или более отраслей права; 9) нормативное закрепление в УК РФ норм-принципов [14, с. 21—22; 15, с. 176—197].

Нельзя не отметить, что некоторые из перечисленных приемов унификации полностью или частично дублируют отдельные названные выше направления унификации (такие, как создание единых нормативных правовых актов, выработка их единой системы и структуры, разработка примерных нормативных актов), а также условия унификации (например, разграничение законодательной компетенции).

Приемами унификации уголовного законодательства на уровне институтов и норм уголовного права считаются: объединение родственных норм в институты, слияние близких по содержанию

институтов; достижение согласованности между названием статьи УК РФ и ее диспозицией; закрепление дефиниций уголовно-правовых понятий в тексте уголовного закона; минимизация количества оценочных понятий в уголовном законе; использование в УК РФ определенных типов диспозиций статей (простых, описательных, ссылочных, бланкетных), а также норм примечаний; изложение квалифицирующих признаков по «блоковому принципу»; построение строгой и внутренне согласованной системы санкций уголовно-правовых норм [14, с. 22; 15, с. 197—278].

В данном перечне тоже есть приемы, почти не отличимые от того, что указанные авторы считают результатами унификации (объединение объектов унификации в один), либо представляющие собой частные случаи такого результата, как приведение нормативного материала к единообразию по какому-либо «шаблону» (изложенные по единому стандарту примечания к статьям Особенной части уголовного закона, идентичные квалифицирующие признаки составов преступлений).

Перечни приемов унификации уголовного законодательства на обоих указанных уровнях названные ученые не считают исчерпывающими. Средства унификации в указанных работах Л. Л. Кругликова и Л. Е. Смирновой не рассматриваются в качестве самостоятельной (отличной от приемов унификации) научной категории.

В связи с отсутствием четкого обособления приемов унификации от иных ее аспектов полагаем, что использование термина «прием унификации» нецелесообразно, и логично рассуждать именно о *средствах* унификации уголовного законодательства. В то же время вряд ли подлежит сомнению неразрывная связь между средствами и приемами (способами) такой унификации, их взаимозависимость.

Полагаем, что *средства унификации уголовного законодательства (как инструменты, а не способы унификации) принципиально не отличаются от средств его дифференциации* (включая средства дифференциации уголовной ответственности). Данные средства могут присутствовать как в Общей, так и в Особенной частях УК РФ.

В Общей части это могут быть нормы практически любого из ее институтов, если в таких нормах вместо различного (дифференцированного) регулирования тех или иных общественных отношений закрепляется некий единый подход. Допустим, в ст. 15 УК РФ четыре категории умышленных преступлений сводятся к трем; либо в гипотетической обновленной редакции ст. 66 УК РФ законо-

датель отказывается от дифференцированного подхода к установлению ограничений верхних пределов назначенного наказания за приготовление к преступлению и за покушение на преступление, или вообще не устанавливает таких ограничений. Реальным примером средства унификации в Общей части уголовного закона может служить норма ч. 2 ст. 68 УК РФ (в редакции от 8 декабря 2003 г.), в которой был предусмотрен единый для всех видов рецидива преступлений нижний предел срока наказания.

В Особенной части это могут быть типовые санкции (если они становятся одинаковыми в нормах о разных преступлениях); общие нормы об ответственности за отдельные виды преступлений (при исключении специальных норм); конструктивные признаки основных составов преступлений в диспозициях норм (если законодатель отказывается от тех или иных квалифицирующих или привилегирующих признаков); квалифицирующие и привилегирующие признаки составов (если отдельные признаки такого рода объединяются в одной норме с установлением одной и той же типовой санкции за совершение преступлений с указанными признаками); нормы о специальных видах освобождения от уголовной ответственности, если они распространяются на более широкий круг преступлений.

К средствам унификации уголовного законодательства также следует отнести единую терминологию и легальные дефиниции понятий, придающие уголовно-правовым терминам строго определенное содержание.

В свете сказанного считаем оптимальным проведение научных исследований унификации уголовного законодательства с точки зрения таких ее характеристик, как *уровни, основания, результаты и средства*.

Унификация уголовного законодательства может осуществляться на межгосударственном (международно-правовом), межотраслевом, отраслевом уровнях. На отраслевом уровне унификация возможна в масштабах всей отрасли уголовного права либо в пределах ее структурных элементов (институтов, субинститутов, нескольких норм, отдельных норм). К унификации уголовного законодательства в чистом виде относится только унификация на отраслевом уровне.

Основания унификации уголовного законодательства могут быть *общими и частными*. *Общее (базовое) основание* — неоправданная дифференциация уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны однородных или тожде-

ственных общественных отношений. *Частные (конкретные) основания*: 1) недостаточная разработанность норм Общей части УК РФ; 2) неоправданное отнесение преступлений, посягающих на однородные или тождественные общественные отношения, к разным классификационным группам (размещение уголовно-правовых запретов в разных структурных единицах УК РФ — главах, разделах); 3) использование различной терминологии при конструировании одинаковых квалифицирующих признаков составов преступлений; 4) необоснованное конструирование квалифицирующих и (или) привилегирующих признаков составов преступлений; 5) неоправданное создание норм, содержащих специальные составы преступлений; 6) не вызываемая необходимостью специализация норм об освобождении от уголовной ответственности.

Результаты унификации уголовного законодательства также целесообразно исследовать с позиции «общее — частное». *Общий результат* унификации — отказ от необоснованной дифференциации уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны однородных или тождественных общественных отношений и достижение единообразия уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны таких общественных отношений.

Частные результаты унификации, в которых воплощается ее общий итог: 1) появление усовершенствованных и (или) новых норм Общей части УК РФ; 2) объединение преступлений, посягающих на однородные или тождественные общественные отношения, в одну классификационную группу (размещение «родственных» уголовно-правовых запретов в одних и тех же структурных

единицах УК РФ — главах, разделах); 3) использование единой терминологии при конструировании одинаковых квалифицирующих признаков составов преступлений; 4) отказ от квалифицирующих и (или) привилегирующих признаков составов преступлений; 5) исключение из уголовного закона норм, содержащих специальные составы преступлений; 6) упразднение специальных норм об освобождении от уголовной ответственности.

Средствами унификации уголовного законодательства считаем возможным признавать любые нормы уголовного права (как нормы-запреты, так и нормы-предписания, нормы-правила, нормы-дефиниции), их компоненты (гипотезы, диспозиции, санкции, термины), а также объединения норм (институты, субинституты, иные конгломерации норм уголовного права), при помощи которых достигается единообразие уголовно-правового регулирования и уголовно-правовой охраны общественных отношений.

Названные средства наиболее ярко демонстрируют связь дифференциации и унификации в уголовном праве. Так, квалифицирующие признаки, являясь средством дифференциации (градации, разделения, «расслоения») уголовной ответственности (т. е. установления различных уголовно-правовых последствий совершенных деяний), одновременно могут быть и средством унификации уголовного законодательства — например, если в уголовном праве государства (или двух или более государств) достигается единый подход к системе квалифицирующих признаков одних и тех же преступлений (вида преступлений).

1. Дудырев Ф. Ф. Унификация уголовно-правовых норм и институтов в Уголовном уложении 1903 г. (на примере должностных (служебных) преступлений) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2012. № 4. С. 16—23.

2. Кузнецова Н. В. К вопросу об унификации уголовной ответственности за преступления в сфере внешнеэкономической деятельности в государствах — членах Таможенного союза // Полицейская деятельность. 2015. № 6. С. 373—379.

3. Лавринов В. В. Унификация уголовной ответственности за таможенные преступления в странах — членах ЕАЭС // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2. С. 99—101.

1. Dudyrev F. F. The unification of criminal norms and institutions in the Criminal Code of 1903 (in the context of crimes committed by officials). Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Law", 16—23, 2012. (In Russ.).

2. Kuznetsova N. V. To the issue of the unification of criminal responsibility for crimes in the sphere of foreign economic activities in the Customs Union members. Police activities, 373—379, 2015. (In Russ.).

3. Lavrinov V. V. The unification of criminal liability for customs offences in the EAEU member countries. Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management, 99—101, 2020. (In Russ.).

4. Ермаков М. Г. Унификация уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: сб. науч. тр. / под ред. М. М. Горшкова, А. Б. Соколова, А. Р. Сысенко. Омск: Ом. акад. МВД России, 2022. Вып. 1. Омск: Образование информ, 2022. С. 47—49.

5. Сенцов А. С., Волколупова В. В. Унификация и дифференциация уголовной ответственности за экологические преступления // Юридическая наука. 2023. № 6. С. 167—174.

6. Рагимов И. М. Проблемы глобальной унификации уголовной ответственности физических лиц // Государство и право. 2023. № 2. С. 43—53.

7. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. Москва: Статут, 2010. 469 с.

8. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1993. 34 с.

9. Кушнир И. В. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. 187 с.

10. Дмитриева Г. К. Унификация или гармонизация права: новые формы // Унификация международного частного права в современном мире: сб. ст. / отв. ред. И. О. Хлестова. Москва: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. С. 14—25.

11. Портнова Е. В. Некоторые проблемы унификации международного частного права в современном мире // Наука. Общество. Государство: электрон. науч. журн. 2016. Т. 4, № 2. URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/portnova_ev_16_2_12.pdf (дата обращения: 28.09.2024).

12. Иванова С. А. К вопросу об унификации норм гражданского законодательства в результате поиска наиболее удачного способа их регламентации // Legal Bulletin. 2020. Т. 5 (1). С. 7—12.

13. Потапенко Е. Г. Унификация права: понятие, формы, методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. Т. 17, вып. 3. С. 344—351.

4. Yermakov M. G. The unification of criminal legislation on responsibility for illegal trafficking of potent and toxic substances. In: Topical problems of legal regulation, organization and techniques of investigative actions. Collection of scientific works. Vol. 1. Red. by M. M. Gorshkov, A. B. Sokolov, A. R. Sysenko. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2022. Omsk: Obrazovanie inform; 2022: 47—49. (In Russ.).

5. Sentsov A. S., Volkolupova V. V. The unification and differentiation of criminal responsibility for environmental crimes. Legal science, 167—174, 2023. (In Russ.).

6. Ragimov I. M. Problems of global unification of criminal responsibility of individuals. State and law, 43—53, 2023. (In Russ.).

7. Alekseyev S. S. Collected works. In 10 vols. Vol. 2. Special law issues. Moscow: Statut; 2010: 469. (In Russ.).

8. Senyakin I. N. The specialization and the unification of Russian legislation (theory and practice issues). Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 1993: 34. (In Russ.).

9. Kushnir I. V. Legal responsibility disparity in the legislation of the Russian Federation. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2021. 187. (In Russ.).

10. Dmitriyeva G. K. The unification or harmonization of law: new forms. In: The unification of international private law in the modern world. Collection of scientific works. Red. by I. O. Khlestova. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M; 2013: 14—25. (In Russ.).

11. Portnova Ye. V. Some problems of the unification of international private law in the up-to-date world. Science. Society. State: electronic scientific journal, 2016. Available from: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/portnova_ev_16_2_12.pdf. Accessed: 28 September 2024. (In Russ.).

12. Ivanova S. A. To the issue of the unification of civil legislation norms as a result of the search for the most successful way of their regulation. Legal bulletin, 7—12, 2020. (In Russ.).

13. Potapenko Ye. G. The unification of law: concept, forms, methods (in the context of study of the unification of civil procedural law). Izvestiya of Saratov University. New series. Economics. Management. Law, 344—351, 2017. (In Russ.).

14. Smirnova L. Ye. The unification in criminal law. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Kazan; 2006. 25. (In Russ.).

14. Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 25 с.

15. Кругликов Л. Л., Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2008. 312 с.

16. Егорова Н. А. Дифференциация и унификация уголовной ответственности за управленческие преступления (законодательный аспект). Волгоград: ВА МВД России, 2010. 192 с.

17. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, 2000. 400 с.

18. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. Москва: НОРМА, 2001. 832 с.

19. Алексеев С. С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3. Проблемы теории права: курс лекций. Москва: Статут, 2010. 781 с.

20. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. Москва: АЗЪ, 1995. 928 с.

21. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. Москва: АСТ-Пресс, 2020. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC&mode=slovari&dicts[]=48) (дата обращения: 23.10.2024).

22. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2004. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&mode=slovari&dicts\[\]=42&dicts\[\]=24&ysclid=lyy7t6n6y5131299903](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&mode=slovari&dicts[]=42&dicts[]=24&ysclid=lyy7t6n6y5131299903) (дата обращения: 23.10.2024).

15. Kruglikov L. L., Smirnova L. Ye. The unification in criminal law. Saint Petersburg: Juridical Centre Press; 2008: 312. (In Russ.).

16. Yegorova N. A. The differentiation and unification of criminal responsibility for administrative offences (legislative aspect). Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2010: 192. (In Russ.).

17. Lesnievski-Kostareva T. A. The differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice. 2nd ed., rev. and add. Moscow: NORMA; 2000: 400. (In Russ.).

18. Problems of the general theory of law and state. Red. by V. S. Nersesyan. Moscow: NORMA; 2001: 832. (In Russ.).

19. Alekseyev S. S. Collected works. In 10 vols. Vol. 3. Problems of the theory of law. A course of lectures. Moscow: Statut; 2010: 781. (In Russ.).

20. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language 2nd ed., rev. and add. Moscow: AZЪ; 1995: 928. (In Russ.).

21. Morkovkin V. V., Bogacheva G. F., Luts-kaya N. M. Big universal dictionary of the Russian language. Moscow: AST-Press; 2020. Available from: [https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC&mode=slovari&dicts\[\]=48](https://gramota.ru/poisk?query=%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B5%D0%BC&mode=slovari&dicts[]=48). Accessed: 23 October 2024. (In Russ.).

22. Big explanatory dictionary of the Russian language. Red. by S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg: Norint; 2004. Available from: [https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&mode=slovari&dicts\[\]=42&dicts\[\]=24&ysclid=lyy7t6n6y5131299903](https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE&mode=slovari&dicts[]=42&dicts[]=24&ysclid=lyy7t6n6y5131299903). Accessed: 23 October 2024. (In Russ.).

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
egonatalex@yandex.ru

Yegorova Natalia Alexandrovna,
professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, docent;
egonatalex@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 22.01.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.235.1

**УЖЕСТОЧАТЬ НАКАЗАНИЕ ПРИ РЕЦИДИВЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕОБХОДИМО**

Любовь Валентиновна Лобанова*, Мария Андреевна Малимонова**

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

* lobanova@volsu.ru

** malimonova@volsu.ru

Аннотация. В статье освещаются отдельные аспекты реализации специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений. Уточняются логические основы закрепления в уголовном законе такого рода начал, определяется связь последних с положениями ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Подчеркивается, что применение правил ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации является одной из форм учета рецидива преступлений как отягчающего обстоятельства и поэтому не может иметь места в ситуациях, указанных в ч. 2 ст. 63 и ч. 4 ст. 65 данного кодекса. Определяются случаи, в которых учет названного отягчающего обстоятельства должен осуществляться автономно от реализации соответствующих специальных правил. Описаны причины, в силу которых положения ч. 2 ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации не обладают необходимой универсальностью. Вносятся предложения по оптимизации содержания текста ст. 68, направленные на обеспечение эффекта ужесточения в результате применения анализируемых правил. В целях разрешения выявленных практических проблем сформулированы рекомендации по сглаживанию дефектов уголовного закона посредством официального судебного толкования.

Ключевые слова: рецидив преступлений, рецидивная преступность, ужесточение наказания, отягчающие обстоятельства, специальные правила

Для цитирования: Лобанова Л. В., Малимонова М. А. Ужесточать наказание при рецидиве преступлений необходимо // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 19—26.

**IT IS NECESSARY TO INTENSIFY THE PUNISHMENT,
WHILE RECURRENCE (REPETITION) OF CRIMES TAKES PLACE**

Lyubov Valentinovna Lobanova*, Mariya Andreyevna Malimonova**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

* lobanova@volsu.ru

** malimonova@volsu.ru

Abstract. The article: deals with certain aspects of the implementation of special rules to impose punishment, while recurrence (repetition) of crimes takes place; specifies the logical bases to fix such principles in the criminal law; determines the connection of the latter with the provisions of Art. 63 of the Criminal Code of the Russian Federation; emphasizes that application of the rules of Art. 68 of the Criminal Code of the Russian Federation is one of the forms to consider recurrence (repetition) of crimes as an aggravating factor (circumstance) and therefore cannot take place in the situations specified in Part 2 of Art. 63 and Part 4 of Art. 65 of the Criminal Code of the Russian Federation; identifies the cases, where considering the mentioned aggravating factor (circumstance) should be carried out independently from the implementation of the corresponding special rules; describes the reasons due to which the provisions of Part 2 of Art. 68 of the Criminal Code of the Russian Federation do not have the necessary universality; in particular, makes proposals to optimize the text of Art. 68, aimed at severe effect from the application of the analyzed rules; in addition, as an alternative solution to the identified practical problems, formulates recommendations to correct the defects of the criminal law through official judicial interpretation.

Keywords: recurrence (repetition) of crimes, recidivism, intensifying the punishment, aggravating factors (circumstances), special rules

For citation: Lobanova L. V., Malimonova M. A. It is necessary to intensify the punishment, while recurrence (repetition) of crimes takes place. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 19—26, 2025. (In Russ.)

Рецидивная преступность является своеобразной центробежной силой всего криминального сегмента жизни общества. Она не только аккумулирует в себе «лavinную» долю совершаемых в России преступлений (по некоторым оценкам, 30 %), но и играет весьма заметную роль в самодетерминации преступности [1, с. 590]. Оттого не вызывает нареканий положение о применении более сурового наказания при рецидиве преступлений, закрепленное в ч. 5 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Оно, хотя и не аксиоматично, имеет под собой логические основания. «Для достижения же наивысшей целесообразности наказания, — писал о таковых М. П. Чубинский, — необходимо, чтобы принцип индивидуализации наказания получил полное применение, чтобы в каждом случае правосудие считалось с тем, какого рода личность перед ним находится, робкий ли это новичок, или стойкий враг правопорядка, каковы его привычки, его наклонности и т. п. <...> Мы можем иметь перед собой недостаточно данных для убеждения в том, — уточнял свою позицию указанный ученый, — что у судимой личности есть устойчивость преступных наклонностей, возникшая благодаря привычке к преступной деятельности, и в то же время можем признать, что данный субъект уже не новичок преступления и вообще не соответствует тому сравнительно благоприятному представлению, которое связывается со словами „случайный преступник“» [2, с. 391, 393].

Возьмем приведенные соображения выдающегося российского правоведа на вооружение. Они помогают осмыслить как основной вектор действия правил назначения наказания при рецидиве преступлений, так и причины отклонения от данного направления.

Ужесточение наказания рецидивистам на правотворческом уровне не возводится в абсолют. Положение о фиксированной минимальной мере наказания для подобной ситуации предвещается предписанием учитывать ряд обстоятельств. Допустима и реализация целого ряда специальных правил смягчения наказания. И все же нелогично было бы заявлять о нейтральном статусе рецидива преступлений. Вне контекста обстоятельств, способных обуславливать снижение наказания, он (рецидив) должен, несомненно, названную карательную меру ужесточать. Подобная

едва ли простая диалектика положений закона не без проблем воспринимается и представителями уголовно-правовой доктрины, и теми, кто призван применять соответствующие предписания.

Первым в поле зрения исследователя, а равно правоприменителя оказывается вопрос о соотношении между п. «а» ч. 1 ст. 63 и ст. 68 УК РФ. Нужно ли, например, при реализации правил последней статьи учитывать рецидив еще и как отягчающее обстоятельство, скажем, оправдывая тем самым движение к верхнему пределу санкции конкретной статьи? Большинство исследователей отрицают такую необходимость. Правда, причины этого отрицания различны. Так, Е. В. Благов исходит из того, что указание на рецидив в законодательном перечне обстоятельств, отягчающих наказание, ошибочно, поскольку данный факт не может входить в содержание общих начал как типовых правил назначения наказания при любом преступлении [3, с. 103]. Многие другие ученые воспринимают текст ст. 68 УК РФ, и прежде всего ее ч. 2, как конкретизацию предписаний не только ч. 5 ст. 18, но и п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ [4, с. 20].

Довод, приведенный Е. В. Благовым, у нас вызывает определенные возражения, равно как и предложение юриста исключить рецидив из упоминаемого перечня обстоятельств [3, с. 103]. Вряд ли резонно отрицать наличие у подобного факта свойств типичности, безусловности влияния на наказание, существенности влияния и его направленности именно на ужесточение уголовно-правового обременения. А ведь именно эти критерии и должны лежать в основе формирования соответствующего нормативного списка [5, с. 74, 85].

Не следует также забывать о закрытом характере перечня отягчающих обстоятельств. Ведь при таком законотворческом подходе ни одно из обстоятельств, не включенное в данный перечень, не может определять само по себе возможность существенного усиления наказания. Между тем положения ч. 5 ст. 18 и ст. 68 УК РФ явно указывают на то, что рецидиву законодатель придает статус обстоятельства, особо ужесточающего наказание. Вполне закономерно поэтому упоминание о нем в самом первом пункте ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Констатация связи между п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ и специальными правилами ст. 68 УК РФ, а также признание конкретизирующей роли таких правил представляются гораздо более взвешенными

аргументами в пользу отрицания возможности учета факта наличия в деянии рецидива как обстоятельства, оправдывающего смещение меры наказания от нового фиксированного минимального предела в сторону максимума санкции.

Анализ решений по конкретным делам позволяет сделать вывод о том, что подобную связь не оспаривает и Верховный Суд РФ. Не случайно аргументации необходимости применения специальных правил, содержащихся в ст. 68 УК РФ, часто предшествует ссылка на п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Так, в апелляционном определении названного судебного органа по делу Ивановой содержатся следующие весьма категоричные суждения: «Обстоятельством, отягчающим наказание Ивановой А. Г., предусмотренным п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, суд правильно признал рецидив преступлений, который с учетом положений п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ является особо опасным. <...> При назначении наказания суд правильно руководствовался положениями чч. 1, 2 ст. 68 УК РФ»¹. Подобный подход Верховный Суд РФ демонстрирует и в других своих решениях².

Акцентирование внимания на такой связи позволяет объяснить тот факт, что в действующей редакции ст. 68 УК РФ уже нет запрета на применение ее ч. 1 в том случае, когда судимость за предшествующее преступное посягательство включена законодателем в конструкцию состава преступления. Не исключено, что правотворец посчитал сохранение такого запрета излишним после того, как содержание отягчающего обстоятельства из п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ и основание применения ст. 68 УК РФ стали идентичными. В подобных условиях функцию предотвращения

двойного учета одного и того же обстоятельства в одном и том же процессе способна выполнить ч. 2 ст. 63 УК РФ.

Подчеркивая связь положений ст. 68 с п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, мы вместе с тем должны отметить и некоторую автономность названного пункта указанной статьи, ввиду которой упоминание такового в акте, отражающем факт применения специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений, тем более не может считаться излишним. Ведь роль рассматриваемого фактора в процессе определения уголовно-правовых последствий содеянного не ограничивается применением ст. 68 УК РФ. Законодатель, в частности, за всеми отягчающими обстоятельствами (а следовательно, и за рецидивом) признает еще ряд функций, в том числе препятствование изменению категории преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ), а также применению некоторых специальных правил смягчения наказания (чч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ). Каких-либо исключений в данном отношении для рецидива преступлений российский правотворец не делает, что небезосновательно. Ведь рецидив как обстоятельство, указывающее в подавляющем большинстве случаев на повышенную степень общественной опасности преступника, способен, несомненно, значительно обесценить «вес» так называемых особо смягчающих обстоятельств, которые, кстати говоря, также характеризуют именно личность виновного. Из этого, надо полагать, исходят и суды, которые в случаях установления рецидива преступления отказываются применять чч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ, мотивируя свои решения тем, что соответствующие положения не могут быть реализованы при наличии хотя бы одного отягчающего обстоятельства. Так, аргументация одного из подобных решений выглядит следующим образом: «Шаянов ранее судим, в его действиях усматривается опасный рецидив преступлений, согласно п. „а“ ч. 1 ст. 63 УК РФ рецидив преступлений является обстоятельством, отягчающим наказание» [6, с. 85]. Отметим наличие еще одной ниши для непосредственной реализации п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ — случай, когда применение ч. 2 ст. 68 УК РФ заведомо исключает ужесточение наказания в связи с рецидивом преступлений, причем в условиях отсутствия оснований для смягчения такой меры уголовно-правового характера. Это связано с содержательными дефектами законотворческого решения, с существенными недостатками названной части указанной последней статьи УК РФ. Однако подробнее данную

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31 октября 2018 г. по делу № 2-21/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/8XTHJXayXBW1/> (дата обращения: 20.02.2025).

² См: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2018 г. по делу № 2-27/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/zzdNIHCN0Ym/> (дата обращения: 20.02.2025); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2019 г. по делу № 67-АПУ19-18 // Там же. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/cAtdAEuyrIN6/> (дата обращения: 20.02.2025); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2012 г. по делу № 2-44/12 // Там же. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/pbvtpWeVclJE/> (дата обращения: 20.02.2025).

проблему резоннее рассмотреть после детального освещения самого изученного правила.

В последнем теория и практика давно обнаружили серьезные изъяны. Так, получается, что при совершении лицом преступления, за которое предусмотрены неградируемые виды наказания, определить минимальную границу наказания, которое должно быть назначено при установлении факта рецидива преступлений согласно требованиям ч. 2 ст. 68 УК РФ, практически невозможно. Озвученная проблема была выявлена еще до вступления в силу УК РФ [7, с. 30] и неоднократно обсуждалась позднее [3, с. 106; 8, с. 22]. Но до сих пор соответствующий вопрос остается без ответа законодателя. Что же касается Пленума Верховного Суда РФ, то он не проясняет ситуацию до конца, давая общее — применительно к ст. 62, 65 и 68 УК РФ — определение понятия наиболее строгого вида наказания, предписывая понимать под таким «тот из перечисленных в санкции статьи вид наказания, который является наиболее строгим из применяемых в соответствии с действующим уголовным законом видов наказания с учетом положений ст. 44 УК РФ... При этом не имеет значения, может ли данный вид наказания быть назначен виновному с учетом положений Общей части УК РФ (например, части 1 статьи 56 УК РФ) или Особенной части УК РФ...»¹.

Даная рекомендация способствует реализации ст. 62, 65 и 66 УК РФ. Благодаря оговоркам, содержащимся в указанных статьях, ее использование в соответствующих случаях смягчения наказания позволяет безошибочно определить, из какого именно вида наказания необходимо исчислять с помощью той или иной дроби его максимальный предел. Это всегда вид наказания, допускающий градацию размера либо срока. Немаловажно и то, что правило, закрепленное в ч. 2 ст. 68 УК РФ, предназначено для уточнения минимума, а не для ограничения максимума, назначаемого при рецидиве наказания. В результате в контексте указанной последней статьи абз. 1 п. 33 постановления в совокупности с абз. 1 п. 47 по меньшей мере выглядит противоречиво, когда возникает потребность в использовании содержащихся здесь предписаний при реализации санкций, устанавливаю-

щих наряду с лишением свободы на определенный срок более суровые виды наказания. Видимо, Пленум Верховного Суда РФ просто упустил из виду отсутствие подобных оговорок в ст. 68 УК РФ, ориентируя судебные органы при назначении наказания при рецидиве преступления, квалифицируемого по статье (части статьи) Особенной части УК РФ, допускающей применение пожизненного лишения свободы и смертной казни, на то, чтобы, по сути дела, не придавать значения тому факту, что именно эти виды наказания в подобных ситуациях является более строгими, чем лишение свободы на определенный срок. Иначе последнему предложению в приведенном абзаце анализируемого постановления просто не было бы места.

В подобном же русле складывается и судебная практика. Например, избирая в качестве вида наказания для рецидивиста за совершенное им квалифицированное убийство лишение свободы на определенный срок и определяя размер такого в пределах санкции статьи, суды вовсе не основывают свое решение на положениях ч. 3 ст. 68 и не ссылаются на ст. 64 УК РФ. Напротив, подобные судебные акты, как правило, содержат обоснование невозможности реализации соответствующих предписаний². Но ведь и иных вариантов избрания рецидивисту не самого сурового из предусмотренных в санкции статьи наказания закон не предоставляет.

Поневоле возникает сомнение в успешности адаптации положений ч. 2 ст. 68 УК РФ в их неизменном виде к преступлениям, способным повлечь применение исключительных видов наказания.

Непросто и тогда, когда санкция статьи (части статьи) содержит указание лишь на один вид основного наказания и при этом в ней самой определен нижний предел размера этого наказания. В подавляющем большинстве подобных случаев искомый фиксированный предел возможной карательной меры также в итоге оказывается меньшим, чем минимальный размер наказания, установленного в санкции, либо равным ему.

Мы далеки от мысли, что правило о дробном исчислении минимального размера наказания, назначаемого при рецидиве преступлений, из максимального размера наиболее строгого вида нака-

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 15.02.2025).

² См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 октября 2018 г. по делу № 2-27/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/vsrfl/doc/zzdNIHCN0Ym/> (дата обращения: 20.02.2025) и др.

зания вообще непродуктивно. Применение его при реализации альтернативных санкций (за исключением таких, о которых мы говорили выше), а также единичных санкций без указания нижнего предела может быть вполне чувствительным для рецидивиста. По этой причине мы не склонны с оптимизмом встречать каждое предложение о замене данного правила другим, предусматривающим иную универсальную методику конструирования воображаемой санкции. Предлагалось, в частности, для получения нового минимума высчитывать соответствующие дроби от разницы между максимальным и минимальным размерами наиболее строгого вида наказания, прибавляя полученную величину к указанному минимальному пределу [9, с. 40; 3, с. 108]. Были сформулированы также рекомендации об использовании других, более высоких коэффициентов (с учетом вида рецидива: $\frac{2}{3}$; $\frac{1}{3}$; $\frac{1}{2}$ [10, с. 14—15]), об определении нижней границы искомого наказания путем увеличения на $\frac{1}{3}$ от максимального размера наиболее строгого вида наказания его минимального размера [11, с. 39].

Но при этом нередко замалчивается наличие в санкции ряда статей Особенной части УК РФ наказаний, не имеющих градации. Каждая из рекомендаций имеет собственные недостатки. Так, использование высоких коэффициентов может быть связано не только с переоценкой значимости рецидива как отягчающего обстоятельства, но и с допущением выхода за максимальные пределы санкций соответствующих статей и даже за верхние границы вида наказания, обозначенные в Общей части УК РФ. Не исключила бы такого противоречия и реализация последнего из внесенных предложений, с которым выступил Д. Дядькин, поскольку его инициатор не учитывает существование санкций с небольшой разницей между минимальным и максимальным пределами размера наиболее строгого вида наказания. Встречаются в УК РФ даже санкции, при модификации которых с учетом правил, формулируемых авторами, их (санкций) предел оказался бы равен максимальному. Например, это все санкции, где основное наказание предусмотрено в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет (ч. 1 ст. 205, ч. 3 ст. 207³, ч. 1 ст. 209 и др.). Показательной была бы адаптация модернизированных подобным образом правил назначения наказания при рецидиве преступлений к санкции ч. 3 ст. 210 УК РФ, устанавливающей в качестве наиболее строгого вида наказания лишение свободы на срок от 15 до 20 лет. Полученная таким образом величина (21 год 8 мес.) превысила

бы не только максимальный предел данной санкции, но и такой же предел, определенный для указанного вида наказания в ч. 2 ст. 56 УК РФ.

Представляется рациональным предложение определять искомую величину наказания исходя из не одного только предела наиболее строгого вида наказания (максимального либо минимального), а из обоих. Проблематичным здесь в большей степени оказывается не обеспечение логики расчета наказания, а технико-юридическое оформление соответствующего правила. Ведь эти правила должны быть понятны правоприменителю, но в то же время не выглядеть как методические указания.

По нашему мнению, внедрение такого подхода к изменению нижней границы наказания при его назначении за рецидив преступлений поможет судьям лишь в случае соблюдения определенных условий. Необходимо, во-первых, дистанцировать друг от друга предписания об избрании наиболее строгого вида наказания и положение об определении его размера или срока; во-вторых, в отдельных частях ст. 68 УК РФ (которыми требуется дополнить ее текст) сформулировать предписания-исключения для тех случаев, когда расчет величины минимального наказания должен осуществляться исходя из иного, не самого строгого его вида.

В качестве промежуточного итога наших рассуждений предложим законодателю внести следующие изменения в ст. 68 УК РФ.

Первое. Часть 2 изложить в такой редакции: «При любом виде рецидива, кроме случаев, предусмотренных частями третьей, четвертой и пятой настоящей статьи, лицу назначается наказание наиболее строгого вида из числа предусмотренных законом за данное преступление. При этом минимальный срок или размер такого наказания увеличивается на одну треть от разницы между указанными в санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса его максимальной и минимальной величинами».

Второе. Дополнить данную статью частями четвертой и пятой следующего содержания:

«4. Положение части 2 настоящей статьи о назначении наиболее строгого вида наказания не применяется, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь. В этом случае минимальная величина наказания рассчитывается из минимального и максимального наказания в виде лишения свободы на определенный срок, предусмотренного законом за совершение лицом конкретного преступления.

5. Если в соответствии с положениями Общей части настоящего Кодекса назначение данному лицу наиболее строгого вида наказания невозможно, минимальная величина наказания рассчитывается исходя из наиболее строгого вида наказания из числа тех, которые установлены законом за конкретное преступление и могут быть применены к этому лицу».

До тех пор, пока подход законодателя к определению нижнего предела назначения наказания при рецидиве преступлений останется неизменным, суды будут вынуждены руководствоваться им, назначая наказание за оконченное рецидивное преступление с оглядкой на необходимость делать это в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. На этом акцентирует внимание правоприменитель и Пленум Верховного Суда РФ в п. 48 своего постановления от 22 декабря 2015 г. № 58. В поле зрения высшего судебного органа страны почему-то не попали особенности учета рецидива преступлений как отягчающего обстоятельства в описанных выше случаях, когда применение изучаемых специальных правил заведомо не может повлечь ужесточение наказания. Вместе с тем ст. 60 УК РФ обязывает правоприменителя учитывать все обстоятельства, которые признаны судом смягчающими и (или) отягчающими, т. е. определять их вес, соотносить с другими важными в данном отношении фактами. Значение отягчающего обстоятельства не может быть определено изначально как нулевое, если это прямо не зафиксировано в законе. Таковым оно может стать только в контексте всех обстоятельств дела. Логично поэтому предположить, что законодателем на самом деле для непосредственной реализации п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ оставлена более широкая (чем кажется на первый взгляд) сфера. Мы полагаем, что побудить правоприменителя к автономному (от ч. 2 ст. 68 УК РФ) учету рецидива преступлений как отягчающего обстоятельства при назначении в подобных случаях лицу наказания должен Пленум Верховного Суда РФ. В связи с этим считаем целесообразным внесение в анализируемое постановление дополнения в виде пункта 48.1 следующего содержания: «Поскольку часть 2 статьи 68 УК РФ не содержит предписания относительно применения санкций статей (частей статей) его Особенной части, устанавливающих в качестве наиболее строгого вида наказания пожизненное лишение свободы или смертную казнь, назначая наказание за соответствующие преступления при признании любого вида рецидива, суды должны

учитывать отягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом „а“ части 1 статьи 63 УК РФ, в общем порядке. Таким же образом необходимо учитывать наличие рецидива при назначении наказания лицу, совершившему преступление, за которое уголовный закон устанавливает лишь один вид наказания, применение которого допустимо к данному лицу, и при этом одна третья часть от максимального значения указанного наказания является меньшей, чем его минимальное применимое к конкретному преступлению значение либо равной последнему».

Сформулируем несколько заключительных выводов.

1. Ужесточение наказания при рецидиве преступлений логически обосновано.

2. Реализация правила, предусмотренного ч. 2 ст. 68 УК РФ, — главный вектор функционирования отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Если следование указанному правилу приводит к повышению минимума карательной величины наиболее сурового вида наказания по сравнению с нижней его границей, установленной законом за конкретное преступление, сам факт рецидива не может служить основанием для дальнейшего движения к максимальному пределу санкции соответствующей статьи УК РФ.

3. Установленные законом запреты относительно учета отягчающих обстоятельств (ч. 2 ст. 63, ч. 4 ст. 65 УК РФ) исключают и применение правил, закрепленных в ч. 2 ст. 68 УК РФ. Как и другие отягчающие обстоятельства, рецидив служит препятствием для понижения судом категории совершенного преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ), реализации некоторых специальных начал смягчения наказания (ч. 1 и 2 ст. 62 УК РФ). В тех случаях, когда применение специальных правил назначения наказания при рецидиве преступлений не приводит к повышению минимальной величины наиболее сурового вида наказания по сравнению с нижней его границей, установленной законом за конкретное преступление, данное отягчающее обстоятельство также не должно остаться без внимания суда. Его ужесточающую роль в подобной ситуации следует учесть в общем порядке. Независимо от формы учета рецидива как отягчающего обстоятельства ссылка на п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ в описательно-мотивировочной части приговора обязательна.

4. Для того чтобы обеспечить ужесточающий эффект от реализации соответствующих специальных правил назначения наказания, а следова-

тельно, и их универсальность, необходимо внести в ст. 68 УК РФ изменения и дополнения как технико-юридического, так и сущностного характера. Подобное реформирование названных начал, думается, предполагает следующее. Во-первых, следует развести положение об избрании наиболее сурового вида наказания и положение об определении его размера или срока. Во-вторых, важно в отдельных частях рассматриваемой статьи УК РФ сформулировать предписания-исключения для тех случаев, когда расчет величины минимального наказания должен осуществляться исходя из иного, не самого строгого его вида. В-третьих, целесообразно принципиально изменить методику расчета минимального размера (срока) наказания, избираемого для рецидивиста. Обязательной предпосылкой справедливости такого решения должно служить принятие во внимание разницы между наибольшей и наименьшей величинами

назначаемого при этом вида наказания, установленного законом за конкретное преступление. Озвученные идеи законотворческого характера отражены авторами в предлагаемых ими формулировках новой редакции ч. 2 ст. 68 УК РФ и редакций частей данной статьи (4 и 5), которыми предлагается ее дополнить.

5. До тех пор, пока специальные правила назначения наказания при рецидиве преступлений будут оставаться неизменными, просчеты законодателя целесообразно сглаживать с помощью официального судебного толкования. В данном направлении Пленумом Верховного Суда РФ сделано много, но все же недостаточно. В связи с этим в настоящей статье сформулированы рекомендации о дополнении постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 г. новым пунктом.

1. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Москва: Юрист, 2011. 1003 с.

2. Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль: Тип. Губернского правления, 1909. 441 с.

3. Благов Е. В. Назначение наказания: (теория и практика). Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2002. 176 с.

4. Самылина И. Н. Назначение наказания при рецидиве преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2005. 28 с.

5. Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в уголовном праве (Вопросы теории). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 164 с.

6. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в практике Верховного Суда Российской Федерации: сб. материалов судебной практики. Москва: Норма, 2008. 335 с.

7. Феоктистов М. В. Ответственность особо опасных рецидивистов по уголовному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1996. 31 с.

8. Севастьянов А. П. Назначение наказания при рецидиве // Ведомости уголовно-исполнительной юстиции. 2023. № 7. С. 18—27.

9. Чучаев А. И., Буранов, Г. К. Рецидив преступлений и наказание // Журнал российского права. 2000. № 12. С. 32—44.

10. Жарких Е. А. Институт рецидива преступлений: генезис понятия и трансформация системно-структурного и функционально-ролевого

1. Luneyev V. V. Course of world and Russian criminology. Textbook. In 2 vols. Vol. 1. General part. Moscow: Jurist; 2011: 1003. (In Russ.).

2. Chubinsky M. P. Course of criminal policy. Yaroslavl: Typography of the Provincial Government; 1909: 441. (In Russ.).

3. Blagov Ye. V. Imposing punishment: (theory and practice). Yaroslavl: Publishing house of the Yaroslavl State University; 2002: 176. (In Russ.).

4. Samylina I. N. Imposing punishment in situations of recurrence (repetition) of crimes. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Saint Petersburg; 2005: 28. (In Russ.).

5. Kruglikov L. L. Mitigating and aggravating factors (circumstances) in criminal law (Theoretical issues). Voronezh: Publishing house of the Voronezh University; 1985: 164. (In Russ.).

6. Issues of criminal law and criminal procedure in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation. Collection of materials of judicial practice. Moscow: Norma; 2008: 335. (In Russ.).

7. Feoktistov M. V. Responsibility of especially dangerous recidivists in accordance with the criminal legislation of the Russian Federation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 1996: 31. (In Russ.).

8. Sevastyanov A. P. Imposing punishment in situations of recurrence (repetition) of crimes. Vedomosti of the criminal-executive justice, 18—27, 2023. (In Russ.).

9. Chuchaev A. I., Buranov, G. K. Recurrence (repetition) of crimes and punishment. Journal of the Russian law, 32—44, 2000. (In Russ.).

содержания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 32 с.

11. Дядькин Д. Правила назначения наказания при рецидиве преступлений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 38—40.

10. Zharkikh Ye. A. Institute of recurrence (repetition) of crimes: genesis of the concept and transformation of systemic-structural and functional-role content. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Krasnodar; 2019: 32. (In Russ.).

11. Dyadkin D. Rules to impose punishment in situations of recurrence (repetition) of crimes. Criminal law, 38—40, 2008. (In Russ.).

Лобанова Любовь Валентиновна,
заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
доктор юридических наук, профессор;
lobanova@volsu.ru

Lobanova Lyubov Valentinovna,
head of the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
doctor of juridical sciences, full professor;
lobanova@volsu.ru

Малимонова Мария Андреевна,
доцент кафедры
уголовного права и процесса
Волгоградского государственного
университета,
кандидат юридических наук;
malimonova@volsu.ru

Malimonova Mariya Andreyevna,
associate professor at the department
of criminal law and procedure
of the Volgograd State University,
candidate of juridical sciences;
malimonova@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 13.04.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 13.04.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.346.2

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Ирина Алисаламовна Нифталиева*, **Елена Александровна Буданова****

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

niftalieva89@yandex.ru

** Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, budanovaelena@yandex.ru

Аннотация. В последние годы транспортная безопасность стала одним из ключевых ориентиров государственной политики России. Выступая важнейшим условием устойчивого социального развития, повышение уровня защищенности от дорожно-транспортных происшествий направлено на сохранение жизни и здоровья людей.

Важную роль в предупреждении травматизма на дорогах играют уголовно-правовые механизмы. В частности, ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. К квалифицирующим признакам отнесены совершение деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения; совершение деяния, сопряженного с оставлением места его совершения; совершение деяния лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами. Перечисленные обстоятельства закреплены в одних частях, что указывает на равную степень их общественной опасности. Вместе с тем такой подход в ряде случаев порождает правоприменительные вопросы.

Цель исследования — рассмотрение проблем дифференциации уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и формулирование научно обоснованных предложений по модернизации уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, отягчающие обстоятельства, общественная опасность, состояние опьянения, оставление места дорожно-транспортного происшествия, отсутствие права управления транспортным средством

Для цитирования: Нифталиева И. А., Буданова Е. А. Совершенствование отдельных уголовно-правовых механизмов противодействия нарушениям правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 27—33.

IMPROVEMENT OF SOME CRIMINAL LEGAL MECHANISMS TO COUNTERACT VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES AND USE OF VEHICLES

Irina Alisalamovna Niftalieva*, **Yelena Aleksandrovna Budanova****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, niftalieva89@yandex.ru

** Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia,

budanovaelena@yandex.ru

Abstract. In recent years, transport safety has become one of the key guidelines of the state policy of Russia. Being the most important factor for sustainable social development, increasing the level of protection from road accidents is aimed at saving lives and maintaining health of people.

Criminal legal mechanisms play an important role in preventing road injuries. In particular, Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes criminal responsibility for violation of traffic rules or use of vehicles by a person driving a car, tram or other mechanical vehicle. The qualifying characteristics include com-

mission of an act: by a person being intoxicated / impaired by alcohol; associated with leaving the scene of its commission; by a person who does not have or is deprived of the right to drive vehicles. The listed circumstances are fixed in the same parts, which indicate an equal degree of their social danger. At the same time, such approach raises law enforcement issues in a number of cases.

The purpose of the study is to consider the problems of differentiation of criminal responsibility for violations of traffic rules and use of vehicles as well as to formulate scientifically based proposals to modernize criminal legal regulation.

Keywords: road safety, road traffic accident, aggravating factors (circumstances), public danger, being intoxicated / impaired by alcohol, leaving (escaping from) the scene of a road traffic accident, absence of the right to drive a vehicle

For citation: Niftalieva I. A., Budanova Ye. A. Improvement of some criminal legal mechanisms to counteract violations of traffic rules and use of vehicles. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 27—33, 2025. (In Russ.).

Одной из важнейших задач, стоящих сегодня перед государством, является повышение безопасности дорожного движения. Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно в своих выступлениях подчеркивал значимость этого направления, определяя его как приоритетное в работе государственных органов¹.

Политика в области транспортной безопасности представляет собой комплекс мероприятий, направленных прежде всего на защиту жизни и здоровья граждан, обеспечение безопасных условий для передвижения по автомобильным дорогам, снижение аварийности и минимизацию социально-экономических последствий дорожно-транспортных происшествий (далее — ДТП). Первостепенными являются создание и совершенствование нормативно-правовой базы, внедрение технологий контроля за соблюдением правил дорожного движения, образовательных программ, цель которых заключается в достижении необходимого уровня осведомленности населения о рисках, связанных с участием в дорожном движении.

Реализация государственной политики осуществляется посредством инвестиций в инфраструктуру (строительство современных автотрасс, установка светофоров и дорожных знаков, создание безопасных пешеходных переходов). Это способствует не только снижению числа ДТП, но и повышению общих стандартов качества жизни в городах и поселках.

Несмотря на меры, предпринимаемые государством в обозначенной сфере, приходится констатировать высокие показатели дорожно-транспортной аварийности. Так, в 2024 г. зарегистрировано

132 037 ДТП, число погибших в них — 14 403, раненых — 164 754².

Особая роль в профилактике несчастных случаев с участием транспортных средств отведена механизмам уголовно-правовой охраны. В частности, ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Состав данного преступления — материальный, обязательный признак объективной стороны — общественно опасные последствия в виде причинения по неосторожности тяжкого вреда здоровью (ч. 1), смерти человека (ч. 3), смерти двух или более лиц (ч. 5). К квалифицирующим признакам, закрепленным в чч. 2, 4 и 6, отнесены совершение деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения; совершение деяния, сопряженного с оставлением места его совершения; совершение деяния лицом, не имеющим или лишенным права управления транспортными средствами. Законодатель закрепляет отягчающие обстоятельства в одних частях, тем самым указывая на одинаковую степень их общественной опасности.

Совершенно очевидно, что управление транспортным средством в алкогольном или наркотическом опьянении преднамеренно создает угрозу безопасности всех участников дорожного движения. Водитель садится за руль, будучи не в состоянии адекватно оценить скорость, интенсивность и другие параметры дорожного движения, тем самым подвергая риску жизнь и здоровье окружающих. В связи с этим нельзя не отметить справедливость тезиса Б. А. Спасенникова и С. Б. Спасен-

¹ См.: Путин призвал повышать безопасность российских дорог. URL: <https://rg.ru/2024/04/02/putin-prizval-povyshat-bezopasnost-rossijskih-dorog.html> (дата обращения: 05.11.2024).

² См.: Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 14.02.2025).

никова о том, что опьянение существенным образом влияет на механизм преступного поведения. Оно вызывает снижение когнитивных функций, ослабление критического мышления и способности прогнозировать последствия своих действий. В таком состоянии человек теряет контроль над собой, его реакции становятся замедленными, что неизбежно повышает вероятность аварийности [1].

По мнению О. В. Стрильца и Ю. И. Черниковой, состояние опьянения довольно часто выступает в качестве обстоятельства, способствующего совершению преступления. Оно тормозит процессы принятия решений, что объясняется воздействием алкоголя, наркотических средств или одурманивающих веществ на центры головного мозга, ответственные за импульсивность и саморегуляцию [2].

Л. В. Сердюк утверждает, что в таких случаях речь должна идти не о неосторожности, а о косвенном умысле. Водитель сознательно рискует причинить вред другим участникам дорожного движения, проявляя безразличие к возможным нежелательным результатам [3].

Как отмечает Л. В. Федорук, в состоянии опьянения человек теряет навыки восприятия ситуации и внешней обстановки. Негативные поступки, которые в трезвом состоянии казались бы неприемлемыми, в состоянии опьянения могут расцениваться как допустимые или даже позитивные. Это объясняется снижением внутренней сдерживающей функции, которая обычно препятствует совершению импульсивных и противоправных действий. По сути, алкоголь, наркотики или другие одурманивающие вещества ослабляют моральные барьеры и фильтры, позволяя проявиться скрытым агрессивным или антисоциальным импульсам. Под их воздействием утрачивается склонность к предвидению. Это затрудняет оценку рисков и последствий своего поведения [4].

Поддержим мнение представителей научного сообщества. Сам факт нахождения лица за рулем транспортного средства в состоянии опьянения представляет собой чрезвычайно высокую общественную опасность. Состояние опьянения искажает действительность, замедляет реакцию, нарушает координацию движений и снижает концентрацию внимания. Поведение человека становится непредсказуемым: он может превышать скорость, игнорировать дорожные знаки, совершать резкие маневры, не реагировать на опасные ситуации. Водитель становится угрозой не только для себя, но и для пешеходов, пассажиров и водителей других транспортных средств. Его действия нарушают социальный порядок, ослабляют безопасность

дорожного движения. Более того, общественная опасность управления транспортным средством в состоянии опьянения выходит за рамки непосредственного риска ДТП. Она затрагивает морально-этические нормы. Действия пьяного водителя свидетельствуют о циничном, пренебрежительном отношении к окружающим, полном отсутствии ответственности и социальной зрелости. Это подрывает доверие к системе правопорядка, способствует формированию нетерпимости к нормам безопасности и создает отрицательный пример.

Конечно же, показатель общественной опасности зависит от множества факторов, включая степень опьянения водителя, тип транспортного средства, условия дорожного движения, наличие или отсутствие других обстоятельств. Тем не менее при управлении транспортным средством в таком состоянии всегда существует реальная угроза жизни и здоровью людей.

В российской уголовно-правовой доктрине много лет активно обсуждается вопрос усиления ответственности при оставлении места ДТП. Еще до введения в 2019 г. данного квалифицирующего признака было опубликовано большое количество научных работ, в которых авторы аргументировали необходимость принятия соответствующего законодательного решения. Так, Н. В. Иванцова отмечает, что оставление места ДТП приводит к тому, что пострадавшие остаются без медицинской помощи. Подобное положение усугубляет их состояние и приводит к более серьезным последствиям. В некоторых случаях, подчеркивает автор, установление виновника происшествия и привлечение его к ответственности становятся практически невозможными [5].

По мнению И. В. Танаги, оказание своевременной помощи пострадавшим может существенно снизить тяжесть последствий ДТП. Правовед подчеркивает, что обязанность помогать жертвам аварии, а также ответственность за бездействие в этой ситуации должны регулироваться нормами уголовного законодательства [6].

Согласимся с доводами правоведов. Основная причина ужесточения ответственности кроется в крайне негативном воздействии деяния. Оставление места ДТП, во-первых, демонстрирует безразличие к жизни и здоровью других людей. Во-вторых, препятствует установлению всех обстоятельств произошедшего, поскольку сразу после аварии место происшествия содержит критически важную информацию, позволяющую восстановить картину события и определить виновного.

В-третьих, создает прецедент безнаказанности и способствует распространению подобного поведения среди других водителей.

Вне всяких сомнений, включение рассматриваемого квалифицирующего признака представляет собой логичный шаг, позитивную тенденцию, направленную на повышение безопасности дорожного движения и реализацию неотвратимости наказания. Такой подход служит эффективным сдерживающим фактором для водителей, склонных к нарушению установленных правил.

Введенное в 2022 г. третье отягчающее обстоятельство, полагаем, также обладает высокой степенью общественной опасности. Управление транспортным средством лицом, не имеющим или лишенным на это права, затрагивает не только правовые, но и социальные аспекты жизни общества, создавая угрозу стабильности дорожно-транспортной системы. Лицо сознательно пренебрегает правилами дорожного движения, а отсутствие необходимого опыта вождения, недостаточные знания закрепленных норм многократно увеличивают вероятность аварий. Опасность такого поведения заключается в риске причинения вреда охраняемым интересам. Водители без прав часто не обладают необходимыми навыками, не учитывают особенности дорожной обстановки и не способны правильно реагировать на непредвиденные ситуации. Подобные нарушения дестабилизируют дорожное движение.

С позицией законодателя относительно усиления ответственности при наличии описанных обстоятельств, безусловно, следует согласиться. Вместе с тем в настоящее время в равном правовом положении находятся лица, которые совершают анализируемое деяние в состоянии опьянения, оставляют место его совершения, не имеют или лишены права управления транспортными средствами.

Следует указать, что включение квалифицирующего признака «сопряжено с оставлением места его совершения» было детерминировано обеспечением равных условий в уголовном преследовании лица, скрывшегося с места совершения ДТП, в отношении которого подтвердить состояние опьянения на момент совершения преступления не представляется возможным, и лица, управляющего транспортным средством в таком же состоянии, но оставшегося на месте ДТП¹.

¹ См.: О внесении изменений в статьи 264 и 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: пояснит. записка к проекту федер. закона // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/575472-7> (дата обращения: 12.11.2024).

Водитель, покинувший место аварии, разумеется, может стремиться скрыть состояние опьянения. Однако это не единственная возможная мотивация. Как отмечает О. В. Стрилец, термин «оставление» может иметь различные трактовки. Порой оно происходит по независящим причинам, например вследствие поломки автомобиля, сильного стресса, испуга или других жизненных обстоятельств [7].

Так, Ф., управляя автомобилем, осуществляя со скоростью около 5 км/ч поворот направо, отвлекся во время движения на сотовый телефон, не предоставил преимущество в движении пешеходу, чем создал опасность для других участников движения, произвел наезд на пешехода Р. и скрылся с места происшествия. В результате ДТП Р. причинен закрытый черепно-мозговой перелом левой бедренной кости со смещением.

Подсудимый Ф. в судебном заседании виновным себя признал полностью, раскаялся в содеянном и пояснил, что данное ДТП произошло ввиду его собственной невнимательности. Согласно показаниям свидетеля О., после наезда на пешехода Р. водитель остановил автомобиль и вышел из салона. Очевидцы происшествия стали предлагать потерпевшей вызвать скорую помощь, но она отказалась. Затем потерпевшую довели до ее квартиры. Подсудимый Ф. все это время находился рядом с потерпевшей.

Ф. не вызывал на место ДТП сотрудников скорой помощи и ГИБДД, находился в шоковом состоянии. В итоге суд признал Ф. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 264 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы на срок 3 (три) года 6 (шесть) месяцев с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на срок 2 (два) года 6 (шесть) месяцев².

Полагаем, что обстоятельства оставления места ДТП для каждого случая уникальны, и отсутствие механизма дифференциации ответственности в зависимости от причин такого поступка идет вразрез с основополагающими идеями уголовного права. Законодатель, стремясь предотвратить безнаказанность виновников ДТП и обеспечить

² См.: Приговор Калининского районного суда г. Челябинска (Челябинская область) от 12 февраля 2024 г. по делу № 1-81/2024 // База данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.11.2024).

помощь пострадавшим, создает формализованную систему, в ряде случаев нарушающую требования принципа справедливости. Очевидно, что мотивы оставления места ДТП должны учитываться при квалификации деяния.

Кроме того, анализ судебных приговоров, вынесенных в 2023—2024 гг., свидетельствует об отсутствии гарантии усиления ответственности лиц, совершивших анализируемое деяние, при наличии нескольких квалифицирующих признаков. Так, З., не имея водительского удостоверения на право управления транспортным средством, управляя технически исправным автомобилем, подъезжая к нерегулируемому пешеходному переходу, совершил наезд на Д. и А. После чего З. не включил аварийную сигнализацию, не выставил знак аварийной остановки, не принял меры для оказания первой помощи пострадавшим, не вызвал скорую медицинскую помощь, не сообщил о ДТП в полицию и, не дождавшись сотрудников полиции, покинул место ДТП. В результате здоровью потерпевших Д. и А. причинен тяжкий вред. З. признан судом виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «б», «в» ч. 2 ст. 264 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 (три) года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 (два) года¹.

Как видим, в первом случае виновный совершил преступление при наличии одногоотягчающего обстоятельства (оставление места ДТП), а во втором установлены два квалифицирующих признака (отсутствие права управления транспортным средством, оставление места ДТП). Смягчающие обстоятельства идентичны, отягчающие — отсутствуют. Однако во втором случае суд назначил виновному менее строгое наказание (при наличии двух потерпевших).

Рассмотрим другой пример. Н., управляя автомобилем, нарушил правила дорожного движения, в результате чего совершил наезд на шедшего по правому краю проезжей части пешехода С., после чего скрылся с места ДТП. От полученных повреждений С. скончалась.

В результате медицинского освидетельствования Н. был выявлен уровень фермента этилглюкоранина более 500 нг/мл. Согласно показаниям заведующего поликлинико-диспансерным отделением ОГБУЗ «Старооскольский центр психиатрии и психиатрии-наркологии» П., это свидетельствует о том, что на момент ДТП в организме Н. находилась высокая доза алкоголя.

Подсудимый Н. не отрицал, что до произошедшего ДТП он употребил три бутылки содержащего алкоголь пива, что подтвердила свидетель К. Из протоколов об отстранении от управления транспортным средством, акта освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, протокола о направлении на медицинское освидетельствование на состояние опьянения следует, что у Н. имелись признаки алкогольного опьянения: резкий запах алкоголя изо рта, неустойчивость позы, нарушение речи, покраснения кожного покрова.

Судом также установлено, что Н. скрылся с места происшествия. Из его показаний следует, что после наезда на пешехода он находился в стрессовом состоянии, сильно испугался, скорости не снизил, не остановился, приехал домой, выпил лекарства и лег спать.

Н. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 264 УК РФ, и получил наказание в виде лишения свободы сроком на 3 (три) года с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 3 (три) года². Аналогичное наказание было назначено Т., признанному судом виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 4 ст. 264 УК РФ³.

Считаем, что упомянутые проблемы могут быть решены путем выделения квалифицирующих признаков, предусмотренных пп. «а», «б» и «в» чч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ, в отдельные составы. Следует отметить, что ранее оставление места ДТП уже было отражено в ст. 265 УК РФ в качестве отдельного преступления. Однако

¹ См.: Приговор Центрального районного суда г. Хабаровска (Хабаровский край) от 30 января 2024 г. по делу № 1-463/2023 // База данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.11.2024).

² См.: Приговор Старооскольского районного суда (Белгородская область) от 29 января 2024 г. по делу № 1-103/2023 // База данных судебных актов, судебных решений и нормативных документов. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.11.2024).

³ См.: Приговор Островского районного суда (Костромская область) от 29 января 2024 г. по делу № 1-101/2023 // Там же.

в 2003 г. в результате принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ деяние подверглось декриминализации¹. И. В. Танага отмечает, что причиной исключения ст. 265 из уголовного законодательства стало несовершенство описания признаков опасного поведения и возникшие сложности квалификации. Автор также указывает на разные подходы правоприменителей к интерпретации этой нормы [6]. В период действия ст. 265 были попытки оспорить ее конституционность².

Полагаем, что целесообразно не просто «реанимировать» состав преступления, который был предусмотрен в ст. 265 УК РФ, устранив имевшиеся ранее юридико-технические неточно-

сти³, но и предусмотреть повышенную ответственность за то же деяние, совершенное с целью скрыться с места ДТП. Такой подход представляется наиболее приемлемым, поскольку он способствует разграничению наказания в зависимости от причин оставления места ДТП.

При всей сложности и многогранности обозначенной проблемы постоянное совершенствование законодательства и практики его применения является одним из гарантов безопасности на российских дорогах. Дальнейшие исследования в рассматриваемой области должны включать поиск оптимальных механизмов дифференциации, направленных прежде всего на предупреждение ДТП и обеспечение безопасности участников дорожного движения в рамках приоритетного направления деятельности современного Российского государства.

1. Спасенников Б. А., Спасенников С. Б. Невменяемость в уголовном праве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2013. 253 с.

2. Стрилец О. В., Черникова Ю. И. Состояние опьянения как обстоятельство,отягчающее вину и наказание // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 548—550.

3. Сердюк Л. В. Безопасность эксплуатации транспорта, охрана общественного порядка и защита личности // Lex Russica. 2016. № 11 (120). С. 126—134.

4. Федорук Л. В. Влияние состояния опьянения на уголовную ответственность в российском законодательстве и международном уголовном праве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 2 (86). С. 121—124.

5. Иванцова Н. В. О совершенствовании законодательных норм об автотранспортных преступлениях // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 152—155.

1. Spasennikov B. A., Spasennikov S. B. Insanity in criminal law. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2013: 253. (In Russ.).

2. Strilets O. V., Chernikova Yu. I. Being intoxicated as a factor (circumstance) aggravating guilt and punishment. Theory and practice of the social development, 548—550, 2013. (In Russ.).

3. Serdyuk L. V. Safety of transport use, protection of public order and of an individual. Lex Russica, 126—134, 2016. (In Russ.).

4. Fedoruk L. V. Influence of being intoxicated on criminal responsibility in the Russian legislation and international criminal law. Scientific notes of the Russian Customs Academy (the Saint Petersburg branch named after V. B. Bobkov), 121—124, 2023. (In Russ.).

5. Ivantsova N. V. On improving legislative norms on motor vehicle (road traffic) crimes. Gaps in the Russian legislation, 152—155, 2010. (In Russ.).

¹ См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 15.11.2024).

² См.: По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2001 г. № 6-П // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30377.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

³ Необходимо исключить двоякое толкование нормы: из описания признаков преступного поведения в диспозиции должно однозначно следовать, что общественно опасные последствия наступают в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а не оставления места ДТП (см. подробнее: [8]).

6. Танага И. В. Нужна ли в Уголовном кодексе Российской Федерации специальная норма об уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия? // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 4 (26). С. 50—54.

7. Стрилец О. В. Отдельные вопросы квалификации преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону: Ростов. юрид. ин-т МВД России, 2020. С. 221—226.

8. Нифталиева И. А. Принцип справедливости в уголовном праве: монография. Москва: Юрлитинформ, 2024. 141 с.

Нифталиева Ирина Алисаламовна,

доцент кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук,
niftalieva89@yandex.ru

Буданова Елена Александровна,

заместитель начальника
кафедры уголовного права и криминологии
Воронежского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
budanovaelena@yandex.ru

6. Tanaga I. V. Does the Criminal Code of the Russian Federation need a special provision on criminal responsibility for leaving (escaping from) the scene of a road traffic accident? Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 50—54, 2014. (In Russ.).

7. Strilets O. V. Certain issues to qualify criminal violations of traffic rules and use of vehicles. In: Topical problems of application of criminal legislation. Collection of materials of the international scientific and practical conference. Rostov-on-Don: Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2020: 221—226. (In Russ.).

8. Niftalieva I. A. Principle of justice in criminal law. Monograph. Moscow: Yurlitinform; 2024: 141. (In Russ.).

Niftalieva Irina Alisalamovna,

associate professor
at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
niftalieva89@yandex.ru

Budanova Yelena Aleksandrovna,

deputy head of the department
of criminal law and criminology
of the Voronezh Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
budanovaelena@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.97

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ЦЕНА
ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ****Юлия Александровна Случевская**

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, ula-sl@mail.ru

Аннотация. На основе общих теоретических разработок криминологической теории в настоящей статье исследуются вопросы социальных последствий и цены экологической преступности. Автор рассматривает главные сложности, связанные с созданием универсальной методики, позволяющей с точностью рассчитать цену преступности и определить ее социальные последствия. Подчеркивается, что специфика противоправных деяний, причиняющих вред окружающей среде, обуславливает содержание методики определения социальных последствий и цены экологической преступности. Методология, используемая для решения этой задачи, будет иметь свои особенности по сравнению с той, что применяется при определении социальных последствий так называемых индексных преступлений. Автор подробно исследует содержание понятий «социальные последствия преступности» и «цена преступности», отдельно останавливается на рассмотрении соотношения понятий «цена преступности» и «общественная опасность». Детально анализируются элементы цены экологической преступности: прямые потери, т. е. потери, связанные с утратой компонентов природной среды или ее деградацией; расходы на возмещение вреда жизни и здоровью людей, ставших жертвами экологических преступлений; расходы на финансирование борьбы с экологической преступностью и ее предупреждение; расходы на модернизацию предприятий, занимающихся высокорискованными для окружающей среды видами деятельности. Делается акцент на том, что в отношении всех этих элементов цены преступности можно применить стоимостную оценку. В заключение автор отмечает, что недостаточный массив необходимой информации в открытых источниках не позволяет исследователям производить точные подсчеты цены преступности и ее социальных последствий, между тем это обстоятельство не должно останавливать специалистов в разработке методологических основ исследования социальных последствий экологической преступности и ее цены.

Ключевые слова: экологическая преступность, цена преступности, социальные последствия преступности, общественная опасность, показатели преступности

Для цитирования: Случевская Ю. А. Социальные последствия и цена экологической преступности: некоторые теоретические аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 34—41.

**SOCIAL EFFECTS AND COST OF ENVIRONMENTAL CRIME:
SOME THEORETICAL ASPECTS****Yulia Alexandrovna Sluchevskaya**

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint Petersburg, Russia, ula-sl@mail.ru

Abstract. The article focuses on the issues of social effects and the cost of environmental crime based on the general theoretical developments of criminological theory. The author considers the main difficulties related to the formation of a universal approach that makes it possible to analyze accurately the cost of crime and to determine its social effects. It is highlighted that the peculiarity of illegal acts causing harm to the environment determines the content of the principles for social effects assessment and the cost of environmental crime. The methodology used in order to solve this problem will have its own features compared to that used when determining the social effects of so-called index offences. The author examines thoroughly the content of the notions of "social effects of crime" and "cost of crime", apart from it the author dwells on the consideration of the correlation between the notions of "cost of crime" and "social danger". The elements of the cost of environmental crime are analyzed in detail: direct losses, which mean losses associated with the loss of components of the natural environment or its degradation; compensation costs for damage to the life and health of people who are victims

of environmental crime; costs of financing the fight against environmental crime and its prevention; and costs of modernization of enterprises engaged in high-risk environmental activities. It is emphasized that all of these elements of the cost of crime can be assessed. In conclusion, the author points out that the insufficient amount of necessary information in public sources does not allow researchers to make precise assessments of the cost of crime and its social effects; meanwhile, this fact should not stop specialists from developing methodological foundations for the study of the social effects of environmental crime and its cost.

Keywords: environmental crime, cost of crime, social effect of crime, social danger, crime indicators

For citation: Sluchevskaya Yu. A. Social effects and cost of environmental crime: some theoretical aspects. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 34—41, 2025. (In Russ.)

Вопросы о социальных последствиях преступности, определении ее цены остаются одними из самых сложных в криминологии. Отечественные исследователи создали теоретическую основу для анализа этих научных проблем. Криминологическая теория социальных последствий преступности, созданная еще в 1982 г. М. М. Бабаевым, до сих пор является основной работой для рассматривающих эти вопросы исследователей [1]. Названную криминологическую теорию в своих трудах продолжили развивать В. Е. Квашис [2], Л. В. Кондрачук, В. С. Овчинский [3], В. В. Лунеев [4] и др. Социальные последствия рассматривались применительно к отдельным видам преступности: налоговой [5], экологической [6] — отдельно исследовался механизм социальных последствий насильственной преступности [7].

Несмотря на то что теория социальных последствий преступности находится в фокусе внимания криминологов, многие из практических проблем до сих пор не нашли своего разрешения. Общепризнанные методики определения социальных последствий и цены преступности не разработаны (говоря об общепризнанности методики, мы подразумеваем, что такого рода научная разработка должна признаваться большинством научного сообщества, являться универсальной и применимой в различных юрисдикциях). Возможность создания такой универсальной методики, позволяющей с точностью рассчитать цену преступности и определить ее социальные последствия, может быть вообще поставлена под сомнение.

Во-первых, исследователь, занимающийся этой научной проблемой, оказывается в зоне информационной неопределенности. На отсутствие в мире относительно полных сведений о преступности и ее социальных последствиях указывал В. В. Лунеев [4, с. 37]; по его мнению, многочисленные социальные последствия преступности практически фундаментально не изучаются, не обобщаются и математически (статистически) не оцениваются [4, с. 40]. Последний тезис представляется спорным. Проблема цены преступности и ее соци-

альных последствий пытаются решить криминологи во всем мире. Здесь необходимо учитывать, что не все явления и процессы поддаются исчислению и могут быть сведены к единому знаменателю. Применительно к экологической преступности это утверждение более чем справедливо. Многочисленность и сложность природных объектов, разнообразие форм причинения вреда природной среде, значительная часть из которых представляет собой вполне легальный вид деятельности (а в некоторых случаях является условием выживания сообществ людей в определенной местности), существенно осложняет оценку социальных последствий экологической преступности.

Во-вторых, методики определения показателей преступности во многих странах значительно отличаются. Даже при расчетах коэффициента преступности — наиболее простого показателя, часто используемого в сравнительных исследованиях, — за основу берется разная статистическая совокупность. Например, в России коэффициент преступности рассчитывается исходя из всех зарегистрированных преступлений, в США — на основе 8 видов «серьезных» преступлений, в ФРГ — на основе 24 преступлений, во Франции — на основе 25 преступлений [8, с. 18]; отличается подход к первоначальному учету преступлений — в США регистрация преступления привязана к числу пострадавших лиц, даже если речь идет об одном событии преступления [3, с. 124]. Не является простой задачей и определение показателей экологической преступности. В силу социально-экономических и исторических особенностей подходы к криминализации деяний, причиняющих вред окружающей среде, во многих странах отличаются. Наиболее яркий пример — состав преступления, предусматривающий ответственность за жестокое обращение с животными. Так, в Испании, Италии и некоторых других странах преступные деяния, направленные против животных (речь идет в том числе и о домашних животных), рассматриваются как экологические преступления, и их доля в общей структуре преступлений против

окружающей среды является существенной. В России позиция законодателя значительно отличается, жестокое обращение с животными отнесено к преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

В качестве еще одной причины, препятствующей созданию научно обоснованной методики определения цены преступности, называют непонимание «практической пользы от вычисления цены преступности» [8, с. 16]. Это утверждение представляется дискуссионным. Почти в каждой работе, посвященной социальным последствиям преступности, декларируется значимость таких исследований — оценка масштабов криминальных угроз в конкретном социуме позволяет разработать действенные меры, направленные на их нейтрализацию, реализовывать социально и экономически обоснованную эффективную уголовную политику, в том числе в сфере защиты окружающей среды.

Несмотря на указанные сложности, исследователи неоднократно предпринимали попытки описать масштаб социальных последствий преступности в России и мире. Как правило, в этом аспекте рассматриваются не все виды преступлений, а так называемые индексные (уголовно-правовые запреты, которые актуальны на всех этапах исторического развития общества и признаются таковыми во всех юрисдикциях). За границами таких подсчетов остаются социальные последствия экологических преступлений. Во многом такой подход оправдан. Специфика деяний, их объекта и причиняемого окружающей среде вреда обуславливает содержание методологии определения социальных последствий и цены экологической преступности, которая в силу обозначенных причин будет иметь свои особенности по сравнению с методологией определения социальных последствий «индексных» преступлений.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов об особенностях определения социальных последствий и цены экологической преступности, необходимо прояснить содержание используемых понятий. Вопрос, касающийся определения научных дефиниций, является базовым для любого исследования. Часто в публикациях понятия «социальные последствия преступности» и «цена преступности» используются как синонимичные, например в одной из совместных работ М. М. Бабаева и В. Е. Квашиса. Между тем авторы делают важную оговорку, что «цена преступности» лишь в одном из своих смыслов может рассматриваться

как термин, идентичный понятию «социальные последствия преступности» [9, с. 4].

Этимология этих понятий не позволяет говорить о полном тождестве. В первом случае проблеме преступности мы связываем с социальными исследованиями и даем оценку ее негативному влиянию на всю систему социума, явления и процессы, происходящие в нем; во втором — делается попытка использовать экономические дефиниции, перевести в денежный эквивалент негативные социальные последствия преступности. Цена преступности является одним из способов понимания масштабов социальных последствий преступности, но не единственным. Понятие «цена преступности» выполняет операционную функцию, помогает определить в материальном эквиваленте объем ресурсов, необходимых для нейтрализации криминальных угроз. В большинстве случаев этот термин используется для решения прикладных задач.

Подходы к определению содержания понятия «цена преступности» могут отличаться в различных исследованиях. Как правило, в содержание этого понятия включают вред, непосредственно причиненный в результате совершения преступлений, и расходы, связанные с деятельностью государственных органов по расследованию этих инцидентов и их предупреждению. В понятие вреда, причиненного преступлением, включают не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду (доходы, не полученные из-за совершенного преступления). Эта составляющая очень важна при определении цены экологической преступности, так как доходы от природных ресурсов и природопользования являются существенной частью государственного бюджета.

Так, М. М. Бабаев и В. Е. Квашис в цене преступности, как в стоимостном выражении причиненного вреда, выделяют две составляющие: первая часть возникает как непосредственное и опосредованное следствие криминальных деяний; вторая часть представляет собой расходы государства и общества на борьбу с преступностью и профилактику правонарушений [9, с. 5]. Эти элементы в цене преступности выделяют в основном все исследователи. Представляется, что условием реализации эффективной уголовной политики является соразмерность этих двух частей и соблюдение прямой корреляции между ними. В тоже время необходимо исключить ситуации, при которых показатели последствий криминальных деяний искусственно соотносят с разме-

рами денежных сумм, выделяемых государством на борьбу с криминальными угрозами.

Некоторые исследователи предлагают включать в понятие «цена преступности», помимо прямых, и косвенные потери. Спектр предложений весьма широк — от потерь самого преступника до потерь семьи жертв преступлений [8, с. 17].

Важнейшей теоретической проблемой, связанной с определением рассматриваемых дефиниций, является соотношение понятий «цена преступности» и «общественная опасность». Вызовы, возникшие перед современным обществом, актуализировали проблему криминализации деяний и разработки ее критериев. Доктринальные подходы к определению понятия «общественная опасность» пересматриваются с учетом новых реалий.

На наш взгляд, общественная опасность объективируется через категорию вреда. Это утверждение справедливо не только для тех преступлений, в которых непосредственно причиненный вред поддается материальной оценке и довольно легко определяется (например, экономические и налоговые преступления), но и для других видов преступлений. Так, на примере экологических преступлений отчетливо видно, что критерием криминализации такого рода деяний является размер вреда, причиненного природной среде и ее компонентам, а также здоровью человека (он может быть причинен одномоментно или иметь накопительный эффект). Эти признаки носят объективный характер, так как поддаются современным средствам фиксации [10].

Основываясь на таком подходе к пониманию общественной опасности, при ее определении целесообразно использовать данные о цене преступности. Именно из этих позиций исходит ряд криминологов, предлагая расчет индексов, отражающих общественную опасность преступлений [11, с. 313]. В основу такого расчета берутся данные об общем числе учтенных деяний и размере назначенного судом наказания [3, с. 164]. На наш взгляд, такой подход не в полной мере отражает масштаб причиненного вреда. По сути, результаты исследования уже запрограммированы и находятся в пределах сконструированной законодателем шкалы.

В связи с этим представляется несколько идеализированной точка зрения В. В. Лунеева, который отмечал: «Для специалистов очевидно, что ядром каждого вида деяний, скрытым под терминами „небольшой“, „средней“, „тяжкой“ и „особо тяжкой“, являются самые разные, но объединен-

ные по тяжести преступные последствия или тот реальный, а иногда и возможный ущерб, причиняемый (может быть причиненный) объекту преступления» [4, с. 45]. Безусловно, так должно быть в идеале. Между тем степень причинения реального вреда деяниями, предусмотренными некоторыми составами преступлений, например рядом экологических составов, не соотносится с их тяжестью, определенной в уголовном законе.

Научно обоснованные расчеты цены преступности в целом и отдельных видов преступлений в частности должны являться основой для определения общественной опасности деяний. При этом соответствующие методики не следует привязывать к действующим законодательным конструкциям, а наоборот, они должны помогать совершенствовать их.

Основываясь на общепринятом понимании цены преступности, рассмотрим составляющие этой категории применительно к экологической преступности. Самую значимую долю в цене экологической преступности составляют прямые потери, т. е. потери, связанные с утратой компонентов природной среды или ее деградацией. В обыденном восприятии главенствует точка зрения, что ущерб, причиняемый окружающей среде, невозможно подсчитать. Безусловно, утрата некоторых компонентов природной среды является необратимой. Между тем стоимостный подход и в этом случае вполне применим. В России действует ряд нормативных правовых актов, устанавливающих таксы для исчисления размера ущерба, причиненного природным объектам и ресурсам, и утверждающих соответствующие методики расчетов. Например, постановления Правительства Российской Федерации от 4 июля 2013 г. № 564 «Об утверждении Правил расчета размера вреда, причиненного недрам вследствие нарушения законодательства Российской Федерации о недрах», от 3 ноября 2018 г. № 1321 «Об утверждении такс для исчисления размера ущерба, причиненного водным биологическим ресурсам», от 29 декабря 2018 г. № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства», от 10 июня 2019 г. № 750 «Об утверждении такс и методики исчисления крупного и особо крупного ущерба для целей статьи 258 Уголовного кодекса Российской Федерации»; приказы Минприроды России от 28 апреля 2008 г. № 107 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причинен-

ного объектам животного мира, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, а также иным объектам животного мира, не относящимся к объектам охоты и рыболовства и среде их обитания», от 13 апреля 2009 г. № 87 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным объектам вследствие нарушения водного законодательства», от 8 июля 2010 г. № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды», от 8 декабря 2011 г. № 948 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам», Госкомэкологии России от 11 февраля 1998 г. № 81 «Об утверждении Методики исчисления размера ущерба от загрязнения подземных вод», Минсельхоза России от 31 марта 2020 г. № 167 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам».

Это обстоятельство значительно облегчает работу исследователя по расчету цены экологической преступности. Можно спорить о том, отражают ли применяемые показатели реальный вред, причиненный природной среде и ее компонентам. Между тем названные методики предоставляют конкретный инструментарий для определения ущерба, причиненного экологическими преступлениями, а значит, в итоге позволяют определить одну из важнейших составляющих цены экологической преступности.

В формах статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации отражаются данные о суммах материального ущерба, причиненного лишь некоторыми преступлениями. В Форме № 4 «Отчет судов общей юрисдикции о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об оплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз», утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11 апреля 2017 г. № 65, указаны сведения о сумме ущерба, причиненного преступлениями, предусмотренными ст. 261 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «Уничтожение и повреждение лесных насаждений» (далее — УК РФ). Данные о других экологических преступлениях в этой форме не приводятся. Представляется, что следует значительно расширить перечень преступлений, по которым должны предоставляться данные о суммах ущерба.

Дополнительным источником информации являются непосредственно судебные решения. По некоторым экологическим составам провести такую исследовательскую работу проще, так как количество уголовных дел является незначительным. По наиболее распространенным составам преступлений — ст. 256 и 260 УК РФ — такое исследование является более трудоемким.

Сведения об ущербе, причиненном окружающей среде, аккумулирует Минприроды России. Из данных, приведенных в государственных докладах о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации, видно, что за период 2015—2023 гг. значительно увеличились платежи по искам о возмещении вреда, причиненного окружающей среде (в 2015 г. — 1,02 млрд руб.; в 2023 г. — 61,95 млрд руб.)¹. В этих цифрах отражается не только ущерб, возникший в результате совершения экологических правонарушений (как преступлений, так и административных правонарушений), но и ущерб от неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, предусмотренных договорами на природопользование и охрану окружающей среды. Безусловно, представленные данные не показывают с точностью размер вреда, причиненный природной среде и ее компонентам в результате совершения противоправных деяний. Во многом эти цифры свидетельствуют об активности государственных органов в природоохранной сфере. Между тем такие сведения позволяют понять масштаб ущерба, причиненного окружающей среде противоправной деятельностью. Учитывая, что границы криминализации противоправных экологических деяний довольно условны, приведенная информация может дополнительно использоваться для определения цены экологической преступности.

Расходы, связанные с возмещением вреда жизни и здоровью людей, ставших жертвами экологических преступлений, также входят в цену рассматриваемого вида преступности. Расчет этих потерь осложняет тот факт, что вред от экологических преступлений может проявляться не сразу, а иметь отложенный эффект. Между тем и такого рода процессы поддаются оценке.

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году: проект государственного доклада. Москва: Минприроды России: ООО «Интеллектуальная аналитика»: ФГБУ «Дирекция НТП»: Фонд экологического мониторинга и международного технологического сотрудничества, 2024. С. 594.

Определение размеров государственных расходов на финансирование борьбы с экологической преступностью и ее предупреждение осложняет тот факт, что данной деятельностью занимаются многие государственные органы, и это не является единственной их функцией. Непосредственно расследование экологических преступлений осуществляется Следственным комитетом Российской Федерации и МВД России. Определить в массиве денежных средств, выделяемых на функционирование этих государственных органов, расходы на расследование экологических преступлений довольно сложно. Между тем фиксируется тенденция создания в структуре этих ведомств подразделений, специализирующихся на расследовании таких преступлений (например, в 2020 г. принято решение о создании в структуре Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации отдела по расследованию преступлений в сфере экологии и эпидемиологии). Среди субъектов, осуществляющих предупреждение экологической преступности, важнейшее место занимает Росприроднадзор. На этот федеральный орган исполнительной власти возложены функции по контролю и надзору в сфере природопользования и в области охраны окружающей среды. Отдельные направления предупредительной деятельности в этой сфере также реализуются Россельхознадзором, Рослесхозом, Росгидрометом. Надзор за исполнением законодательства в рассматриваемой сфере осуществляют органы прокуратуры.

Важнейшей составляющей в оценке объема материальных средств, направленных на предупреждение экологических правонарушений, являются финансовые расходы на модернизацию предприятий, занимающихся высокорискованными для окружающей среды видами деятельности. Помимо текущих затрат на поддержание деятельности предприятий в эти расходы включают финансовые издержки на осуществление капитального ремонта, а также инвестиции в основной капитал, т. е. расходы на строительство, ремонт и приобретение нового оборудования, направленного на снижение негативного воздействия на окружающую среду. Из данных, приведенных в государственных докладах о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации, виден значительный рост инвестиций в основной капитал на охрану окружающей среды за период 2014—2023 гг. (в 2014 г. объем таких инвестиций составлял 158 636 млн руб., в 2023 г. —

371 292 млн руб.¹). Большинство предприятий, осуществляющих высокорискованный вид деятельности, не являются государственными. Между тем полагаем, что эти расходы правильно учитывать в цене экологической преступности, так как при использовании этой категории подразумеваются не только расходы государства, но и общества в целом.

Социальные последствия экологической преступности сложнее перевести в стоимостное выражение. Такие последствия многообразны, зависят от особенностей каждого экологического преступления. Например, массовые случаи незаконной добычи водных биологических ресурсов или незаконной рубки лесных насаждений могут негативно сказаться на соответствующих отраслях экономики, привести к лишению рабочих мест целые группы населения. Загрязнение прибрежных акваторий отрицательно воздействует на рекреационный потенциал территорий. Государство не получает (или получает не в полном размере) налоговых доходов. К тому же выделяются значительные суммы на помощь лицам, пострадавшим в результате экологических катастроф. Как правило, социальные последствия от таких экологических преступлений наступают не сразу, а имеют отложенный эффект.

Социальные последствия и цена экологической преступности являются вопросами как теоретического, так и прикладного характера. Научно обоснованная оценка масштабов социальных последствий экологической преступности, максимально точное определение ее цены позволят выработать эффективные меры уголовной политики в сфере защиты окружающей среды. К сожалению, недостаточный массив необходимой информации в открытых источниках не позволяет исследователям производить точные подсчеты, они вынуждены решать задачу со многими неизвестными. Однако это не должно останавливать специалистов в разработке методологических основ исследования социальных последствий экологической преступности и ее цены.

¹ О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2023 году: проект Государственного доклада. Москва: Минприроды России: ООО «Интеллектуальная аналитика»: ФГБУ «Дирекция НТП»: Фонд экологического мониторинга и международного технологического сотрудничества, 2024. С. 594.

1. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности: учеб. пособие. Москва: Акад. МВД СССР, 1982. 82 с.

2. Кваши В. Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6. С. 94—102.

3. Кондратьев Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяйнова. Москва: Норма, 2008. 271 с.

4. Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 36—56.

5. Староверова О. В. Теория и методология криминологического исследования социально-правовых последствий налоговой преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 39 с.

6. Кузнецова Н. И. Социальные последствия экологической преступности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3 (49). С. 54—57.

7. Афанасьева О. Р. Основные вопросы в познании механизма социальных последствий насильственной преступности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 3 (33). С. 20—22.

8. Долотов Р. О. Цена преступности как криминологический показатель: некоторые методологические аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 15—21.

9. Бабаев М. М., Кваши В. Е. Социальные последствия преступности: методологические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. 2010. № 1 (9). С. 3—12.

10. Случевская Ю. А. Критерии криминализации деяний, причиняющих вред окружающей среде // Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права (Москва, 30—31 мая 2024 г.). Москва: Юрлитинформ, 2024. С. 410—413.

11. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть. Москва: Юрайт, 2011. 1002 с.

1. Babayev M. M. Social consequences of crime. Textbook. Moscow: Academy of the Ministry of the Interior of the USSR; 1982: 82. (In Russ.).

2. Kvashis V. Ye. "Cost" of crime as a criminological problem. Criminal law, 94—102, 2008. (In Russ.).

3. Kondratyuk L. V., Ovchinsky V. S. Criminological measurement. Red. by K. K. Goryainov. Moscow: Norma; 2008: 271. (In Russ.).

4. Luneev V. V. Social consequences, victims and the cost of crime. State and law, 36—56, 2009. (In Russ.).

5. Staroverova O. V. Theory and methodology of criminological research of socio-legal consequences of tax crime. Abstract of dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2007: 39. (In Russ.).

6. Kuznetsova N. I. Social consequences of environmental crime. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 54—57, 2017. (In Russ.).

7. Afanasiyeva O. R. The main issues in the knowledge of the mechanism of social consequences of violent crime. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 20—22, 2013. (In Russ.).

8. Dolotov R. O. Cost of crime as a criminological indicator: some methodological aspects. Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law, 15—21, 2012. (In Russ.).

9. Babayev M. M., Kvashis V. Ye. Social consequences of crime: methodological and applied problems. Scientific portal of the Ministry of the Interior of Russia, 3—12, 2010. (In Russ.).

10. Sluchevskaya Yu. A. Criteria for criminalisation of acts causing harm to the environment. In: Public danger in criminal, criminal-executive law and criminology. Materials of the XIV Russian Congress of Criminal Law, 30—31 May 2024, Moscow, Russia. Moscow: Yurлитinform; 2024: 410—413. (In Russ.).

11. Luneev V. V. Course of world and Russian criminology. Textbook. In 2 vols. Vol. 1. General part. Moscow: Yurait; 2011: 1002. (In Russ.).

Случевская Юлия Александровна,
докторант
научно-исследовательского отдела
Санкт-Петербургского университета
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
ula-sl@mail.ru

Sluchevskaya Yulia Alexandrovna,
postdoctoral student
of the research department
of the Saint Petersburg University
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
ula-sl@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.01.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 25.01.2025; approved after reviewing 03.02.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.825

**СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИСПРАВЛЕНИЕ»,
«РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ» И «ПРОБАЦИЯ»
В ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ**

Олег Валентинович Стрилец

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

oleg-strilez@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы соотношения понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация», а также раскрываются современные проблемы их специфики и взаимосвязи.

В правовой доктрине тема исправления осужденных, их ресоциализации и применения probation занимает центральное место в дискуссиях об эффективности исполнения уголовного наказания. Хотя эти понятия и взаимосвязаны, каждое из них имеет свою уникальную сущность и направленность. Понимание их соотношения и специфики является ключевым для разработки основных направлений пенитенциарной политики и обеспечения успешной социальной адаптации осужденных. Процесс социальной адаптации — это сложный и многогранный феномен, требующий глубокого осмысления и переосмысления. Он включает в себя множество факторов, начиная от индивидуальных особенностей личности осужденного и заканчивая созданием оптимальных условий работы уголовно-исполнительной системы России.

В настоящем исследовании рассмотрены существующие теоретические подходы к определению и соотношению понятий «исправление», «ресоциализация», «пробация» и проблемы их реализации. Автор отмечает, что для действенного функционирования сферы probation необходимо совершенствование законодательства, построенное на системном подходе правового регулирования.

Основываясь на теоретическом анализе понятий «исправление», «ресоциализация», «пробация» и современных проблем законодательной регламентации данных дефиниций, автор приходит к выводу, что их реализация должна быть направлена на достижение общей цели — предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: исправление, ресоциализация, probation, наказание, личность осужденного, цель, процесс, законодательство, нормы, предупреждение преступности

Для цитирования: Стрилец О. В. Соотношение понятий «исправление», «ресоциализация» и «пробация» в правовой доктрине // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 42—49.

**CORRELATION AMONG THE NOTIONS OF "CORRECTION",
"RE-SOCIALISATION" AND "PROBATION"
IN THE LEGAL DOCTRINE**

Oleg Valentinovich Strilets

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, oleg-strilez@rambler.ru

Abstract. The article focuses on the issues of correlation among the notions of "correction", "re-socialisation" and "probation", as well as current aspects of their particularities and interrelationship are revealed.

In the legal doctrine, the subject of convicts' correction, their re-socialisation and probation is at the core of the discussions on the effectiveness of the execution of criminal punishment. In spite of the fact that these notions are interrelated, each one has its own unique identity and purpose. To understand their correlation and particularities is the key point for developing the basic goals of penitentiary policy and providing successful social adaptation of convicts. The process of social adaptation is a challenging and multifaceted phenomenon for detailed consideration and reinterpretation. It includes many factors from the individual particular features of the convict's identity to the created optimal working arrangements of the Russian penal enforcement system.

This study considers modern theoretical approaches to the definition and correlation of the notions of "correction", "re-socialisation", "probation" and the issues of their realization. The author notes that efficient functioning of the probation sphere requires improvement of legislation based on a systematic approach of legal regulation.

Based on the theoretical analysis of the notions of "correction", "re-socialisation", "probation" and modern problems of legislative regulation of these definitions, the author concludes that realization of these notions is to be focused on achieving a common purpose — crime prevention and public safety.

Keywords: correction, re-socialisation, probation, punishment, the convicted person, purpose, process, legislation, norms, crime prevention

For citation: Strilets O. V. Correlation among the notions of "correction", "re-socialisation" and "probation" in the legal doctrine. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 42—49, 2025. (In Russ.).

В правовой доктрине вопросы исправления, ресоциализации и пробации занимают центральное место, поскольку неразрывно связаны с наказанием и процессом его исполнения, а также непосредственно влияют на предупреждение преступлений. Несмотря на их близкую взаимосвязь, каждое из этих понятий имеет свои особенности и сферу применения, что обуславливает необходимость их различия и осознания их взаимозависимости.

Исправление осужденного традиционно рассматривается как одна из целей уголовного наказания. Институт исправления имеет глубокие исторические корни [1]. Вместе с тем в российском уголовном праве существуют различные подходы к пониманию исправления. Одни ученые акцентируют внимание на нравственно-моральном аспекте, считая, что исправление предполагает изменение нравственных ориентиров и ценностей личности, преступившей закон. Так, в свое время А. А. Пионтовский отмечал, что исправление подразумевает трансформацию человеческого разума, его системы ценностей, сложившихся стереотипов и умений, которые находятся в явном противоречии с основами морали [2].

И. С. Ной также подчеркивал важность нравственного подхода к исправлению, где моральной составляющей являлась «переделка личности осужденного, при которой нового преступления он не совершит не из-за страха перед наказанием, а потому, что это оказалось бы в противоречии с его новыми взглядами и убеждениями» [3, с. 114].

Ряд наших современников поддерживают данную теорию. Ф. Р. Сундуков и М. В. Талан полагают, что исправление — это «очистительный процесс переоценки осужденным своего поведения, т. е. своеобразный процесс его нравственного выздоровления» [4, с. 76].

Но однозначен ли такой подход к понятию исправления? Любое наказание за совершенное преступление воздействует на личность, на ее

морально-волевые качества, однако сам процесс исполнения вряд ли способствует бесспорному их изменению в положительную сторону.

Нравственные ориентиры и ценности личности, формирующиеся на протяжении всей жизни, могут быть искажены под влиянием различных факторов: неблагополучной среды, отсутствия должного воспитания, личных травм и разочарований. В результате человек может совершать преступления, не осознавая в полной мере их тяжести и последствий. В основе мировоззрения большинства преступников лежит эгоцентризм, гипертрофированное чувство собственной важности и приоритет личных интересов над интересами общества. Закон, моральные нормы, общепринятые правила поведения воспринимаются как препятствия на пути к достижению цели — обогащению, удовлетворению девиантных потребностей, самоутверждению. Материальные блага, власть, личная безопасность становятся абсолютными ценностями, затмевающими понятия чести, справедливости, совести. Эта искаженная иерархия ценностей оправдывает любые действия, направленные на достижение желаемого, даже если они связаны с насилием, обманом или нарушением прав других людей.

Процесс изменения нравственных ориентиров не бывает быстрым и легким. Он требует терпения, настойчивости и индивидуального подхода. Изменение ценностей — это еще более сложная задача. Ценности формируются на протяжении многих лет и становятся частью мировоззрения человека. Пересмотр ценностей требует серьезной внутренней работы, готовности отказаться от старых убеждений и принять новые. Здесь нельзя не согласиться с мнением С. В. Полубинской, что в условиях отбывания наказания изменить взгляды и убеждения человека — процесс весьма сомнительный [5].

Анализируя моральную составляющую в исправлении осужденных, А. В. Наумов полагает,

что его суть заключается в превращении преступника в законопослушного человека. Ученый при этом акцентирует внимание не на формировании у него высоких моральных качеств, а на создании личности, воздерживающейся от противоправных действий из-за боязни понести наказание [6]. Аналогично относится к данному понятию Б. В. Яценко, который пишет, что «под исправлением осужденного понимается достижение путем наказания такого результата, чтобы лицо после отбытия наказания не совершило нового преступления» [7, с. 187], он считает, что в данном случае речь идет о юридическом исправлении осужденного.

В. Г. Беляев, рассуждая об исправлении, отмечал двусторонний подход к этой правовой категории. Автор утверждал, что исправление по своим методам выступает для самого осужденного как его работа по самоисправлению, а для государства и его учреждений — как создание условий для такого самоисправления. С точки зрения достижения определенной степени исправления минимальным требованием является так называемое юридическое исправление, которое подтверждается отсутствием рецидива преступлений. Естественно, не следует ограничивать стремление осужденного к более глубокому самосовершенствованию [8].

Вместе с тем если человек не захочет исправиться, любые попытки его исправить будут тщетны. Эта аксиома, выстраданная опытом поколений, пронизывает ткань человеческого бытия, напоминая о фундаментальном значении личного выбора и внутренней мотивации. В ней заключен горький привкус разочарования, но также и зерно мудрости, позволяющее осознать границы наших возможностей влиять на других.

Как правило, личность сопротивляется переменам, возводит внутренние барьеры, непроницаемые для самых убедительных аргументов и благих намерений. Ее воля становится неприступной крепостью, охраняющей укоренившиеся привычки, убеждения и пороки. В мире, где ошибки неизбежны, умение самоисправляться становится одним из самых ценных навыков. Это навык, который позволяет нам не только преодолевать трудности, но и становиться лучше, сильнее и мудрее.

Однако если речь идет о лице, которое преступило закон, маловероятно ожидать больших, значительных результатов от самоисправления. Процесс исправления осужденного неразрывно связан

с исполнением наказания и применения к нему всего комплекса средств исправления.

Уголовно-исполнительное законодательство России определяет, что «Исправление осужденных — это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения» (ч. 1 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 8 января 1997 г. (УИК РФ)).

Проанализировав указанное определение, можно заключить, что законодатель в основу исправления закладывает нравственно-моральную составляющую. А. И. Зубков считает, что «речь идет здесь не только о юридическом исправлении (осужденный не совершит нового преступления), но и о более сложном явлении — нравственном исправлении, когда ценности человеческого общежития осужденный соблюдает глубоко осознанно, а не из-за боязни нового наказания» [9, с. 14—15]. Критикуя такой подход, Ю. Е. Пудовочкин отмечает невозможность добиться желаемых нравственных норм путем ущемления прав, свобод, навязывания дополнительных юридических обязательств, которые наносят вред психике. В таких обстоятельствах стоит говорить лишь о юридическом исправлении, подразумевающим такое изменение личности осужденного, при котором он перестает совершать новые преступления [10].

В. В. Мальцев справедливо полагал, что в данной законодательной дефиниции прежде всего уделяется внимание морально-воспитательной работе как методу достижения исправления [11].

Однако исправление — это цель наказания, которая должна достигаться уголовно-исполнительными средствами и другими методами работы с осужденными.

А. Ф. Мицкевич пишет, что «цель исправления осужденного можно считать достигнутой, если воспитательное воздействие наказания на нравственно-психологическую, волевую и эмоционально-чувственную сферы осужденного приведет к тому, что осужденный не будет совершать новых преступлений в силу наступивших изменений в его психике в виде негативного оценочного отношения к преступным формам поведения, положительного отношения к общепринятым основным правилам поведения и готовности вести себя в соответствии с этими правилами» [12, с. 114].

Учитывая все особенности нравственного и юридического исправления, отметим, что «лакумсовой бумажкой» этого правового явления будет факт совершения лицом преступления. Если осужденный

не совершает преступления после отбытия наказания за раннее совершенное преступление, кто может утверждать, что он не исправился?

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением В. В. Мальцева о необходимости учета двух составляющих при определении исправления. Ученый отмечал, что «исправление осужденного — это такое положительное морально-правовое изменение личности осужденного, обусловленное применением наказания, которое препятствует совершению им новых преступлений» [11, с. 111].

Наряду с понятием исправления в уголовно-правовой науке применяется понятие ресоциализации. В юридической литературе существует несколько точек зрения на соотношение этих понятий. Одни ученые считают, что исправление является составной частью ресоциализации [13], другие — что это самостоятельные, но взаимосвязанные процессы [14], третьи утверждают, что понятие «исправление» устарело и должно быть заменено понятием «ресоциализация» [15, с. 54].

Проблема ресоциализации осужденных в России является одной из наиболее острых и многогранных задач. Она затрагивает не только судьбы отдельных лиц, преступивших закон, но и оказывает прямое влияние на уровень преступности, безопасность общества и экономическое развитие страны. Успешная ресоциализация способствует снижению рецидивной преступности, интеграции освободившихся лиц в общество и в конечном итоге формированию более здоровой и устойчивой социальной среды.

Вместе с тем, рассматривая взаимосвязь исправления и ресоциализации и основываясь на требованиях российского уголовно-исполнительного законодательства, М. С. Рыбак подчеркивал, что исправление — это результат, а ресоциализация — это процесс ее достижения [15].

На современном этапе развития пенитенциарной науки многие правоведы относят ресоциализацию к процессу, который связан с исполнением наказания. Так, Е. Е. Заврина и Г. Н. Чернышов указывают на то, что ресоциализация представляет собой продолжительный процесс, базирующийся на комплексе мероприятий, включающих в себя медицинские, образовательные, психологические и правовые меры [16]. С. Л. Бабаян считает, что под ресоциализацией осужденных подразумевается комплекс правовых, административных и прочих действий, нацеленных на достижение целей наказания, интеграцию лица, отбывающего наказание, в общество, возобновление утраченных им общественно полезных контактов, оказание поддержки

в решении жилищных и трудовых вопросов, а также обеспечение соблюдения прав и законных интересов этих лиц [17, с. 15].

Ресоциализация осужденного — это сложный и многогранный процесс, направленный на восстановление социальных связей, утраченных или ослабленных в период отбывания наказания, а также на формирование у осужденного готовности к правопослушному образу жизни после освобождения. Это не просто формальное возвращение в общество, а глубокая трансформация личности, включающая в себя переосмысление ценностей, приобретение новых навыков и знаний и формирование устойчивого стремления к самореализации в рамках закона.

Особое значение приобретает этот процесс при поступлении осужденного в исправительное учреждение. В этот период значительное внимание уделяется адаптации к условиям содержания, изучению личности осужденного, выявлению причин, приведших к совершению преступления, и определению индивидуальной программы ресоциализации. Эта программа разрабатывается с учетом психологических, социальных и образовательных потребностей каждого осужденного и включает в себя комплекс мер, направленных на коррекцию девиантного поведения, развитие социально полезных навыков и подготовку к освобождению.

Одним из важнейших аспектов ресоциализации является трудовая занятость осужденных. Труд не только обеспечивает материальную поддержку осужденным и их семьям, но и способствует формированию трудовых навыков, дисциплины и ответственности. В исправительных учреждениях организуются производственные мастерские, где осужденные могут получить профессиональное образование и приобрести опыт работы по различным специальностям. Это повышает их конкурентоспособность на рынке труда после освобождения и снижает риск рецидива.

Не менее важным является образовательный процесс. Осужденные имеют возможность получить среднее образование и пройти профессиональную подготовку по востребованным специальностям. Образование не только расширяет кругозор, но и повышает самооценку, способствует развитию критического мышления и формированию позитивных жизненных целей. Кроме того, образованные осужденные легче адаптируются к изменениям в обществе и имеют больше шансов на успешную социальную интеграцию.

Большую роль в процессе ресоциализации играют психологические программы и тренинги. Они направлены на коррекцию девиантного поведения, развитие навыков самоконтроля и управления эмоциями, формирование эмпатии и уважения к другим людям. Психологи помогают осужденным осознать причины, приведшие к совершению преступления, и разработать стратегии предотвращения подобных ситуаций в будущем. Групповые и индивидуальные консультации помогают осужденным преодолеть психологические травмы, связанные с преступлением и отбыванием наказания, и подготовиться к жизни на свободе.

Подготовка к освобождению как этап ресоциализации включает в себя информирование осужденных об их правах и обязанностях, оказание помощи в поиске работы и жилищном обустройстве, а также установление контактов с социальными службами и общественными организациями, которые могут оказать поддержку после освобождения. Важно, чтобы осужденные чувствовали себя подготовленными к жизни на свободе и знали, куда обратиться за помощью в случае необходимости.

Ресоциализация осужденных — это не только обязанность государства, но и задача всего общества. Поэтому важно, чтобы общество поддерживало усилия государства по ресоциализации осужденных и оказывало помощь тем, кто стремится к правопослушному образу жизни.

Эффективность ресоциализации во многом зависит от взаимодействия исправительных учреждений с общественными организациями, религиозными общинами и волонтерами. Они могут оказывать помощь в проведении культурно-массовых мероприятий, организации спортивных соревнований, проведении тренингов и консультаций, а также оказывать духовную поддержку осужденным. Участие общественности в процессе ресоциализации способствует формированию позитивного отношения к осужденным и созданию благоприятной среды для их социальной адаптации.

Термин «ресоциализация» получил свое нормативное закрепление с принятием Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», в соответствии со ст. 25 которого «ресоциализация представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике право-

нарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера»¹.

Однако когда должен начинаться этот процесс и что должно являться его отправной точкой? Так, Н. А. Стручков рассматривал два этапа данного процесса: пенитенциарный и постпенитенциарный [14]. В. Е. Южанин определяет три этапа: допенитенциарный, пенитенциарный, постпенитенциарный [13]. М. С. Рыбак считал, что ресоциализация личности осужденного к лишению свободы проходит пять стадий; при этом ученый связывал первую стадию с изучением личности осужденного, вторую — с условиями разрыва с социально опасной средой, третью — со средствами влияния на осужденных, четвертую — с подготовкой осужденных к освобождению, пятую — с процессом социальной адаптации [15].

Не оспаривая позиции ведущих специалистов в пенитенциарном праве, отметим, что процесс ресоциализации должен начинаться с момента установления лица, совершившего преступление, и продолжаться до его окончательной социализации.

Ресоциализация осужденных — это многогранный процесс, требующий комплексного подхода и совместных усилий государства, общества и самого осужденного. Этот процесс способствует снижению уровня преступности, укреплению социальной стабильности и созданию более безопасного и справедливого общества, поэтому важно, чтобы ресоциализация оставалась приоритетным направлением уголовной политики государства и пользовалась поддержкой всего общества.

Еще одним важным фактором для изменения лица, преступившего закон, является развитие системы пробации. Пробация является относительно новым институтом в российском праве, однако ее значимость возрастает в связи с гуманизацией уголовной политики и переориентацией на альтернативные виды наказаний.

Новейшая история развития этого института берет свое начало в 2005 г., когда уполномоченный по правам человека представил доклад, содержащий предложение о его создании. В 2008 г. данная инициатива получила поддержку и была

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

включена в Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденную распоряжением Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17 ноября 2008 г.¹ В частности, в рамках развития социальных институтов и социальной политики одним из ключевых ориентиров последней было обозначено формирование и совершенствование технологий и инструментов восстановительного правосудия, а также учреждение службы пробации.

Последующие годы были посвящены разработке нормативной базы и пилотным проектам, направленным на апробацию различных моделей пробации. Изучался международный опыт, проводились консультации с экспертами и представителями различных ведомств. Целью являлось создание эффективной системы, способной снизить уровень рецидивной преступности, способствовать ресоциализации лиц, находящихся в конфликте с законом, и повысить безопасность общества.

В 2015 г. группа, включавшая представителей аппарата российского уполномоченного по правам человека и высшего руководства Федеральной службы исполнения наказаний, создала проект закона «О пробации в Российской Федерации». Данный проект предполагал передачу функций пробации уголовно-исполнительным инспекциям.

Очередной перенос даты создания службы пробации был зафиксирован в Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 г., одобренной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1138-р от 29 апреля 2021 г.² В данной концепции было установлено, что адаптация после освобождения из мест лишения свободы должна происходить с помощью службы пробации.

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 28.09.2018) (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

² О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (ред. от 27.05.2023) // Там же.

Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации»³ (далее — ФЗ О пробации) был принят в 2023 г. и стал ключевым нормативным актом, регулирующим деятельность службы пробации. Закон определил правовые основы организации и функционирования пробации, полномочия органов государственной власти в этой сфере, а также права и обязанности лиц, в отношении которых применяется пробация.

Наряду с этим некоторые ученые указывают на декларативный характер представленного закона [18; 19].

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 5 этого нормативного акта «пробация — совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц».

Согласно указанному выше законодательному понятию, ресоциализация входит в пробацию. Такой подход существенно снижает эффективность прежде всего ресоциализации осужденных, а также самого процесса пробации: подмена этих понятий невозможна, о чем свидетельствует их содержание. Так, обсуждая ФЗ О пробации, ряд исследователей считают, что «в нынешнем же виде правовые нормы закона о пробации не добавляют ясности в правовое регулирование уголовно-исполнительных правоотношений. Сложность видится в том, что, во-первых, происходит смешение средств исправления и направлений пробации, а во-вторых, нет ясности, каким образом другие основные средства исправления могут повлиять на достижение целей пробации на ее пенитенциарном этапе» [20, с. 246].

Как справедливо отмечает А. Я. Гришко, «одним из значимых недостатков в исследуемой сфере является отсутствие системного подхода в правовом регулировании всех видов пробации... Представляется, такие нормы можно было бы сосредоточить в едином кодифицированном законодательном акте» [19, с. 45].

³ О пробации в Российской Федерации: федер. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Для эффективного функционирования probation необходимо совершенствование законодательства, организационное укрепление probationной службы, развитие кадрового потенциала, внедрение новых технологий и взаимодействия между различными ведомствами.

Таким образом, понятия «исправление», «ресоциализация» и «probation» при всем своеобразии их содержательной стороны тесно взаимосвязаны. В любом случае важно понимать, что все

три понятия направлены на достижение общей цели — предупреждение преступности и обеспечение безопасности общества. Эффективная реализация мер по исправлению, ресоциализации и probation требует комплексного подхода, координации усилий различных государственных органов и общественных организаций, а также индивидуального подхода к каждому осужденному.

1. Стрилец О. В. Институт исправления осужденных: становление, развитие и современное состояние // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 66—74.

2. Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6 т. Т. III. Наказание. Москва: Наука, 1970. 350 с.

3. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве: Полит.-юрид. исследование. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. 193 с.

4. Сундуров Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве. Москва: Статут, 2015. 256 с.

5. Полубинская С. В. Цели уголовного наказания. Москва: Наука, 1990. 142 с.

6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В 3 т. Т. 1. Общая часть. Москва: Волтерс Клувер, 2007. 736 с.

7. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А. И. Рарога. Москва: ТК Велби, Проспект, 2004. 696 с.

8. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. А. С. Сенцова, В. В. Намнясева, О. В. Стрильца. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 627 с.

9. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. А. И. Зубкова. Москва: Норма, 2008. 495 с.

10. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность несовершеннолетних в уголовном праве: история и современность. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 256 с.

11. Мальцев В. В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве. Волгоград: ВА МВД России, 2007. 223 с.

12. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2005. 327 с.

13. Южанин В. Е. Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве. Рязань: Ин-т права и экономики МВД России, 1992. 115 с.

1. Strilets O. V. The institute of correction of the convicted persons: formation, development and current state. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 66—74, 2024. (In Russ.).

2. Course of the Soviet criminal law. General part. In 6 vols. Vol. III. Punishment. Moscow: Science; 1970: 350. (In Russ.).

3. Noi I. S. The essence and functions of criminal punishment in the Soviet state: Political and legal research. Saratov: Publishing house of the Saratov University; 1973: 193. (In Russ.).

4. Sundurov F. R., Talan M. V. Punishment in criminal law. Moscow: Statut; 2015: 256. (In Russ.).

5. Polyubinskaya S. V. The aims of criminal punishment. Moscow: Science; 1990: 142. (In Russ.).

6. Naumov A. V. Russian criminal law. Course of lectures. In 3 vols. Vol. 1. General part. Moscow: Volters Cluver; 2007: 736. (In Russ.).

7. Criminal Law of Russia. General and Particular Parts. Red. A. I. Rarog. Moscow: TK Welby; Prospect; 2004: 696. (In Russ.).

8. Criminal Law of the Russian Federation. General part. Red. A. S. Sentsov, V. V. Namnyaseva, O. V. Strilets. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2017: 627. (In Russ.).

9. Commentary to the Criminal Executive Code of the Russian Federation. Red. A. I. Zubkov. Moscow: Norma; 2008: 495. (In Russ.).

10. Pudovochkin Yu. Ye. The responsibility of juveniles in criminal law: history and acting situation. Stavropol: Publishing house of the Stavropol State University; 2002: 256. (In Russ.).

11. Maltsev V. V. Punishment and issues concerning its imposition in criminal law. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2007: 223. (In Russ.).

12. Mitskevich A. F. Criminal punishment: notion, purposes and mechanisms of activities. Saint Petersburg: Juridical Centre Press; 2005: 327. (In Russ.).

14. Стручков Н. А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. Москва: Юрид. лит., 1984. 240 с.

15. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад., 2004. 480 с.

16. Заврина Е. Е., Чернышов Г. Н. Проблема ресоциализации осужденных // Инновационная экономика и право. 2017. № 2 (7). С. 100—103.

17. Бабаян С. Л. К вопросу о постпенитенциарной ресоциализации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 13—19.

18. Уткин В. А. Гражданин как участник probation // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 1. С. 27—36.

19. Гришко А. Я. Пробация: от исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 года к закону о probation // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 2 (20). С. 38—46.

20. Сиряков А. Н., Сирякова Е. О., Метлин Д. Г. Пробация, исправление и воспитательная работа с осужденными в свете федерального закона «О probation в Российской Федерации» // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 11А. С. 243—249.

13. Yuzhanin V. Ye. Process of re-socialization and its support in criminal proceedings. Ryazan: Institute of Law and Economics of the Ministry of the Interior of Russia; 1992: 115. (In Russ.).

14. Struchkov N. A. Course of correctional labor law. The issues of the General Part. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1984: 240. (In Russ.).

15. Rybak M. S. Re-socialisation of the convicted persons to imprisonment: issues of theory and practice. Saratov: Publishing house of the Saratov State Academy; 2004: 480. (In Russ.).

16. Zavrina Ye. Ye., Chernyshov G. N. Problem of re-socialisation of the convicted persons. Innovative Economics and Law, 100—103, 2017. (In Russ.).

17. Babayan S. L. To the issue of post-penitentiary re-socialization. Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction, 13—19, 2016. (In Russ.).

18. Utkin V. A. Citizen as a participant of probation. Journal of Russian law, 27—36, 2025. (In Russ.).

19. Grishko A. Ya. Probation: from the Correctional Labour Code of the RSFSR 1924 to the law on probation. Bulletin the Tomsk institute of advanced training of officers of the FPS of Russia, 38—46, 2024. (In Russ.).

20. Siryakov A. N., Siryakova Ye. O., Metlin D. G. Probation, correction and education work with the convicts in the context of the federal law "On Probation in the Russian Federation". Matters of Russian and International law, 243—249, 2023. (In Russ.).

Стрилец Олег Валентинович,

профессор кафедры уголовного права
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
oleg-strilez@rambler.ru

Strilets Oleg Valentinovich,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific
complex for preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
oleg-strilez@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 30.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 30.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.12

**«ЗАПОДОЗРЕННОЕ ЛИЦО» — ВОСТРЕБОВАННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС
ДЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАЗАХСТАНА И РОССИИ**

Мадина Таукеновна Аширбекова*, Абылай Акылбаевич Калиев**

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, madina.55@mail.ru

** МВД Республики Казахстан, Астана, Казахстан, kaliev_08@mail.ru

Аннотация. В статье с использованием сравнительно-правового метода проведено сопоставление процессуального положения нового участника казахстанского уголовного процесса — свидетеля, имеющего право на защиту, — с фактическим положением такого участника российского уголовного процесса, как лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Соответственно, анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан, определяющие процессуальное положение нового участника, его процессуальные права, а также основания, по которым то или иное лицо позиционируется как свидетель, имеющий право на защиту. Отмечается, что предпосланные данному субъекту процессуальные права отличают его от «обычного» свидетеля, поскольку они нацелены на защиту его процессуального интереса, который сходен с процессуальным интересом подозреваемого. Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана не детализирует порядок наделения лица статусом «свидетель, имеющий право на защиту», в том числе не предписывает субъектам, ведущим досудебное производство, выносить определенное процессуальное решение (постановление), которое бы отражало основания наделения лица названным статусом. В связи с этим предлагается иначе нормативно определить статус названного субъекта, а именно использовать в законе для его обозначения термин «заподозренный», поскольку сам казахстанский законодатель предпосылает ему процессуальные права для защиты от возникшего против него подозрения. Процессуальный статус «заподозренный» вполне оправданно использовать и в российском уголовном процессе применительно к лицу, в отношении которого проводится проверка заявления или сообщения о преступлении. Решение вопроса о причастности лица к криминальному событию посредством проверки в порядке ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации можно считать этапом выдвижения первоначального подозрения, поскольку закон допускает участие защитника на указанном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Исходя из этого предлагается ввести в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации новый пункт, содержащий понятие «заподозренное лицо», а также в ч. 1.1 ст. 144 указанного кодекса выделить данное лицо в ряду частных лиц, участвующих в доследственной проверке.

Ключевые слова: процессуальный интерес, свидетель, подозреваемый, подозрение, заподозренное лицо, право на защиту

Для цитирования: Аширбекова М. Т., Калиев А. А. «Заподозренное лицо» — востребованный процессуальный статус для отдельных участников уголовного процесса Казахстана и России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 50—56.

**"A PERSON BEING UNDER SUSPICION" AS A DEMANDED PROCEDURAL STATUS
FOR SOME PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF KAZAKHSTAN AND RUSSIA**

Madina Taukenovna Ashirbekova, Kaliev Abylay Akylbayevich**

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, madina.55@mail.ru

** Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan,
kaliev_08@mail.ru

Abstract. By using the comparative legal method, the authors of the article compare the procedural status of a new participant in the Kazakh criminal proceeding — a witness having a right to be defended — with the factual position of such a participant in the Russian criminal procedure as a person in respect of whom a crime report is being verified. Accordingly, the provisions of the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan are analyzed, determining the procedural status of the new participant, his procedural rights, as well as the grounds on which this or that person is positioned as a witness having a right to be defended. It is noted, that the procedural rights granted to this subject distinguish him from an "ordinary" witness, since they are aimed at protecting his procedural interest, similar to the procedural interest of a suspect. The Criminal Procedure Code of Kazakhstan doesn't detail the procedure for granting a person the status of a "witness having a right to be defended", including the fact that it doesn't prescribe the subjects conducting pre-trial proceedings to make / issue a certain procedural decision (resolution), which would reflect the grounds for granting a person the mentioned status. In this regard, the authors propose to normatively define the status of the mentioned subject differently, namely, to use the term "a person being under suspicion" to designate him in the law, since the Kazakh legislator grants him procedural rights to protect himself from suspicions / charges brought against him. The procedural status of "a person being under suspicion" can be quite justifiably used in Russian criminal proceedings in relation to a person in respect of whom a statement or report of a crime is being checked. The decision on the involvement of a person in a crime through verification in accordance with Article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation can be considered as a stage of bringing an initial suspicion / charge, since the law lets for the defense attorney to participate in this stage of criminal procedural activity. Based on this fact, the authors propose to introduce a new point containing the concept of "a person being under suspicion" into Art. 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as to specify a mentioned person in a set of individuals participating in the preliminary investigation in part 1.1 of Art. 144 of this Code.

Keywords: procedural interest, witness, suspect, suspicion, "a person being under suspicion", the right to be defended

For citation: Ashirbekova M. T., Kaliev A. A. "A person being under suspicion" as a demanded procedural status for some participants in the criminal proceedings of Kazakhstan and Russia. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 50—56, 2025. (In Russ.).

После распада СССР развитие уголовно-процессуального законодательства России и Казахстана, которое ранее было общим для двух государств, привело к значительным различиям во многих институтах уголовного процесса. Так, казахстанский законодатель ввел в уголовный процесс ряд новелл: отказался от стадии возбуждения уголовного дела, что изменило структуру досудебного производства; включил в систему следственных действий блок негласных следственных действий, что, в частности, обусловило и усиление судебного контроля в виде процессуальной деятельности следственного судьи, который пополнил ряд властных субъектов уголовного процесса; допустил возможность ведения производства по уголовному делу в электронном формате. Конечно, есть и другие «маркеры» — отличия, указывающие на самобытность сложившегося казахстанского уголовного процесса в ряду правовых систем государств постсоветского пространства.

Вызывает интерес изменение в казахстанском уголовном судопроизводстве круга участников уголовного процесса, а именно появление нового участника — свидетеля, имеющего право на защиту. Изначально, т. е. с принятием Уголовно-

процессуального кодекса Республики Казахстан 2014 г. (далее — УПК РК), положения, определяющие статус свидетеля, имеющего право на защиту, располагались в чч. 5, 6 и 7 ст. 78 «Свидетель» УПК РК. В результате такого юридико-технического приема эта статья стала совмещать в себе нормы, посвященные свидетелю, имеющему право на защиту, и нормы, определяющие статус свидетеля в традиционном понимании его как лица, лично не заинтересованного в исходе дела и дающего показания об обстоятельствах расследуемого преступления. Иными словами, положения ст. 78 УПК РК стали касаться двух видов свидетелей, один из которых «обычный», а другой — «особенный», так как наделялся правом на защиту.

Между тем нового участника (свидетеля, имеющего право на защиту) невозможно позиционировать как «обычного» свидетеля, процессуальный статус которого определен практически одинаково в казахстанском уголовном процессе (ст. 78 УПК РК) и в российском уголовном процессе (ст. 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)). Потому ясно, что не могло не возник-

нать потребности в его «отмежевании» от обычного свидетеля. В итоге в 2021 г. из ст. 78 УПК РК были исключены чч. 5, 6 и 7, а вместо них была введена новая ст. 65-1 УПК РК, полностью посвященная такому специфическому субъекту, как свидетель, имеющий право на защиту.

Обращает на себя внимание тот факт, что ст. 65-1 УПК РК, определяющая процессуальный статус свидетеля, имеющего право на защиту, стала располагаться в гл. 9 «Участники процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы» УПК РК. В данной главе регламентируется процессуальный статус участников, представляющих стороны уголовного процесса: подозреваемого, обвиняемого, защитника, а также потерпевшего, частного обвинителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого. Отсюда видно, что новый участник казахстанского уголовного процесса — носитель процессуального интереса, кардинально отличающегося от интереса обычного свидетеля, поскольку именно этот интерес нуждается в защите.

В чем же заключается интерес нового участника казахстанского уголовного процесса? Очевидно, в том, чтобы данный участник в последующем не был подвергнут уголовному преследованию. По этой причине его в целом наделяют правом на защиту. Свидетель, имеющий право на защиту, в ч. 1 ст. 65-1 УПК РК определяется как лицо, на которого было либо указано в заявлении или сообщении о преступлении (в УПК РК вместо термина «преступление» используется термин «уголовное правонарушение»), либо против него дал показания «обычный» свидетель. Собственно, эти положения дают представление о формировании выводов о фактических обстоятельствах, позволяющих заподозрить лицо в причастности к криминальному событию. Однако казахстанский законодатель прибегает также к определению формального признака, позволяющего наделить лицо рассматриваемым статусом: такое лицо ранее не подвергалось задержанию и в отношении него не было вынесено постановления о признании подозреваемым. Тем не менее УПК РК не указывает на то, что необходимо выносить какой-либо процессуальный акт, который выступал бы правовой основой для наделения лица статусом «свидетель, имеющий право на защиту».

Положения ст. 65-1 УПК РК регламентируют процессуальные права рассматриваемого участника. Предпосланные ему процессуальные права,

с одной стороны, отличают его от «обычного» свидетеля, а с другой — приближают к статусу подозреваемого (ст. 64 УПК РК).

Так, в отличие от «обычного» свидетеля, новый участник, несмотря на то что в его названии присутствует слово «свидетель», наделен весьма значимым для него правом — безусловно отказаться от дачи показаний. Понятно, что «обычный» свидетель такое право получает фрагментарно: лишь в части показаний в отношении самого себя, своего супруга (супруги) и близких родственников (их круг совпадает с кругом близких родственников, который определен в российском уголовно-процессуальном законе, т. е. в п. 4 ст. 5 УПК РФ). Но именно право на отказ от дачи показаний роднит свидетеля, имеющего право на защиту, с подозреваемым (п. 8 ч. 9 ст. 64 УПК РК). В то же время новый участник казахстанского уголовного процесса отличается по кругу своих процессуальных прав от подозреваемого в основном: у него нет права знать, в чем он подозревается. Такой вывод неизбежно вытекает, если следовать буквально тому, что указано в законе о его процессуальных правах: там нет указаний на то, что ему вручается процессуальный акт, который отражал бы основания наделения его статусом свидетеля, имеющего право на защиту (ч. 2 ст. 65-1 УПК РК).

Однако закон (п. 2 ч. 2 ст. 65-1 УПК РК) указывает, что свидетель, имеющий право на защиту, вправе получить от субъекта, ведущего уголовный процесс, разъяснение о своем статусе. Что именно казахстанский законодатель имеет в виду под разъяснением статуса нового участника, сложно предположить. Одно дело разъяснить, почему лицо фактически должно быть наделено этим статусом, другое — просто разъяснить ему его процессуальные права и обязанности, предусмотренные все той же ст. 65-1 УПК РК.

Если вести речь об основаниях наделения лица статусом «свидетель, имеющий право на защиту», то, видимо, надо ему разъяснять, что есть основания утверждать о его причастности к криминальному событию, но доказательств для вынесения постановления о признании его подозреваемым нет, поскольку последнее как юридический факт предпослано для «классических» подозреваемых (п. 1 ч. 1 ст. 64 УПК РК).

Если же ограничиваться разъяснением новому участнику его процессуальных прав, то из существа последних видно, что свидетель, имеющий право на защиту, может ими воспользоваться в целях опровержения возникшего или потенциально воз-

возможного подозрения. Во всяком случае из круга его процессуальных прав, а особенно из того, что он вправе, как и подозреваемый, отказаться от дачи показаний, видится, что он не интересен органам уголовного преследования, по крайней мере на процессуальном уровне (не оперативно-разыскном), как источник значимой по делу информации, т. е. сугубо как свидетель. Фактически свидетель, имеющий право на защиту, — это подозреваемый, но без официально выдвинутого подозрения в виде постановления о признании лица подозреваемым, т. е. в порядке, предусмотренном п. 1 ч. 1 ст. 64 УПК РК.

Кроме того, имеющееся в ч. 2 ст. 65-1 УПК РФ частичное дублирование процессуальных прав «обычного» свидетеля в процессуальном статусе нового субъекта — не очень весомая причина для того, чтобы последнего именовать *свидетелем*, хотя и имеющим право на защиту. Больше оснований считать, что он — заподозренное лицо: уже не «обычный» свидетель, но еще и не «обычный» подозреваемый. Его фактическое положение — между двумя отмеченными процессуальными статусами. В связи с этим полагаем, что ст. 65-1 УПК РК оптимально назвать «Заподозренное лицо», что подтверждало бы логичность отнесения нового субъекта к числу участников процесса, защищающих свои права и законные интересы (гл. 9 УПК РК).

Но и форме наделения его этим статусом представляется нелишним дать большую определенность. В этом плане представляется оптимальным использование российского опыта по наделению лица процессуальным статусом подозреваемого в форме уведомления о подозрении, которое выносится дознавателем в порядке ст. 223.1 УПК РФ. Да и «технически» назначение такого уведомления совпадает: в российском дознании оно используется для случаев, когда к лицу не применяется ни одна из мер пресечения, но наличие такого уведомления переводит лицо в статус подозреваемого (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). Считаем, что такой юридико-технический прием пригоден и для нового участника уголовного процесса Республики Казахстан, но с поправкой в терминологию: речь должна вестись, как предложено выше, о заподозренном лице, а не о подозреваемом. В уведомлении о признании лица заподозренным, конечно, должен быть изложен вывод субъекта, ведущего досудебное производство, об установленных обстоятельствах криминального события и о возможной причастности к нему конкретного лица, что и позволяет наделить его процессуальным статусом «заподозренное лицо». Гипотетический

вывод о причастности лица к криминальному событию по уровню своей обоснованности представляется таким же, как и при избрании меры пресечения в российском уголовном процессе или казахстанском уголовном процессе: субъект, ведущий досудебное производство, констатирует, что есть основания полагать, а по сути — предполагать, что лицо скроется от предварительного расследования или совершит новое преступление. Иными словами, речь идет о предположении о причастности лица к криминальному событию — некоей начальной фазе выдвижения подозрения.

Основываясь на вышеизложенном и будучи ограниченными рамками научной статьи, полагаем достаточным сформулировать следующее предложение об изменении положений ч. 1 ст. 65-1 УПК РК, изложив ее в следующей редакции: «Заподозренное лицо — лицо, на причастность которого к уголовному правонарушению указано в заявлении или сообщении об уголовном правонарушении, либо в показаниях свидетеля, участвующего в производстве по уголовному делу, при условии, что в отношении данного лица не приняты процессуальные решения и не проведены процессуальные действия, предусмотренные статьей 64 настоящего Кодекса. Данному лицу вручается копия уведомления о признании его заподозренным лицом и разъясняются его процессуальные права и обязанности, предусмотренные частью второй настоящей статьи». Безусловно, с учетом вышеприведенного предложения есть необходимость в дальнейшем уточнении нормативных положений УПК РК, которые ныне связаны с действующим статусом свидетеля, имеющим право на защиту. Изменение этих нормативных положений может быть реализовано в направлении определения формы и содержания уведомления о признании заподозренным лицом, регламентации порядка вручения лицу и его защитнику данного процессуального акта.

Изучение нормативной регламентации по УПК РК статуса свидетеля, имеющего право на защиту, представляет интерес в сравнительно-правовом аспекте, т. е. в плане сопоставления его с таким фактическим участником российского уголовного процесса, как лицо, в отношении которого проводится доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Как известно, процессуальный статус такого лица в законе не определен. В связи с этим в российской науке уголовно-процессуального права обсуждается вопрос о возможности наделения такого лица процессуальным статусом заподозренного [1; 2].

Есть ли для этого основания? Думается, что есть. Действительно, в случае если до возбуждения уголовного дела такое лицо известно, на него было указано в заявлении или сообщении о совершенном или готовящемся преступлении, то направленность на установление его причастности к криминальному событию очевидна [3].

Аналогично и в случае фактического задержания лица, но до процессуального оформления задержания в порядке ст. 92 УПК РФ, также возникает вопрос о том, в каком статусе данное лицо должно находиться. Положения п. 15 ст. 5 УПК РФ определяют момент фактического задержания лица, из чего во взаимосвязи с ч. 1 ст. 92 УПК РФ следует, что пребывание такого лица в положении, сопряженном с ограничением свободы передвижения, заполняет временной период с момента фактического задержания до составления протокола о задержании (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Поэтому Ю. В. Францифоров и Ю. Н. Царев указывают на необходимость определения процессуального статуса для фактически задержанного лица. «Фактическое задержание включает поимку лица, ограничение права лица на свободу передвижения, объявление ему о причинах задержания, а также доставление его в орган предварительного расследования. Эти действия не имеют регламентации в УПК РФ, а потому задержанный не имеет процессуального статуса и не наделен соответствующими правами» [4, с. 208]. Авторы приведенного рассуждения полагают, что такой участник должен быть обозначен в российском уголовно-процессуальном законе в статусе «задержанный» [4, с. 208].

Безусловно, такой подход имеет право на существование. Однако представляется, что для описанного случая термин «заподозренный» более уместен, поскольку прямо указывает на причину задержания — возникшее предположение о причастности лица к криминальному событию. Кроме того, если подозреваемый — это лицо, задержанное в процессуальном порядке с составлением протокола о задержании и выполнением всех процессуальных действий, предусмотренных ст. 92 УПК РФ, то для рассматриваемого случая логично прибегнуть к терминологически сходному обозначению — «заподозренный».

Говоря об оправданности выделения процессуального статуса «заподозренный» применительно к лицу, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, надо отметить, что о нем отдельно как о субъекте уголовного процесса говорится лишь в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ,

притом в контексте определения момента, с которого защитник участвует в уголовно-процессуальной деятельности. Не говорим об участии защитника в производстве по уголовному делу, поскольку оно не возбуждено и, может быть, вообще сама доследственная проверка завершится отказом в возбуждении уголовного дела. Тем не менее если такое лицо обеспечивается защитником, то уже на стадии возбуждения уголовного дела у субъекта, ведущего уголовный процесс, возникает предположение о его причастности к криминальному событию, что в целом, по нашему мнению, «сигнализирует» о начале уголовного преследования. Если бы это было не так, то данное лицо не обеспечивалось бы защитником, что, правда, вытекает из норм, определяющих статус защитника (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ), а не из норм, прямо регулирующих порядок обеспечения прав частных лиц, участвующих в доследственной проверке (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

По нашему мнению, нормативное регулирование участия такого лица в процессуальной деятельности также необходимо привести в соответствие с фактически складывающимися отношениями в стадии возбуждения уголовного дела, т. е. в процессе проверки заявления или сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ. Считаем, что уголовное преследование фактически начинается в отношении лица, если оно известно на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Да, частные лица, призванные для участия в доследственной проверке, не наделены процессуальным статусом, поскольку, по нормам УПК РФ, еще не произошло их распределение по сторонам защиты или обвинения. Однако, как отмечено выше, защитник (именно защитник, а не адвокат) уже вправе принять участие в интересах лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ. Для чего ему нужен именно защитник? Если бы не понималось, что началось уголовное преследование такого лица, то достаточно было бы положений ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, где в отношении всех лиц, участвующих в стадии возбуждения уголовного дела, содержится норма о праве пользоваться услугами адвоката. Из такой формулировки, индифферентной с точки зрения разделения участников на стороны обвинения и защиты, все положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ выглядят как основа для обеспечения прав личности в уголовном процессе, что созвучно принципиальным положениям ст. 11 УПК РФ.

Вместе с тем положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предписывают, чтобы права таких лиц (не разде-

ленных на стороны защиты и обвинения, что ясно с точки зрения теоретического понимания существа стадии возбуждения уголовного дела) разъяснялись и обеспечивались в той части, в которой они затрагиваются действиями и решениями, производимыми на рассматриваемом этапе процессуальной деятельности, который и производством по уголовному делу назвать нельзя, поскольку последнее еще не возбуждено и не принято к производству ни следователем, ни дознавателем. Тем не менее приведенные положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ можно воспринимать как обозначение процессуального статуса участников проверки, коль скоро им предпосылаются определенные права и даже процессуальная обязанность в виде запрета разглашать данные досудебного производства, причем во взаимосвязи с положениями ст. 161 УПК РФ, применяемой как общее условие предварительного расследования. Без определения процессуального статуса того или иного участника уголовного процесса вряд ли возможно наделение его процессуальными правами и обязанностями.

Нет сомнения, что те немногие следственные действия, что допускаются в стадии возбуждения уголовного дела, носят элемент принуждения (например, получение от лица образцов для сравнительного исследования, освидетельствование). Понятно, что именно такие процессуальные действия (именно так они обозначены в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ) подразумеваются прежде всего в связи с решением вопроса об основании участия защитника в порядке п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Но, как отмечено выше, положения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ об этом не упоминают. Не упоминают они и термина, которым обозначается лицо, в интересах которого может участвовать защитник. Повторимся, в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ такой участник обозначен термином «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении». Данной формулировкой, как видится, фактически выделяется процессуальный статус такого участ-

ника как заподозренного лица. Но между приведенным положением и положениями ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ нет видимой согласованности с точки зрения юридической техники. Получилось, что в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ говорится обо всех участниках проверки, поскольку всем им дается право на услуги адвоката. А положения п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ об участии защитника изложены обособленно, хотя по своему предмету они прямо связаны с рассматриваемой проверкой. Думается, что это положение должно быть интегрировано в ст. 144 УПК РФ.

Но вначале, полагаем, ст. 5 УПК РФ должна содержать пояснение о том, кого следует рассматривать в процессуальном статусе «заподозренное лицо». В этих целях, соответственно, статью 5 УПК РФ вполне уместно дополнить новым пунктом 12.1 в следующем изложении: «заподозренное лицо — лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренным статьей 144 настоящего Кодекса».

Отправляясь от этого предложения, полагаем, что ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ должна быть дополнена следующим нормоустановлением: «Заподозренное лицо обеспечивается защитником при проведении с ним процессуальных действий, осуществляемых в целях проверки заявления или сообщения о преступлении».

Подводя итог вышеприведенным рассуждениям, отметим, что нет препятствий для того, чтобы нормативно определить нового участника казахстанского уголовного процесса, т. е. свидетеля, имеющего право на защиту, в процессуальном статусе «заподозренного лица». Аналогично нет препятствий и для введения в нормативную ткань УПК РФ процессуального статуса «заподозренного лица» применительно к лицу, в отношении которого проводится доследственная проверка в порядке ст. 144 УПК РФ.

1. Смолькова И. В. Нужна ли фигура «заподозренного» в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 70—77.

2. Чупилкин Ю. В. Правовой статус заподозренного в совершении преступления лица // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности:

1. Smolkova I. V. Is a person being under suspicion necessary in the criminal proceedings? Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 70—77, 2019. (In Russ.).

2. Chupilkin Yu. V. Legal status of a person being under suspicion in committing a crime. In: Topical problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure activities and national

материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию образования кафедры уголовного процесса. В 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. В. А. Семенов. Краснодар: КубГУ, 2022. С. 313—319.

3. Аширбекова М. Т. Об обеспечении прав личности в ходе проверки сообщения о преступлении // Контроль над преступностью и обеспечение прав личности как приоритеты уголовно-процессуальной политики. Саратов: Сарат. гос. юрид. акад., 2021. С. 14—19.

4. Францифоров Ю. В., Царев Ю. Н. Задержание в качестве подозреваемого: противоречия законодательной регламентации и практики осуществления // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2 (157). С. 204—211.

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
профессор кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной
юридической академии,
доктор юридических наук, доцент;
madina.55@mail.ru

Калиев Абылай Акылбаевич,
старший инспектор по особым поручениям
Управления по координации оказания
государственных услуг
и работы с обращениями граждан
Комитета миграционной службы
МВД Республики Казахстан;
kaliev_08@mail.ru

security. Materials of the International research and practical conference, dedicated to the 50th anniversary of the establishment of the department of criminal procedure. In 2 parts. Part 2. Red. by V. A. Semenov. Krasnodar: KubSU; 313—319, 2022. (In Russ.).

3. Ashirbekova M. T. On ensuring individual rights during the verification of a crime report. In: Crime control and ensuring individual rights as priorities of the criminal procedure policy. Saratov: the Saratov State Law Academy; 2021: 14—19. (In Russ.).

4. Frantsiforov Yu. V., Tsarev Yu. N. Detention of a person as a suspect: contradictions between legislative regulation and practice. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 204—211, 2024. (In Russ.).

Ashirbekova Madina Taukenovna,
professor at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
professor at the department
of criminal procedure
of the Saratov State Law Academy;
doctor of juridical sciences, docent;
madina.55@mail.ru

Kaliev Abylay Akylbayevich,
senior inspector for special assignments
at the department for the coordination
to provide public services
and to handle citizens' appeals
of the Committee of Migration Service
of the Ministry of the Interior
of the Republic of Kazakhstan;
kaliev_08@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 19.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.139

**ЗАКРЫТОЕ СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ****Анна Федоровна Зотова**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, anya2091@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу принципа открытости судопроизводства в уголовном процессе России и проблемам применения закрытых судебных заседаний. Автор отмечает, что, несмотря на конституционный статус открытости (ст. 123 Конституции Российской Федерации), в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (ст. 241) этот принцип редуцирован до уровня «общего условия», что создает концептуальную неопределенность и способствует расширительному толкованию предусмотренных законодателем исключений. Среди ключевых проблем — недостаточная обоснованность решений судов о закрытии заседаний, отсутствие четких критериев «достаточности доказательств» для таких решений, а также риски нарушения принципа состязательности из-за ограниченного доступа стороны защиты к информации. Особое внимание уделяется отсутствию обязательной аудиозаписи закрытых заседаний, что ставит под сомнение правомерность деятельности суда и затрудняет апелляционное обжалование. Исследование подчеркивает необходимость реформ для соблюдения баланса между открытостью судебного разбирательства и защитой прав и законных интересов его участников. Автор предлагает свое видение совершенствования соответствующих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, ограничения открытости судебного заседания, закрытое судебное заседание

Для цитирования: Зотова А. Ф. Закрытое судебное заседание в уголовном судопроизводстве России: анализ законодательства и пути его совершенствования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 57—64.

**CLOSED TRIAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA:
ANALYSIS OF LEGISLATION AND WAYS TO IMPROVE IT****Anna Fyedorovna Zotova**Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, anya2091@yandex.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the principle of openness / transparency of legal proceedings in the criminal proceedings in Russia and the problems related to conducting closed trials. The author of the article notes that despite the constitutional status of openness / transparency (Article 123 of the Constitution of the Russian Federation) in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (Article 241) this principle is reduced up to the level of a "general condition", which forms conceptual uncertainty and contributes to expansive interpretation of the exceptions provided for by the legislator. Key issues include insufficient justification of court decisions to close trials, the lack of clear criteria for "sufficiency of evidence" for such decisions as well as the risks of violating the adversarial principle due to limited access of defending party to information. The author of the article pays attention to the absence of mandatory audio recording of closed trials, which calls into question the legality of the court's activities and complicates appeals. The study emphasizes the necessity for reforms to maintain a balance between the openness / transparency of court proceedings and the protection of the rights and legitimate interests of its participants. The author offers his point of view to improve the relevant provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings, restrictions on trial to be open / transparent, closed trial

For citation: Zotova A. F. Closed trial in criminal proceedings of Russia: analysis of legislation and ways to improve it. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 57—64, 2025. (In Russ.).

Принцип открытости судопроизводства является одним из краеугольных камней демократического правосудия. В Российской Федерации он закреплен на конституционном уровне, в ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020), которая провозглашает: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом». Эта норма подчеркивает фундаментальное значение открытости для всей системы правосудия. Она способствует обеспечению общественного контроля за отправлением правосудия, повышению уровня доверия населения к судебной системе и служит важной гарантией соблюдения прав участников процесса, включая обвиняемого [1].

Несмотря на конституционный статус и общепризнанную важность, реализация открытости в уголовном судопроизводстве и, соответственно, в судебной практике признается «недостаточно эффективной». Более того, в правовой доктрине существует академическая дискуссия о том, является ли гласность как требование открытости «фундаментальным принципом» уголовного судопроизводства или лишь «общим условием» его проведения [2]. Данная дискуссия возникла достаточно обоснованно. В статье 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) статус конституционного принципа судопроизводства значительно понижен до уровня общего условия судебного разбирательства, при этом применена в том числе альтернативная терминология — гласность. Между тем неразрешенность названного вопроса имеет глубокие негативные последствия для правоприменительной практики. Если гласность (открытость) воспринимается как основополагающий принцип, то любые исключения из нее должны толковаться максимально узко и применяться лишь в исключительных случаях. Однако если она рассматривается как «общее условие», то это может привести к более широкому толкованию оснований для закрытия заседаний. Такая концептуальная неопределенность относительно нормативного веса гласности может способствовать непоследовательности в судебных подходах. По мнению прокуратуры, судьи, рассматривающие гласность скорее как условие, могут быть

более склонны удовлетворять ходатайства о закрытии заседаний без строгих обоснований, что, в свою очередь, подрывает дух открытости и делает закрытые заседания «менее исключительными», чем это предполагается конституционной нормой¹.

Закрытое судебное разбирательство по своей сути является законодательно предусмотренным исключением из общего правила открытости и допускается только в случаях, прямо предусмотренных федеральным законом. Основная цель закрытого судебного заседания — защита особо значимых публичных и частных интересов, которые могут быть нарушены в условиях открытого разбирательства. К таким интересам относятся сохранение государственной или иной охраняемой законом тайны, обеспечение безопасности участников процесса, защита неприкосновенности частной жизни, а также интересы несовершеннолетних. Закрытое заседание может выступать в качестве самостоятельной меры безопасности участников уголовного процесса, предусмотренной ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

Актуальность исследования проблем, связанных с практикой закрытых судебных заседаний, обусловлена тем, что, несмотря на наличие четких законодательных оснований, отечественная практика применения закрытых заседаний порождает ряд системных проблем [3]. Эти проблемы связаны с необходимостью поддержания надлежащего баланса между открытостью судебного заседания и необходимостью защиты конфиденциальных данных и обеспечения безопасности участников судебного разбирательства. Выявленные сложности касаются обоснованности решений о закрытии судебного заседания, объема процессуальных прав его участников в условиях ограниченной гласности, а также вопросов адекватной фиксации хода разбирательства и последующего контроля за законностью судебных актов.

Статья 241 УПК РФ является ключевой нормой, закрепляющей механизмы реализации конституционного принципа открытости судопроизводства во всех судах и судебных инстанциях. Одновременно она определяет исчерпывающий перечень исключений, допускающих закрытое судебное

¹ Гласность в ходе судебного разбирательства: Прокуратура Московской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_50/activity/legal-education/explain?item=5000658 (дата обращения: 25.05.2025).

разбирательство на основании определения или постановления суда. К ним законодатель отнес:

— разглашение государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны (сведения, составляющие коммерческую, банковскую, врачебную, иную профессиональную, а также личную и семейную тайну);

— рассмотрение уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 16 лет, в целях защиты интересов несовершеннолетних (предотвращение их психотравмирования и разглашения сведений об их личности);

— рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, других преступлений, когда существует угроза разглашения сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство;

— обеспечение безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц;

— исследование в судебном разбирательстве переписки, записи телефонных и иных переговоров, телеграфных, почтовых и иных сообщений лиц, материалов личного характера в отсутствие согласия этих лиц.

Судебные заседания в закрытом режиме имеют ряд особенностей. Предварительное слушание, являющееся одним из этапов судебного производства, проводится судьей, безусловно, единолично и в закрытом судебном заседании с обязательным участием сторон (ч. 1 ст. 234 УПК РФ). Закрытое судебное заседание проводится на основании судебного решения. В определении или постановлении суда о проведении закрытого разбирательства должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых суд принял данное решение (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ). Это требование призвано обеспечить обоснованность и непроизвольность ограничения открытости и соответствует норме-принципу, закрепленному в ст. 7 УПК РФ. Суд при этом вправе вынести решение о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании как в отношении всего судебного разбирательства, так и в отношении соответствующей его части.

Несмотря на законодательное требование указания «конкретных, фактических обстоятельств» для закрытия заседания, на практике возникает серьезная проблема, связанная с «достаточностью совокупности таких доказательств». В частности, неподтвержденная или предположительная инфор-

мация о потенциальной угрозе не может служить достаточным основанием для закрытия, поскольку это необоснованно ограничивает конституционное право граждан присутствовать в суде [4]. Расхождение между четким законодательным требованием и практикой его применения указывает на то, что суды могут принимать или быть представлены обоснованиями, которые являются расплывчатыми или основанными на непроверенных данных, особенно когда речь идет о таких вопросах, как угрозы безопасности. Это создает лазейку, при которой формальное требование о «конкретных обстоятельствах» соблюдается лишь поверхностно, а существенная доказательственная база для закрытия оказывается слабой. Фактически бремя доказывания необходимости закрытия судебного заседания может быть ниже, чем предполагалось законодателем. Это, в свою очередь, ослабляет исключительный характер закрытых заседаний, позволяя обходить конституционный принцип гласности через недостаточно обоснованные оправдания. Для стороны защиты это представляет определенную трудность, которая заключается в том, как эффективно противостоять ходатайству о закрытии, если его фактическая основа неясна или не подтверждена, что потенциально нарушает право на публичное разбирательство без должного контроля.

Одной из наиболее острых проблем является поддержание баланса между принципом гласности и необходимостью обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Как уже отмечалось, закрытое судебное заседание является одной из мер безопасности. Однако ключевой проблемой остается определение «достаточности совокупности доказательств» для принятия решения о закрытии заседания, особенно когда основанием служит обеспечение безопасности участников [5]. Неподтвержденные, голословные сведения о наличии реальной угрозы жизни и здоровью участников судебного заседания не могут быть основанием для ограничения гласности.

Возникают сложности и при применении мер безопасности, когда о возникновении названных угроз становится известно в период после направления материалов уголовного дела в суд, но до начала судебного разбирательства. Верховный Суд Российской Федерации¹ рекомендовал судам

¹ Вопрос о необоснованном проведении закрытых судебных заседаний в решениях Европейского Суда по правам человека: комментарий к постановлениям от 25 октября 2016 г. по делу «Чаушев и другие против

принимать решение о закрытом заседании даже в случаях, если меры безопасности не были приняты на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, что обуславливает необходимость уточнения законодателем ч. 2 ст. 241 УПК РФ.

Использование закрытого судебного заседания как меры безопасности, хотя и является необходимой и легитимной целью, несет в себе значительный риск злоупотреблений или чрезмерного применения. Отсутствие четкой и детализированной связи между ранее принятыми (или не принятыми) мерами безопасности на досудебной стадии и основанием для закрытия судебного заседания может привести к тому, что суды будут закрывать заседания на основании общих или недостаточно обоснованных угроз, без должного анализа альтернативных, менее ограничивающих мер. Более того, конфиденциальный характер самих мер безопасности создает напряжение с принципом состязательности: стороне защиты ограничен доступ к информации о защищаемых лицах или к обоснованиям необходимости закрытия, что потенциально способно ограничить право на справедливое судебное разбирательство и на равенство сторон.

Если сведения о досудебных мерах безопасности не детализированы как прямое основание для закрытия судебного заседания, суды могут прибегать к более широким толкованиям «безопасности», что делает обоснование менее конкретным и более трудным для оспаривания. Секретность мер безопасности (например, данные о личности защищаемых участников уголовного судопроизводства, источник данных, подтверждающих реальность угроз, характер применяемых мер защиты и др.) означает, что защита может не получить полного раскрытия информации о том, почему потерпевший, свидетель или обвиняемый нуждается в защите и почему судебное заседание должно быть закрыто. Это ограничивает возможность стороны защиты провести перекрестный допрос лиц, оспорить правомерность применения мер безопасности или проведение судебного заседания в закрытом режиме. Такая ситуация создает значительный риск проведения несбалансированного судебного разбирательства, где интерес стороны обвинения в защите потерпевшего или свидетеля

может непреднамеренно (или преднамеренно) превалировать над фундаментальным правом обвиняемого на справедливый суд. Подобные ситуации часто становятся предметом рассмотрения международных правозащитных органов, таких как Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), которые требуют строгой пропорциональности и необходимости любых ограничений публичных слушаний¹.

В условиях проведения закрытых заседаний доступность сторонам процесса (в первую очередь стороне защиты) материалов уголовного дела, содержащих конфиденциальную информацию (например, государственную, коммерческую тайну, личные сведения), не может быть ограничена, особенно если на основе этих материалов судом по делу принимаются решения. Если сторона процесса не может получить полного доступа к доказательствам и оспорить их целостность, соответственно, и правомерность всего судебного процесса ставится под сомнение.

Недостаточная определенность положений, закрепивших в ч. 5 ст. 241 УПК РФ право на ведение аудиозаписи и письменной записи в **открытом** судебном заседании, а с разрешения суда и фотографирование (видеозапись, киносъемку), трансляцию **открытого** судебного заседания по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Несмотря на признание ЕСПЧ правомерным не только применение аудиозаписывающих устройств, но и транслирование выдержек полученных записей в средствах массовой информации (СМИ)², а также запрет Пленума Верховного Суда Российской Федерации до вынесения и оглашения определения о закрытии судебного заседания удалять из зала лиц, не являющихся участниками процесса, и представителей СМИ, а после оглашения решения представители СМИ должны иметь возможность удалиться последними³, учеными ука-

¹ «Санди Таймс» (The Sunday Times) против Соединенного Королевства: решение Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.base.garant.ru>. (дата обращения: 21.04.2025).

² Пинту Козлью (Pinto Coelho) против Португалии (№ 2) (жалоба № 48718/11): постановление ЕСПЧ от 22 марта 2016 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Об открытости и гласности судопроизводства и доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации

России» (жалобы № 37037/03, 39053/03 и 2469/04) и от 21 ноября 2017 г. по делу «Ламбин против России» (жалоба № 12668/08) // Academia.ILPP.RU. URL: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/MP3272018-003-013-SHablinskij.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

зывается на существенный недостаток комментируемых положений.

Осталась неохваченной процедура фиксации закрытого судебного заседания не только его участниками, но и сторонами процесса; при этом других электронных, объективно и достоверно фиксирующих процесс средств, законодатель не предоставил (ч. 1 ст. 259 УПК РФ). Несмотря на то что названное положение не вызвало у Конституционного Суда Российской Федерации возражений¹, М. С. Колосович назвала отсутствие такой регламентации в условиях отсутствия контроля со стороны общественности серьезным и невосполнимым нарушением прав сторон процесса. По мнению профессора, «если потерпевший или подсудимый не вправе самостоятельно вести запись заседания, эту деятельность должен обеспечить суд, создав условия, препятствующие утечке информации» [6, с. 445].

Поддерживая данную позицию, добавим, что запрет или отсутствие обязательной аудиозаписи в закрытых заседаниях лишает стороны и вышестоящие инстанции важнейшего инструмента для точной фиксации свидетельских показаний, объяснений сторон и действий суда [7]. Аудиозапись является надежным средством для проверки хода процесса, позволяя вышестоящим судам верифицировать протокол и предотвращать его искажения. Без аудиозаписи сторонам процесса крайне трудно сослаться на конкретные нарушения, что существенно затрудняет подготовку апелляций и оспаривание неточностей в письменном протоколе.

Отсутствие четкого и обязательного регулирования аудиофиксации в закрытых заседаниях по уголовным делам создает значительный пробел в процессуальных гарантиях защиты прав и механизмах контроля. Если суд не ведет обязательную аудиозапись закрытого заседания, то письменный протокол становится единственным источником информации о ходе процесса, что делает его уязвимым для неточностей, субъективных интерпретаций или даже преднамеренных искажений. Это

существенно ограничивает возможности вышестоящих судов по проверке законности и обоснованности судебных актов, принятых в закрытом режиме, подрывает принцип судебного контроля и снижает эффективность права на обжалование, поскольку отсутствует объективная основа для проверки заявленных нарушений. Отсутствие четкого, обязательного требования к ведению судом аудиозаписи во всех закрытых судебных заседаниях создает критическую уязвимость.

Закрытый режим судебного заседания сводит к минимуму участие общественности в судопроизводстве, а значит и общественный контроль, который в обычных условиях служит сдерживающим фактором от возможного произвола или некомпетентности судьи. Если письменный протокол является единственной записью, он по своей природе менее надежен и более подвержен ошибкам или манипуляциям, поскольку субъективен, т. е. зависит от человеческой транскрипции и интерпретации. Это представляет собой серьезную проблему для соблюдения надлежащей правовой процедуры. Без объективной и всеобъемлющей записи того, что произошло на закрытом заседании, способность подсудимого оспаривать процессуальные ошибки, неточности фактов или поведение суда серьезно затруднена. Это ограничивает эффективность апелляций и кассации, потенциально приводя к судебным ошибкам, которые трудно обнаружить или исправить. Данный системный недостаток подрывает саму целостность судебного процесса.

Эффективность судебного контроля зависит от строгого соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства на уровне первой инстанции и надежного апелляционного пересмотра. Если первоначальные «конкретные, фактические обстоятельства» (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ) являются расплывчатыми или не подвергаются тщательной проверке, рассматриваемое решение суда становится и для участников судебного разбирательства, и для общественности неочевидным, а значит, и нелегитимным.

Без общественного контроля (который по определению отсутствует в закрытых заседаниях) и, возможно, без объективных записей оспаривание таких решений в апелляционной инстанции становится чрезвычайно сложным. Это создает ситуацию, когда решение о закрытии, даже если оно формально обосновано, фактически лишено существенной подотчетности. Если общественность и юридическое сообщество не могут эффективно отслеживать причины проведения закрытого

от 13 декабря 2012 г. № 35 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Виноградова Аркадия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью пятой статьи 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июня 2010 г. № 794-О-О // Там же.

судебного заседания, возможно произвольное ограничение фундаментальных, конституционно гарантированных прав.

Практика других стран относительно публичности уголовного судопроизводства и ее ограничений имеет свои особенности. Так, в Германии, в отличие от России, принцип публичности судебного разбирательства напрямую ни в Основном законе Германии¹, ни в УПК Германии² не закреплен. Между тем законодательная регламентация в иных нормативных предписаниях Германии (Закон о судоустройстве Германии³) закрепляет схожие с уголовно-процессуальным законодательством России положения. Законодательство обеих стран предусматривает схожие основания для проведения судебного заседания в закрытом режиме: рассмотрение дела с участием лиц, не достигших 16 лет, преступления, затрагивающего интимные стороны жизни лица или унижающие его честь и достоинство, разглашение государственной или иной охраняемой законом тайны, а также обеспечение безопасности участников процесса и их близких.

Однако есть и существенные различия в подходах к провозглашению приговора и ведению аудио- и видеозаписи [8]. В России приговор суда или иное итоговое решение провозглашается в открытом судебном заседании, а в случае рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном заседании оглашаются только вводная и резолютивная части приговора (ч. 7 ст. 241 УПК РФ). В Германии, напротив, приговор всегда провозглашается публично в полном объеме, даже если дело слушалось в закрытом заседании (§ 171a, 171b, 172 Закона о судоустройстве Германии). Различия в подходе к провозглашению приговора демонстрируют фундаментально разную степень приверженности принципу прозрачности даже закрытого заседания.

¹ Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 (в ред. до 20 октября 1997 г.). URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=155> (дата обращения: 20.05.2025).

² Strafprozessordnung der Bundesrepublik Deutschland vom 1. Februar 1877: Bundesministerium der Justiz. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/index.html> (дата обращения: 12.05.2025).

³ Gerichtsverfassungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 9. Mai 1975 (BGBl. I S. 1077), das zuletzt durch Artikel 14 des Gesetzes vom 27. Dezember 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 438) geändert worden ist. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/BJNR005130950.html#BJNR005130950BJNG000100666> (дата обращения: 12.05.2025).

Полный текст приговора, включающий подробное обоснование суда, фактические выводы и юридические заключения, имеет решающее значение для общественного понимания, контроля и доверия к судебному процессу. Ограничивая публичное оглашение приговора лишь вводной и резолютивной частями, Россия сохраняет большую степень конфиденциальности в отношении мотивировочной части приговора, что может негативно сказаться на понимании обществом судебного процесса и контроле за ним, даже если само ограничение открытости судопроизводства было обоснованным. Германия же стремится максимизировать прозрачность деятельности государственных органов там, где это возможно, даже в условиях определенной конфиденциальности, предоставляя общественности обоснованное судебное решение в полном объеме.

В свою очередь, в отличие от отечественного законодательства, в Германии производство участниками процесса аудио-, кино- и телесъемки в ходе основного судебного разбирательства запрещено (§ 169 (2) Закона о судоустройстве Германии).

Несколько иная правоприменительная практика (относительно реализации принципа публичности судебного разбирательства) сложилась в США. Политика Министерства юстиции США (DOJ) (изложенная в разъяснениях § 50.9 Электронного свода федеральных постановлений⁴) подчеркивает жизненно важный общественный интерес в открытых судебных разбирательствах, устанавливая общую обязанность правительства противодействовать их закрытию. Юристы обязаны защищать общественный интерес в открытых разбирательствах, выступая против их закрытия, соглашаясь на закрытие разбирательства только тогда, когда это «явно необходимо для интересов правосудия», а именно:

— отсутствие разумной альтернативы закрытому режиму судебного заседания;

— закрытый режим направлен на предотвращение возможного наступления вреда от открытого разбирательства;

— степень закрытости заседания должна быть минимизирована;

— общественность должна быть уведомлена о предлагаемом ограничении публичности судебного разбирательства (если только раскрытие

⁴ Policy with regard to open judicial proceedings: Electronic Code of Federal Regulations (e-CFR). URL: <https://www.law.cornell.edu/cfr/text/28/50.9> (дата обращения: 27.05.2025).

деталей ходатайства не сведет на нет причину закрытия);

— протоколы закрытых судебных заседаний будут рассекречены, как только интересы, требующие их закрытия, отпадут;

— возможно наступление от открытого судебного разбирательства следующих последствий: существенная вероятность отказа в праве любого лица на справедливый суд; существенная вероятность неминуемой опасности для сторон, свидетелей или других лиц; существенная вероятность серьезного ущерба текущим расследованиям.

Записи любого закрытого судебного разбирательства, в соответствии с этими правилами, через 60 дней после завершения разбирательства должны быть пересмотрены для определения, применимы ли еще причины закрытия. Если нет, будет подано соответствующее ходатайство о рассекречивании записей. Если причины засекречивания записей не были устранены, вопрос об их открытии должен задаваться каждые 60 дней, причем до тех пор, пока записи не будут рассекречены.

Опыт США демонстрирует крайне строгий подход к закрытию судебных заседаний, рассматривая его как крайнюю меру, применение которой должно быть не только минимизировано, но и обосновано. Это подчеркивает приоритет принципа публичности судебного разбирательства, ориентируя суды на максимальную прозрачность их деятельности, даже в условиях применения рассматриваемых ограничений.

На основании изложенного приходим к следующим выводам.

1. Принцип открытости судопроизводства, закрепленный в Конституции Российской Федерации (ст. 123) как фундаментальный, в УПК РФ (ст. 241) редуцирован до уровня «общего условия», что создает концептуальный конфликт: если открытость это принцип, то исключения должны толковаться узко; если общее условие, то возможно введение более широких ограничений.

2. Законодательно регламентированы конкретные фактические обстоятельства для закрытия судебного заседания (ч. 2.1 ст. 241 УПК РФ), но на практике суды могут принимать решения на основе расплывчатых или непроверенных данных (к кото-

рым можно отнести гипотетическую угрозу жизни и здоровью лица), что подрывает исключительный характер закрытых судебных заседаний и ослабляет общественный контроль.

3. Закрытые судебные заседания необходимы для защиты охраняемой государством тайны, конфиденциальности частной жизни или безопасности его участников, однако отсутствие четких критериев «достаточности доказательств» для принятия рассматриваемого решения приводит к чрезмерному ограничению открытости. Особенно вызывает проблемы отсутствие связи между досудебными мерами безопасности и судебными решениями, что может привести к нарушению принципа состязательности сторон.

4. Отсутствие требования об обязательной аудиозаписи закрытых судебных заседаний создает риски искажения протоколов, ограничивает возможности апелляционного обжалования, а в итоге — фундаментального права на справедливое судебное разбирательство.

Нынешняя практика закрытых заседаний в России демонстрирует системные риски ограничения прав участников процесса и требует реформ для соответствия стандартам справедливого правосудия. В связи с этим представляется необходимым законодателью:

— закрепить открытость судебного разбирательства как принцип уголовного судопроизводства, а не общее условие;

— усилить требования к обоснованности решений о проведении судебного заседания в закрытом режиме, исключив гипотетические угрозы;

— ввести обязательную аудиофиксацию закрытых судебных заседаний для обеспечения общественного контроля и реализации права на обжалование;

— закрепить детализированную процедуру рассекречивания материалов судебного разбирательства после устранения оснований для его закрытия (по аналогии с США);

— обеспечить оглашение мотивировочной части приговоров, даже вынесенных по результатам закрытого судебного заседания (как в Германии), для повышения доверия к деятельности судов.

1. Потапенко С. В. Гласность как общее условие судебного разбирательства и как конституционный принцип в уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2022. № 1. С. 103—107.

1. Potapenko S. V. Publicity as a general condition of trial and as a constitutional principle in the criminal proceedings. Theory and practice of social development; 2022: 103—107. (In Russ.).

2. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. 536 с.

3. Грибунов О. П., Гапонова В. Н., Никифорова Е. В. Реализация принципа гласности в современном уголовном судопроизводстве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 2. С. 14—21.

4. Дмитриева А. А. Ограничение гласности уголовного судопроизводства как условие безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26, вып. 5. С. 97—101.

5. Рамазанов Р. М. Закрытое судебное заседание как самостоятельная мера безопасности участников уголовного процесса // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. Т. 31, вып. 2. С. 286—290.

6. Колосович М. С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны уголовного судопроизводства: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2018. 579 с.

7. Алиев Р. Т. Закрытое судебное заседание и ограничения процессуальных прав лиц, участвующих в гражданском процессе // Право и управление. 2023. № 12. С. 148—152.

8. Курочкина Ю. С. Сравнительный анализ судебного следствия России и Германии // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27, вып. 4. С. 115—117.

Зотова Анна Федоровна,

старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России;
anya2091@yandex.ru

2. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in the criminal proceedings: conceptual foundations. Dissertation of doctor of juridical sciences. Volgograd; 2019: 536. (In Russ.).

3. Gribunov O. P., Gaponova V. N., Nikiiforova Ye. V. Implementation of the principle of publicity in modern criminal proceedings. Journal of the Tula State University. Economic and legal sciences, 14—21, 2021. (In Russ.).

4. Dmitriyeva A. A. Limiting the publicity of criminal proceedings as a condition for the safety of participants in criminal proceedings. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 97—101, 2016. (In Russ.).

5. Ramazanov R. M. Closed trial as an independent security measure for participants in criminal proceedings. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law", 286—290, 2021. (In Russ.).

6. Kolosovich M. S. Procedural means of ensuring publicity and secrecy in the criminal proceedings. Monograph. Volgograd: the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2018: 579. (In Russ.).

7. Aliyev R. T. Closed trial and restrictions on the procedural rights of persons participating in the civil process. Law and Management, 148—152, 2023. (In Russ.).

8. Kurochkina Yu. S. Comparative analysis of the judicial investigation in Russia and Germany. Journal of the Udmurt University. Series "Economics and Law" 115—117, 2017. (In Russ.).

Zotova Anna Fyedorovna,

senior lecturer at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
anya2091@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 03.04.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 341.45

**ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ****Оксана Сергеевна Колосович**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, 1019810198@mail.ru

Аннотация. Информационно-коммуникационные технологии играют ключевую роль в международном сотрудничестве по уголовным делам, влияя на его эффективность и оперативность. Однако в отечественном правовом регулировании в указанной сфере сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, Россия активно участвует в разработке универсальных международных норм, упрощающих международное сотрудничество по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, и в этом направлении предложены современные механизмы, в том числе для внутригосударственного права.

С другой стороны, отечественное правовое регулирование не учитывает современные тенденции использования информационно-коммуникационных технологий и не соответствует современным потребностям международного сотрудничества по уголовным делам. Положения, касающиеся рассматриваемой сферы, разбросаны по различным законодательным и, в основе своей, подзаконным актам, которые ориентированы в первую очередь на их использование в оперативно-разыскной деятельности. Отечественное уголовно-процессуальное законодательство не регулирует применение информационно-коммуникационных технологий в международном сотрудничестве и использование полученной с их помощью информации.

Шаги, предпринятые Российской Федерацией, на площадке Организации Объединенных Наций, свидетельствуют о формировании концепции упрощенного механизма международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с применением информационно-коммуникационных технологий и соответствующей оптимизации внутригосударственного уголовно-процессуального законодательства, подтверждают стремление Российского государства к распространению упрощенного механизма взаимодействия компетентных органов государств на широкий перечень преступлений.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, международное сотрудничество по уголовным делам, правовое регулирование, электронные доказательства, обмен данными; киберпреступления

Для цитирования: Колосович О. С. Информационно-коммуникационные технологии в международном сотрудничестве по уголовным делам // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 65—71.

**INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES
IN THE INTERNATIONAL COOPERATION IN CRIMINAL CASES****Oksana Sergeyevna Kolosovich**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, 1019810198@mail.ru

Abstract. Information and communication technologies play a key role in the international cooperation in criminal cases, influencing its effectiveness and efficiency / timeliness. However, in domestic legal regulation an ambiguous situation has developed in this area. On the one hand, Russia is actively involved in the development of universal international norms that simplify the international cooperation in criminal cases related to crimes committed by using information and communication technologies. Modern mechanisms including domestic law have been proposed in this direction.

On the other hand, domestic legal regulation does not take into account modern trends to use information and communication technologies and does not meet the modern needs of the international cooperation in criminal matters. Provisions concerning the analyzed sphere are in various legislative acts and by-laws, which are primarily focused to be used in detective activities. Domestic criminal procedure legislation does not regulate the use of information and communication technologies in the international cooperation as well as the use of information obtained with their assistance.

Steps taken by the Russian Federation at the United Nations Organization indicate the formation of concept of a simplified mechanism for the international cooperation in criminal proceedings by using information and communication technologies and the corresponding optimization of domestic criminal procedure legislation, confirm the desire of the Russian Federation to apply the simplified mechanism for interaction among competent authorities of states in a wide range of crimes.

Keywords: information and communication technologies, international cooperation in criminal matters, legal regulation, electronic evidence, data exchange; cybercrime

For citation: Kolosovich O. S. Information and communication technologies in the international cooperation in criminal cases. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 65—71, 2025. (In Russ.).

Актуальность использования информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в международном сотрудничестве по уголовным делам обусловлена рядом факторов. Во-первых, ИКТ создают новые риски, угрозы и вызовы для общества. Злоумышленники рассматривают эти технологии не только как объекты для преступных посягательств, но и как новые инструменты для совершения противоправных деяний, поэтому для преступной деятельности они приобрели приоритетное значение.

Так, в мире отмечается рост киберпреступлений. Пик роста кибератак пришелся на 2022 г. (+87 % по сравнению с 2021 г.)¹. Скорость кибератак может превосходить возможности существующих юридических процедур, что создает особую потребность в оперативном международном сотрудничестве.

Согласно данным статистики за 2024 г., в Российской Федерации (далее — РФ) зафиксирован рост преступлений с использованием ИКТ (на 13,1 % по сравнению с 2023 г.), которые составили 40 % от общего количества зарегистрированных преступлений.² Только с января по август 2024 г. общая сумма причиненного ущерба от этих преступлений превысила 116 млрд рублей³.

¹ Киберпреступность в прошлом году была на подъеме и может расти дальше // Дзен. URL: https://dzen.ru/a/Y_9oWkTA02U65tmC (дата обращения: 15.03.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2024 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 15.03.2025).

³ Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации Владимир

Во-вторых, в наше время информация распространяется мгновенно и на любые расстояния. Чтобы эффективно и оперативно предотвращать, выявлять и расследовать правонарушения, сотрудники правоохранительных органов разных государств должны применять современные технологии. Это прежде всего подразумевает необходимость оперативного обмена информацией.

Сегодня «цифровизация активно проникает в уголовно-процессуальные отношения, оказывает существенное воздействие на формирование доказательств по уголовному делу» [1, с. 42]. В контексте международного сотрудничества данные отношения приобрели ключевое значение. К примеру, в США положения об «электронных доказательствах» сформировались в отдельный процессуальный институт, в особый вид доказательств, а правовой доктриной обоснована возможность удаленного доступа к содержанию электронного носителя (см., напр.: [2]).

В-третьих, в официальных документах ООН содержится призыв к международному сообществу об активизации технического сотрудничества в связи с совершением множества преступлений международного характера и оказании помощи всем государствам, независимо от уровня их цифрового развития. Расширение цифровых возможностей преступников должно быть встречено соответствующим развитием правоохранительных и судебных органов (пп. 8, 9 Декларации принципов и про-

Колокольцев выступил на заседании Общественного совета при МВД России, на котором обсуждались вопросы противодействия киберпреступности 25 сентября 2024 года. URL: <https://мвд.рф/document/55811678> (дата обращения: 15.03.2025).

граммы действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия¹).

Отечественным законодателем призыв ООН был услышан. Так, согласно ст. 11 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ правовой основой деятельности российской полиции является применение научных и технических достижений, современных технологий и информационных систем.

Кроме того, в области правоохранительной деятельности в 2014 г. глава МВД России В. А. Колокольцев объявил о планировании «создания единой информационной системы, объединяющей ресурсы по биометрическим данным граждан и по оперативно-справочным, розыскным и криминалистическим учетам» в период 2021—2023 гг. в целях повышения уровня «информационно-аналитического обеспечения полиции». В ноябре 2020 г. министерством представлен проект по внедрению технологии искусственного интеллекта (далее — ИИ) для выявления серийных преступлений и определения внешности преступника. Министерство также запланировало внедрить в Москве систему распознавания лиц с помощью видеокамер. Эта система должна была учитывать различные факторы: черты лица, голос, радужную оболочку глаз и походку².

Изложенное стало возможным благодаря принятию Федерального закона от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ³, установившего на пять лет правовой эксперимент по внедрению технологии искусственного интеллекта в Москве. В конце 2024 г. Президент РФ В. В. Путин с удовлетворением отметил

достигнутые результаты эксперимента в области правоохранительной деятельности⁴.

В 2022 г. утверждена Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России на 2022—2024 гг., в которой одной из целей заявлено «создание системы центров обработки данных МВД России», а одной из задач — «переход на использование отечественного программного обеспечения и оборудования»⁵.

Между тем в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) в рамках международного сотрудничества практически отсутствуют положения, касающиеся использования ИКТ, а также порядка обмена с помощью данных технологий информацией в форме электронных документов⁶, доказательств и иной электронной информации, имеющей значение для выявления, расследования преступления, рассмотрения уголовного дела в суде.

В частности, в ч. 5 УПК РФ, посвященной международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, информационно-коммуникационные технологии упоминаются лишь в контексте возможности применения систем видеоконференц-связи в судебных заседаниях, на которых рассматриваются запросы от компетентных органов иностранных государств о признании и принудительном исполнении приговоров и постановлений иностранных судов в части конфискации доходов, полученных преступным путем, находящихся на территории РФ (ч. 3 ст. 473.4).

В то же время отдельные положения о применении ИКТ в уголовном судопроизводстве разбросаны по разным федеральным законам и подза-

¹ Декларация принципов и программа действий программы Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/crime91.shtml (дата обращения: 24.12.2024).

² МВД создаст банк биометрических данных россиян и иностранцев // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/11/2020/5fb9bffe9a794767e24ade65> (дата обращения: 15.03.2025).

³ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴ Путин назвал потрясающими результаты ИИ в Москве для борьбы с преступностью. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22643401> (дата обращения: 15.03.2025).

⁵ Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022—2024 гг.: распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

⁶ Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, т. е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ).

конным актам¹. В основном они носят общий характер, касаясь правоохранительной деятельности, и не образуют единой системы как для всей уголовно-процессуальной деятельности в целом, так и для международного сотрудничества.

Важные положения о применении ИКТ в правоохранительных целях содержатся в так называемом Законе Яровой².

В то же время следует согласиться, что электронная информация приобретает процессуальную значимость только тогда, когда она соотносится с целями и правилами применения уголовно-процессуального закона [3, с. 6]. В связи с этим в отечественном уголовно-процессуальном праве наиболее остро стоят вопросы регулирования порядка поиска, передачи, оценки, использования в доказывании электронной информации, включая информацию, содержащуюся в базах данных (государственных или негосударственных).

Отдельного внимания заслуживает информация, полученная посредством технологии ИИ, стандарты ее сбора и представления, обеспечения процессуальных прав субъекта персональных данных.

Отечественным уголовно-процессуальным законодателем определены шаги в этом направлении были предприняты. В частности, в УПК РФ в ч. 2 ст. 84 содержатся положения об использовании в качестве доказательства документов, зафиксированных на различных носителях информации, в п. 5 ч. 2 ст. 82 — о хранении вещественных доказательств в виде электронных носителей информации. Федеральными законами от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ³ и от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ⁴ введены положения об использовании

в ходе судебного и досудебного производства информации в форме электронных документов (ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ).

Однако, учитывая уровень цифровизации современного общества и возможность совершения преступлений удаленно, а также уникальные свойства электронной информации, этого явно недостаточно. Следовательно, возникает необходимость формирования специальных положений о фиксации цифровых следов преступления, использования полученной информации, включая базы данных, в уголовном судопроизводстве.

Кроме того, справедливо отмечается отсутствие в уголовном судопроизводстве «сбалансированного подхода к правовому регулированию использования биометрических персональных данных» и сформировавшаяся практика обмена электронными документами между участниками уголовного процесса, не предусмотренная ст. 474.1 и 474.2 УПК РФ [4, с. 4, 492].

Между тем фрагментарные положения о международном сотрудничестве по уголовным делам содержатся в различных нормативных актах. В частности, на основании международных договоров РФ, согласно ст. 11 Федерального закона «О персональных данных»⁵, в целях осуществления правосудия, оперативно-разыскной деятельности, обеспечения безопасности, а также в рамках борьбы с терроризмом и коррупцией допускается обработка биометрических персональных данных. Согласно ст. 12 указанного закона — трансграничная передача.

Отсутствие надлежащего правового регулирования негативно сказывается на международном сотрудничестве, поскольку существует риск нарушения юрисдикции иностранного государства и есть вопросы относительно правомерности использования в доказывании информации, полученной от иностранных государств или международных организаций.

Необходимость оперативного получения информации повлияла на развитие неформального международного сотрудничества по уголовным делам, в частности на начало работы в 2023 г. под эгидой ООН «Глобальной сети правоохранительных

¹ К примеру, федеральные законы «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ, «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ.

² О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Пункт 10 ст. 1: федер. закон от 29.12.2022 № 610-ФЗ // Там же.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Пункты 2 и 3: федер. закон от 25.12.2023 № 672-ФЗ // Там же.

⁵ О персональных данных: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

органов по борьбе с коррупцией»¹. Эта платформа является площадкой для прямого взаимодействия компетентных органов иностранных государств, позволяя получать важную информацию по уголовным делам без необходимости направления официальных международных запросов или в сочетании с ними (более подробно об этом см.: [5]).

Несмотря на очевидную удобность и востребованность в международном сотрудничестве цифровых платформ, оперативность обмена электронной информацией, отечественным уголовно-процессуальным законодателем данная деятельность не урегулирована.

Все вышесказанное позволяет нам поддержать предложение А. Ю. Чуриковой о разработке федерального закона «Об использовании информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве». По мнению ученого, информация, полученная с помощью таких технологий, в рамках уголовного судопроизводства должна рассматриваться как результат оперативно-разыскной деятельности и соответствующим образом оцениваться [4].

Тем не менее представляется, что появление такого закона позволит только отчасти решить проблему совершенствования правового регулирования международного сотрудничества по уголовным делам посредством применения ИКТ, поскольку он неспособен сформировать единую систему нормативных положений в рассматриваемой области.

Отсутствие необходимой для международного сотрудничества по уголовным делам законодательской деятельности контрастирует с активной деятельностью РФ на площадке Организации Объединенных Наций.

Российская Федерация выступила инициатором предоставления в ООН и одним из разработчиков Проекта Конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях². С поправками государств — участников ООН 24 декабря 2024 г. проект был принят Генеральной Ассамблеей ООН и должен быть ратифицирован ее уча-

стниками до 31 декабря 2026 г.³ Конвенция уже названа важнейшим, эпохальным документом и «первым международным договором по борьбе с преступностью за последние 20 лет... документ вступит в силу через 90 дней после ратификации 40-й подписавшей стороной»⁴.

Основными достижениями Конвенции следует назвать прежде всего формирование упрощенного механизма взаимодействия между компетентными органами государств с непосредственным обменом информацией, в том числе электронными доказательствами; стремлением распространения данного механизма на широкий круг преступлений и во внутригосударственном праве.

Инициатива со стороны российского государства свидетельствует о признании необходимости совершенствования внутригосударственного механизма международного сотрудничества с применением ИКТ.

Подтверждение данного вывода мы находим в положении ст. 59 Конвенции о необходимости приведения национального законодательства в соответствие с принятым документом.

Процедура принятия проекта Конвенции продемонстрировала агрессивную позицию западных государств в целях сохранения возможности вторгаться в информационное пространство иностранного государства и ограничение категорий преступлений, по которым могут применяться упрощенные правила международного сотрудничества⁵.

Казалось бы, принятие Генеральной Ассамблеи указанной Конвенции должно эти противоречия со временем устранить, однако слишком много факторов, сдерживающих оптимизм.

³ Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям: решение Генеральной Ассамблеи ООН 78/243. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ARES-79-243> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ В ООН принята Конвенция по борьбе с киберпреступностью. URL: <https://cgitc.ru/media/v-oon-prinyata-konventsia-po-borbe-s-kiberprestupnostyu/> (дата обращения: 15.03.2025).

⁵ Российские комментарии к VII заседанию Межправительственной группы экспертов (МГЭ) по киберпреступности. URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime-April-2021/Comments/Additional-comments/Russian_Federation_RUS.pdf (дата обращения: 15.03.2025).

¹ Хартия Сети GlobE. URL: <https://globenetwork.unodc.org/globenetwork/uploads/documents/UN-GlobE-Charter-Russian.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

² ООН приняла предложенный Россией проект конвенции по борьбе с киберпреступностью // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-13_oon_utverdila_predlozhennyyj (дата обращения: 15.01.2025).

Об этом свидетельствует последовательное продвижение западными государствами своих позиций. Так, сначала принимается Будапештская конвенция¹, легализовавшая доступ к электронным доказательствам, находящимся на территории государства — участника конвенции без уведомления последнего.

Сравнительно недавно Европейским союзом принят Регламент 2023/1543² (полностью начнет действовать с февраля 2026 г.). Настоящий международный нормативный акт предоставляет государствам — участникам Европейского союза право на непосредственное обращение к поставщику услуг, чьи офисы или серверы расположены на территории другого государства-участника, с запросом на получение информации, хранящейся в облачных системах. Это право действует вне зависимости от юрисдикции, в которой физически размещена данная информация.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

1. С принятием Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям, созданы универсальные упрощенные правила международного сотрудничества.

Вместе с тем на правовое регулирование рассматриваемой сферы деятельности влияние оказывает активное противодействие западных государств:

— распространению положений принятой конвенции на все преступления, совершенные с использованием ИКТ;

— запрету нарушения суверенитета в ходе поиска и изъятия информации в информационно-коммуникативных системах иностранных государств.

2. Политика Российской Федерации в области правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с использованием ИКТ характеризуется определенной двойственностью.

На международном уровне Российской Федерацией формируются универсальные нормы, которые призваны упростить процедуру взаимодействия между государствами в этой области.

Напротив, на внутригосударственном уровне отечественное правовое регулирование исследуемой деятельности не носит системного характера и не соответствует современным потребностям уголовного судопроизводства.

3. В Российской Федерации наблюдается формирование концепции, направленной на создание и внедрение упрощенного механизма международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Данная инициатива предполагает расширение категории преступлений, подлежащих юрисдикции указанного механизма, а также оптимизацию взаимодействия между компетентными органами различных государств. Такой подход способствует повышению эффективности и обеспечивает более оперативное и скоординированное реагирование на транснациональные преступные проявления.

4. Необходимо дополнить пятую часть УПК РФ положениями:

— о применении информационно-коммуникационных технологий в международном сотрудничестве для обмена электронной информацией, включая электронные доказательства и документы;

— возможности непосредственного обмена информацией (включая электронные доказательства и документы) между компетентными органами сотрудничающих государств.

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003). URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 15.03.2025).

² Regulation (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings and for the execution of custodial sentences following criminal proceedings URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32023R1543&qid=1739938414132> (дата обращения: 15.03.2025). Здесь и далее — Регламент 2023/1543.

1. Зайцев О. А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 4. С. 42—57.

2. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 24 с.

3. Собираемые электронные доказательства по уголовным делам на территории России и зарубежных стран: опыт и проблемы: монография / Е. А. Архипова, Е. В. Быкова, П. А. Литвишко [и др.]; под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. Москва: Проспект, 2022. 168 с.

4. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2024. 498 с.

5. Колосович О. С. «Глобальная сеть правоохранительных органов по борьбе с коррупцией» как эффективный инструмент международного сотрудничества // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 83—88.

Колосович Оксана Сергеевна,

докторант научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
1019810198@mail.ru

1. Zaitsev O. A. Specifics to use electronic information as evidence in a criminal case: a comparative legal analysis of foreign legislation. Journal of the foreign legislation and comparative law, 42—57, 2019. (In Russ.).

2. Okonenko R. I. "Electronic evidence" and problems to ensure rights of citizens to protect their privacy in criminal proceedings: a comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow; 2016: 24. (In Russ.).

3. Arkhipova Ye. A., Bykova Ye. V., Litvishko P. A. (et al.) Collecting electronic evidence in criminal cases in Russia and foreign countries: experience and problems. Monograph. Red. by S. P. Shcherba. Moscow: Prospect, 2022: 168. (In Russ.).

4. Churikova A. Yu. Use of information technologies and systems in criminal proceedings: opportunities, risks, legal regulation. Dissertation of doctor of juridical sciences. Saratov; 2024: 498. (In Russ.).

5. Kolosovich O. S. "Global network of law enforcement agencies to combat corruption" as an effective instrument of the international cooperation. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 83—88, 2024. (In Russ.).

Kolosovich Oksana Sergeyevna,

postdoctoral student at the research department
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
1019810198@mail.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.146

**СИСТЕМА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ**

Гульнара Хасановна Шаутаева*, **Людмила Владимировна Попова****,
Ирина Михайловна Шапиро***

* Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, shautaeva@list.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, lygmila.2015@yandex.ru

*** Международный юридический институт (Астраханский филиал), Астрахань, Россия, shapiro.law@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с процессуальным регулированием системы вещественных доказательств в уголовном законодательстве. Показана правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о движении одних и тех же вещественных доказательств по двум и более уголовным делам. Авторы статьи раскрыли некоторые практические аспекты этого движения при принятии итогового решения по уголовному делу. Рассмотрено положение об электронном носителе информации в видении его использования по другому делу (материалу). Доказывается, что при наличии пробелов в нормах гл. 10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующей в том числе общественные отношения о движении вещественных доказательств, их можно разрешить по аналогии закона. Вместе с тем необходимо дальнейшее совершенствование процессуального порядка движения вещественных доказательств. Предложен вариант законодательного решения передачи вещественных доказательств по материалам, выделенным в отдельное производство. Для этого требуется вынесение лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, самостоятельного (отдельного) постановления о передаче предметов и документов в орган, заинтересованный в работе с этими доказательствами.

Ключевые слова: система вещественных доказательств, уголовные дела, выделенные материалы, процессуальный порядок, сохранность и передача предметов, аналогия норм права

Для цитирования: Шаутаева Г. Х., Попова Л. В., Шапиро И. М. Система вещественных доказательств по уголовным делам: правоприменительные ситуации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 72—78.

**SYSTEM OF PHYSICAL EVIDENCE IN CRIMINAL CASES:
LAW ENFORCEMENT SITUATIONS**

Gulnara Khasanovna Shautayeva*, **Lyudmila Vladimirovna Popova****, **Irina Mikhailovna Shapiro*****

* Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, shautaeva@list.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, lygmila.2015@yandex.ru

*** International Law Institute (the Astrakhan branch), Astrakhan, Russia, shapiro.law@mail.ru

Abstract. The article considers issues related to procedural regulation of the system of physical evidence in criminal legislation. The authors of the article: demonstrate legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation on the movement of the same physical evidence in two or more criminal cases; reveal some practical aspects of this movement when making a final decision on a criminal case; consider the provision on an electronic storage device in terms of its use in another case (material); prove that if there are gaps in the norms of Chapter 10 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which among other things, regulates public relations on the movement of physical evidence, they can be resolved by analogy of the law.

At the same time, further improvement of the procedural order of movement of physical evidence is necessary. The authors propose a variant of a legislative solution to transfer physical evidence on materials designated to a separate proceeding. It requires the person in charge of the criminal case to issue an independent

(separate) resolution to transfer items and documents to the body (agency) interested in working with this evidence.

Keywords: system of physical evidence, criminal cases, designated materials, procedural order, safety and transfer of items, analogy of legal norms

For citation: Shautayeva G. Kh., Popova L. V., Shapiro I. M. System of physical evidence in criminal cases: law enforcement situations. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 72—78, 2025. (In Russ.).

Общественные отношения, возникающие в связи с использованием *системы вещественных доказательств* в ходе досудебного и судебного производства по уголовным делам согласно требованиям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ), занимают определенную нишу в уголовном процессе России. Эта система включает в себя необходимость процессуального использования в качестве вещественных доказательств одних и тех же предметов и документов, фигурирующих как уже по разрешаемым по существу уголовным делам (на этапе принятия итогового правового решения), так и по выделенным делам о новых преступлениях, а также выделенным материалам, содержащим сведения о преступлении.

На наш взгляд, система вещественных доказательств по уголовному делу — это прежде всего понятие, включающее в себя *специфические признаки*, выражаемые уголовно-процессуальной формой (УПК РФ): имеют вещественный характер (п. 4 ч. 2 ст. 74, ч. 1 ст. 81); незаменимы и невозобновимы (ч. 2 ст. 17, ч. 1 ст. 75); способны передавать информацию без субъективного восприятия (ст. 85, ч. 1.1 ст. 170); с их помощью устанавливаются обстоятельства, подлежащие доказыванию (ч. 1 ст. 73); они оформляются предусмотренным законом процессуальным документом о способе обнаружения и изъятия (чч. 1, 2, 6 и 8 ст. 164, ч. 2 ст. 164.1, ст. 166, 177, 182, 183, 202); осматриваются с подробным описанием основных признаков, признаются и приобщаются к делу в качестве вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81, ч. 1 ст. 81.1, ст. 284); выбирается общий или специальный способы их хранения (чч. 1—3 ст. 82); определяются их дальнейшая судьба (чч. 3 и 3.1 ст. 81, чч. 2—5 ст. 82, ч. 2 ст. 213, ч. 5 ст. 220, ч. 3.1 ст. 225, ч. 10 ст. 226.7, п. 12 ч. 1 ст. 299, п. 2 ч. 1 ст. 309, п. 4 ч. 4 ст. 439).

Эта система тесно связана с межотраслевыми институтами, использующими понятие «вещественные доказательства», такими как гражданское, арбитражное, уголовное, административное право, Федеральный закон «Об исполнительном произ-

водстве» и др. К. Д. Муратов даже предложил *концепцию* формирования единства системы вещественных доказательств, указывая, что совершенствование межотраслевого законодательства может быть эффективным при принятии федерального закона «Об обращении вещественных доказательств» с содержанием понятийного ряда обращения и полномочий при применении вещественных доказательств в судопроизводствах [1].

Мы не станем углубляться в тему системы вещественных доказательств, а кратко остановимся на вопросе обращения с ними и их процессуальном движении в рамках этой системы. С. В. Валов определяет правовой режим обращения с вещественными доказательствами как совокупность согласованных между собой правовых средств, принципов и гарантий, содержащихся в УПК РФ и иных правовых актах и определяющих порядок регулирования возникающих на основе процессуальных решений общественных отношений по поводу хранения вещественных доказательств, возвращения их в среду обитания или передачи их уполномоченным субъектам для совершения с ними иных разрешенных действий [2].

В рассматриваемой нами системе решение вопроса о дальнейшей и окончательной судьбе вещественных доказательств до последнего времени оставалось слабым звеном. Так, перед направлением дела в суд с обвинительным заключением следователь выделяет уголовное дело, например, в отношении неустановленного следствием лица и направляет его по территориальной подследственности в другой следственный орган для дальнейшего расследования. Вещественное доказательство (предмет преступления; орудие, с помощью которого оно совершено, и т. п.), естественно, либо вместе с основным делом направляется в суд, рассматривающий его по существу, либо остается в камере хранения вещественных доказательств органа, направившего дело в суд. При вынесении приговора в лучшем случае вещественное доказательство будет храниться при деле, если суд не примет решения о его уничтожении. В результате в выделенном деле останется лишь светокопированный материал о вещественном до-

казательстве, что в случае обнаружения виновного лица может затруднить процесс доказывания.

Уголовно-процессуальным законом ранее не регламентировался порядок и сроки хранения предметов, являющихся вещественными доказательствами по двум и более делам, а тем более в случае выделения материалов в порядке ст. 155 УПК РФ. Из-за этого существовал риск их уничтожения после принятия итогового решения, что исключало исследование вещественных доказательств по выделенному делу. А ведь оценка доказательств при объективном и законном судебном рассмотрении дела по существу является важнейшей составляющей процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Думается, суд может и должен осматривать вещественное доказательство непосредственно и убедиться, что именно этот предмет был обнаружен в ходе досудебного производства по уголовному делу, дать оценку его физическим свойствам, достоверности и допустимости данного доказательства, установить его взаимосвязь с иными источниками доказательств. В случае необходимости при осмотре может участвовать также и специалист, назначена дополнительная или повторная экспертизы. А что осматривать, если сам предмет осмотра отсутствует, а восстановить его свойства не представляется возможным?

Все это заставляло ученых и правоприменителей задуматься о пробеле в законе, необдуманности действий органа расследования и суда в вопросах процессуального перемещения вещественных доказательств. Допускаемые нарушения стали настолько актуальны, что даже Конституционный Суд Российской Федерации поднял эту тему на законодательный уровень¹. Предметом его рассмотрения явилась конституционность норм УПК РФ, касающихся разрешения вопроса о судьбе вещественных доказательств по нескольким уголовным делам. Данные доказательства могут быть уникальными с точки зрения важности для конкретного уголовного дела, а потому служить незаменимым источником значимой информации.

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 82 и 240 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ряда иных его статей в связи с жалобой гражданина В. Г. Скотникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2023 г. № 33-П. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406970288/> (дата обращения: 10.01.2025).

Отсюда и возникает обязанность обеспечивать сохранность вещественных доказательств. В случае же их уничтожения суд и стороны лишаются возможности исследовать для проверки и оценки эти доказательства, чтобы предотвратить и исправить судебные ошибки, а в итоге — достичь целей правосудия по уголовным делам. Уничтожение вещественных доказательств, в том числе выступивших объектом судебной экспертизы, после вступления в законную силу приговора по тому уголовному делу, в котором они исследовались, — в условиях, когда они являются в то же время доказательствами по другому уголовному делу и имеется возможность их хранения, — противоречило бы принципу равенства перед законом и судом, создавало бы непреодолимые препятствия для непосредственного исследования сторонами и судом доказательств по этому уголовному делу.

Приведем два приговора суда, где вещественные доказательства были безосновательно уничтожены согласно итоговому решению. Приговором Советского районного суда г. Самары от 30 июля 2024 г. № 1-223/2024 осужден гражданин, который приобрел у неустановленного лица бесконтактным способом в виде тайниковой закладки наркотического средства — героин (диацетилморфин) массой не менее 1,82 г, т. е. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Уголовное дело в отношении неустановленного лица выделено в отдельное производство, но, несмотря на то что изъятое наркотическое средство является вещественным доказательством и в выделенном деле, суд принял решение его уничтожить².

Приговором Орджоникидзенского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 29 июля 2024 г. № 1-659/2024 также осужден гражданин, который заказал у неустановленного лица посредством сети Интернет наркотическое средство мефедрон массой 0,96 г, после чего через мобильное приложение в сотовом телефоне оплатил его и забрал в названном месте, т. е. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ. Уголовное дело по факту сбыта наркотиков также выделено в отдельное производство, но и тут дан-

² Приговор № 1-223/2024 от 30 июля 2024 г. по делу № 1-223/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0E5PzcvYrBVt/> (дата обращения: 09.02.2025).

ное вещественное доказательство судом уничтожено¹.

Как видим, оба приговора показывают инерцию судей, которые, принимая решение об уничтожении вещественных доказательств — наркотических средств, явно не надеются, что выделенные дела будут когда-нибудь возобновлены и вещественные доказательства пригодятся для изобличения виновных. Хотя по этой категории дел «такое чудо», как установление лиц, осуществляющих сбыт наркотиков подобным образом, конечно, редкость. Но теперь скоропалительные решения должны отменяться вышестоящими судебными инстанциями, если прокуроры заметят это нарушение. Ниже мы приведем пример отмены решения суда первой инстанции в части незаконного уничтожения вещественных доказательств.

Изданное после обозначенного решения высшего судебного органа страны постановление Правительства Российской Федерации, касающееся в том числе правил передачи вещественных доказательств, четко не определило их обращение по уголовным делам для использования по другим уголовным делам (материалам)².

Вместе с тем законодатель принял к исполнению распоряжение Конституционного Суда Российской Федерации, и в действие введен Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 6 апреля 2024 г. № 73-ФЗ. Статья 81 УПК РФ дополнена частью 3.1, согласно которой при вынесении приговора или принятии решения о прекращении уголовного дела вещественные доказательства, одновременно признанные таковыми по

другому делу, а также образец вещественного доказательства подлежат передаче органу расследования или суду, в производстве которых оно находится, а итоговое решение еще не принято. Кроме того, в ряд статей УПК РФ внесены изменения о необходимости указывать сведения о том, что вещественные доказательства признаны таковыми по другому делу. Эта информация должна помочь суду избежать случаев необоснованного (случайного) уничтожения предметов и документов, необходимых по другим делам (материалам).

И ситуация сразу изменилась к лучшему. Например, изучен приговор Рубцовского городского суда Алтайского края от 26 июля 2024 г. № 1-148/2024 по обвинению заместителя начальника эксплуатационного вагонного депо «Новокузнецк-Северный» в совершении преступлений, предусмотренных пп. а, б ч. 4 ст. 291 УК РФ, в даче взятки по предварительному сговору группой лиц высокопоставленному должностному лицу ОАО «Российские железные дороги» за заключение договоров на выполнение текущего отцепочного ремонта грузовых вагонов. Указанный руководитель вагонного депо заключил досудебное соглашение о сотрудничестве, в связи с чем дело выделено в отдельное производство. В деле исследовались различные документы, свидетельствующие о даче / получении взятки. Суд при вынесении приговора решил данные вещественные доказательства оставить для хранения в Восточном межрегиональном следственном управлении на транспорте СК РФ до рассмотрения связанных уголовных дел в отношении соучастников преступлений, совершенных этим заместителем начальника вагонного депо³.

Указанная законодательная новелла, конечно, поможет обеспечить сохранение вещественных доказательств и предотвратить возможные негативные последствия, связанные с их уничтожением, что является крайне важным для расследования преступлений и обеспечения справедливости. Вышестоящие суды изменяют приговоры по причине неправильного определения судьбы вещественных доказательств. Примером может служить апелляционное постановление Волгоградского областного суда от 14 ноября 2024 г. по уголовному делу № 22-4663/2024, вынесенное по результатам рассмотрения представления и. о. Урюпинского межрайонного прокурора Волгоградской области

¹ Приговор № 1-659/2024 от 29 июля 2024 г. по делу № 1-659/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PEAzQRYNs4UJ/> (дата обращения: 09.02.2025).

² Об утверждении Правил учета и хранения изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами по уголовным делам предметов и документов до признания их вещественными доказательствами по уголовным делам или до их возврата лицам, у которых они были изъяты, и арестованного имущества, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, а также возврата вещественных доказательств по уголовным делам в виде денег их законному владельцу и о признании утратившими силу некоторых актов и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 1589. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-28092023-n-1589/> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Приговор № 1-339/2024 от 26 июля 2024 г. по делу № 1-148/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WONVJ0eJYnNP/> (дата обращения: 09.02.2025).

А. С. Пахомова на приговор Урюпинского городского суда Волгоградской области от 25 сентября 2024 г., согласно которому В. А. Андрюнин осужден по ч. 1 ст. 234 УК РФ к лишению свободы сроком на один год.

Прокурор не согласен с поставленным приговором в части разрешения вопроса о судьбе вещественных доказательств. Указал в представлении, что суд необоснованно принял решение об уничтожении полимерных пакетов с капсулами и порошком сильнодействующего вещества, не являющегося наркотическим средством, и психотропным веществом, в то время как органом расследования выделены в отдельное производство материалы уголовного дела. Суд апелляционной инстанции изменил приговор, указав, что сильнодействующее вещество признано вещественным доказательством и суд первой инстанции принял неверное решение о его уничтожении. Не было учтено, что эти вещества являются предметом преступления и по выделенным материалам в отношении неустановленного лица, по которому окончательное решение еще не принято, в связи с чем имеют доказательственное значение. Решение об их уничтожении является преждевременным. Суд постановил хранить вещества в МО МВД России «Урюпинский» до принятия решения по материалу, переданному по подследственности в ОМВД России по г. Борисоглебску Воронежской области.

Трудно понять логику судьи, принявшего решение об уничтожении данных вещественных доказательств, хотя, конечно, в измененном законе ничего не говорится об обращении вещественных доказательств по выделенным материалам. Однако вышестоящий суд поступил по аналогии закона, допускаемой в уголовном процессе (поскольку налицо реальный пробел в системе вещественных доказательств, который позволяет ориентироваться на сходный случай (ч. 3.1 ст. 81 УПК РФ), что не ограничивает соблюдение принципов уголовного процесса), тем самым исправив положение с обращением вещественных доказательств путем применения данной нормы. То есть действовал в интересах правосудия.

Расширение сферы применения современных информационных технологий, появление новых видов преступлений все чаще вызывает необходимость приобщения к уголовному делу электронных носителей информации. Но в таком носителе возможно хранение информации, относящейся как к расследуемому уголовному делу, так и к иным случаям уголовно-правовых событий касательно

другого лица. Понятно, что материал о новом преступлении в отношении фигурирующего лица должен быть выделен в отдельное производство, конечно с приобщением скопированной информации на другой электронный носитель. Но думается, что подлинный электронный носитель не должен бесследно исчезнуть после приговора суда по основному делу: в приговоре должно быть обозначено решение о направлении вещественного доказательства — электронного носителя в орган, осуществляющий досудебное производство по другому уголовному делу (проверку сообщения о преступлении, находящегося в выделенном материале).

Такое решение напрашивается из-за определенной юридической силы электронного носителя, к которому процессуальное законодательство относится неравнозначно как к доказательству. Всегда правоприменитель должен устанавливать достоверность этого вещественного доказательства, например отсутствие признаков подделки, сомнений, что документальные записи на носителе исходят от конкретного лица, и т. п. Достоверность записей на электронном носителе может оспариваться стороной защиты. Возможно проведение экспертизы электронного носителя в целом или его элементов.

Процессуальное законодательство не содержит специальных правил оценки электронных доказательств. Нет в УПК РФ и самого понятия «*электронное доказательство*». В связи с этим считаем, что суды оценивают электронные носители на свое усмотрение в рамках правил оценки доказательств как иных документов в целом и письменных в отдельности. Законодателю целесообразно в ст. 5 УПК РФ дать определение электронного доказательства как такового с уточнением конкретных признаков юридически значимой информации. Вот тогда проверка информации в оригинале стала бы повсеместной, и к доказательствам в виде электронных носителей информации отношение правоприметителей действительно изменилось бы.

Практические работники самостоятельно пытаются найти какой-либо выход из сложившейся ситуации, в крайнем случае применяя аналогию в целях назначения уголовного судопроизводства для формулирования правил при разрешении конкретного правового вопроса о вещественных доказательствах. Способ преодоления пробела в пределах одной конкретной главы УПК РФ (гл. 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве») — это аналогия уголовно-процессуальной нормы, причем ответственность за применение нормы по

аналогии наступает так же, как и в случае использования ее прямого назначения, обозначенного в законе.

Суд в приведенном нами примере аналогии не подменяет законодателя, а действует в рамках УПК РФ. Но не каждый правоприменитель по тем или иным причинам использует норму, регулиющую сходные отношения, ведь на орган, применивший норму по аналогии, возлагаются определенные обязанности правового характера.

Однако полагаем, что уголовно-процессуальное законодательство должно совершенствоваться в целях сокращения количества пробелов. В связи с этим, на наш взгляд, в ст. 81 УПК РФ целесообразно внести дополнение в виде новой части следующего содержания: «3.2. В случае если в ходе предварительного расследования выделяются в отдельное производство материалы уголовного дела в порядке статьи 155 настоящего Кодекса, то предметы, признанные вещественными доказательствами или истребованные в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, по данному уголовному делу, после принятия по нему итогового решения подлежат передаче органу дознания или органу предварительного расследования, в производстве которых находится уголовное дело или материал, содержащий сведения о новом преступлении, если в ходе дальнейшего производства они могут быть признаны вещественными доказательствами. Указанный порядок обращения относится и к вещественным доказательствам в виде электронных носителей информации».

Представляется, что по своей юридической природе правоотношения по передаче вещественных доказательств при выделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, совершенном иными лицами, и направлении их для принятия решения в соответствии со ст. 144 и 145 УПК РФ находятся в рамках предмета уголовно-процессуального регулирования. Такая пере-

дача является мерой по созданию условий для принятия законного и обоснованного решения по уголовному делу, которое будет возбуждено на основании выделенного материала.

На наш взгляд, лицом, осуществляющим досудебное производство, должно выноситься *отдельное (самостоятельное) постановление* о решении судьбы вещественных доказательств после того, как принято решение о направлении выделенного материала в соответствующий орган. Думается, что данное постановление следует обозначить как «*Постановление о передаче вещественных доказательств в связи с выделением из уголовного дела материала, содержащего сведения о новом преступлении*». В данном процессуальном документе необходимо указать на наличие вещественных доказательств (иных истребованных предметов и документов), которые необходимо передать в орган, осуществляющий проверку сообщения об указанном новом преступлении, для решения вопроса о признании их вещественными доказательствами в случае возбуждения уголовного дела. А руководствоваться при вынесении данного постановления, на наш взгляд, следует ч. 3.1 ст. 81, ч. 1 ст. 155 УПК РФ. В обязательном порядке уведомлять о данном решении прокурора.

Таким образом, система вещественных доказательств по уголовным делам не находится в застывшем состоянии, требует научного осмысления, настройки согласно запросам следственной и судебной практики, особенно в части вещественных доказательств в виде электронных носителей информации, отграничения их от электронных документов, расположенных в специальных виртуальных хранилищах. До конца не урегулирован вопрос о минимальном сроке, в течение которого нельзя исполнять решение органа расследования о судьбе вещественного доказательства.

1. Муратов К. Д. Вещественные доказательства в сфере межотраслевых связей уголовного судопроизводства: концепция формирования единых судебных вещественных доказательств // Журнал прикладных исследований. 2022. № 8. С. 185—192.

2. Валов С. В. Пробелы правового регулирования обращения с вещественными доказательствами и меры по их устранению // Актуальные проблемы уголовного судопроизвод-

1. Muratov K. D. Physical evidence in the sphere of inter-branch connections of criminal proceedings: the concept to form unified judicial physical evidence. Journal of applied research, 185—192, 2022. (In Russ.).

2. Valov S. V. Gaps in legal regulation to handle physical evidence and measures to eliminate them. In: Topical problems of criminal proceedings. Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Novosibirsk, 13 November 2020.

ства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 13 ноября 2020 г.). Москва: Моск. акад. Следств. комитета Рос. Федер., 2020. С. 35—44.

Moscow: the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation; 2020: 35—44. (In Russ.).

Шаутаева Гульнара Хасановна,
начальник кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
shautaeva@list.ru

Shautayeva Gulnara Khasanovna,
head of the department of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
shautaeva@list.ru

Попова Людмила Владимировна,
заместитель начальника
кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;
lygmila.2015@yandex.ru

Popova Lyudmila Vladimirovna,
deputy head at the department
of criminal procedure
of the educational and scientific complex
for the preliminary investigation
in the internal affairs bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
lygmila.2015@yandex.ru;

Шапиро Ирина Михайловна,
доцент кафедры
гражданского права и процесса
Международного юридического института
(Астраханский филиал),
кандидат юридических наук;
shapiro.law@mail.ru

Shapiro Irina Mikhailovna,
associate professor
at the civil law and procedure department
of the International Law Institute
(the Astrakhan branch),
candidate of juridical sciences;
shapiro.law@mail.ru

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 07.04.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.985.3:343.144

**ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ
КОНТРСУГГЕСТИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)
В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Святослав Юрьевич Бирюков

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,
bir.slav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные тактические аспекты преодоления механизмов контрсуггестии (противовнушения), которые часто включаются на подсознательном уровне у отдельных категорий участников уголовного судопроизводства, как правило у лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний, что существенным образом затрудняет коммуникацию между указанными лицами и субъектом, ведущим расследование, особенно в условиях конфликтных ситуаций. А наличие последних в большинстве случаев, как известно, свойственно процессу установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию практически по каждому уголовному делу.

В теории криминалистики отмечено, что между следователем и теми или иными участниками уголовного процесса могут возникать не только смысловые, но и эмоциональные барьеры, преодоление которых критически важно и для установления эффективного и устойчивого психологического контакта, и для минимизации риска возникновения конфликтных ситуаций в ходе производства предварительного расследования, в том числе при осуществлении допроса. Очевидно, что преодоление такого рода барьеров крайне важно для работы следователя, направленной на решение задач, стоящих перед уголовным судопроизводством.

Автором предпринята попытка рассмотреть тактические особенности преодоления следователем различного рода защитных механизмов, применяемых подозреваемым (обвиняемым) в ответ на воздействие речевых высказываний следователя.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная ситуация, контрсуггестия, следователь, противодействие расследованию, допрос, коммуникация

Для цитирования: Бирюков С. Ю. Тактические аспекты преодоления контрсуггестии подозреваемых (обвиняемых) в ходе производства предварительного расследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 79—85.

**TACTICAL ASPECTS OF OVERCOMING
COUNTER-SUGGESTION OF SUSPECTS (ACCUSED)
IN PRELIMINARY INVESTIGATION**

Svyatoslav Yuryevich Biryukov

Volgograd State University, Volgograd, Russia, bir.slav@yandex.ru

Abstract. The given article deals with some tactical aspects related to overcoming counter-suggestion mechanisms (counter-suggestion) that certain categories of participants of the criminal proceedings realize subconsciously often, as a rule, those to be suspected or accused of committing criminal offenses. This fact significantly complicates communication between the mentioned persons and the one who is conducting investigation especially in conflict situations. The presence of the latter in most cases, as it is known, is inherent in the process of establishing all the circumstances that are subject to be proved in almost every criminal case.

In the theory of criminalistics, it is noted, that between the investigator and certain participants in the criminal proceedings may appear not only semantic but also emotional barriers. Their overcoming is critically important both for establishing effective and sustainable psychological contact and for minimizing the risk of conflict situations to emerge in the preliminary investigation as well as in the interrogation. Obviously overcoming such

barriers is extremely important for the investigator's work aimed at solving the problems to face criminal proceedings.

The author attempts to consider some tactical features of overcoming various types of protection mechanisms by the investigator. These mechanisms are used by the suspect or accused in response to the impact of the investigator's verbal statements.

Keywords: a conflict, a conflict situation, counter-suggestion, an investigator, counteraction to investigation, interrogation, communication

For citation: Biryukov S. Yu. Tactical aspects of overcoming counter-suggestion of suspects (accused) in preliminary investigation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 79—85, 2025. (In Russ.).

В условиях конфликтов, возникающих на досудебных стадиях, психологическая активность лица, подозреваемого в совершении преступного деяния, проявляется довольно ярко через двойственное стремление: с одной стороны, оно пытается повлиять на субъекта расследования, а с другой — использует различные защитные механизмы против воздействия его речевых высказываний, что в психологии именуется контрсуггестией или «противовнушением». Данная форма взаимодействия представляет собой важный фактор, который формирует барьеры на пути коммуникации между следователем и подозреваемым. Следует отметить, что действие контрсуггестии значительно усиливается именно в контексте конфликтных ситуаций, что делает взаимодействие сторон особенно сложным и многогранным.

Ученые-криминалисты отмечают, что между субъектом расследования и подозреваемым могут возникать не только смысловые, но и эмоциональные барьеры. Часть исследователей акцентирует внимание на необходимости преодоления этих барьеров в целях установления эффективного и устойчивого психологического контакта [1]. В то же время другие эксперты делают упор на необходимости устранения этих барьеров для минимизации конфликтных ситуаций, возникающих в процессе производства следственных действий, и в первую очередь допроса [2]. В любом случае преодоление таких преград играет значительную роль в практической деятельности субъекта расследования.

Тем не менее, помимо упомянутых, существует ряд иных, не менее сложных преград, препятствующих адекватной передаче информации от субъекта расследования к подозреваемому. В теории криминалистики в контексте проводимых исследований контрсуггестии определено несколько основных форм последней: «избегание», «авторитет» и «непонимание». Первые две при этом можно трактовать как защитные механизмы, нацеленные на источник информации, которым в данном случае

выступает субъект расследования, в то время как последнее относится непосредственно к интерпретации содержания сведений, предоставленных лицом, ведущим расследование.

Чтобы справиться с препятствиями контрсуггестии, воздвигаемыми подозреваемым лицом, субъект расследования применяет различные психологические техники, которые, к тому же, увеличивают вербальное воздействие на собеседника.

Преодоление избегания. Преодоление механизма избегания в ситуациях конфликтов проявляется уникальным образом, как правило, в поверхностной сосредоточенности подозреваемого лица. Для успешной нейтрализации преодоления данного вида контрсуггестии необходимо управлять его сосредоточенностью. В связи с этим работа субъекта расследования как бы делится на две составляющие: он должен завладеть сосредоточенностью подозреваемого, а также донести суть заданного вопроса или утверждения. Даже в рамках примитивных вопросов, задаваемых субъектом расследования, можно определить два ключевых аспекта: содержательный и направленный на привлечение интереса подозреваемого. В этом смысле важно обратиться к идеям В. А. Манассеина, который в XIX в. подметил, что «всякое психическое влияние сводится, в сущности, к изменению направления внимания» [3, с. 115]. Однако данное утверждение верно лишь в обобщенном смысле, поскольку оно акцентирует внимание на первоочередной задаче, но не охватывает всех возможных аспектов взаимодействия между лицом, ведущим расследование, и лицом, подозреваемым в совершении преступного деяния.

Для осуществления психологического воздействия на обвиняемого следователь должен трансформировать его из пассивного наблюдателя в активного слушателя. Данный процесс можно реализовать посредством использования двух категорий средств: содержательных, относящихся непосредственно к обсуждаемому вопросу, и внесодержа-

тельных, или фасцинативных, которые служат для создания необходимого эмоционального настроя.

В целях преодоления барьеров контрсуггестии, наличествующих даже при передаче крайне важных для подозреваемого сведений, субъект расследования применяет фасцинативные сигналы. Эти сигналы пронизывают интонацию и манеру произнесения текста, формируя определенную атмосферу восприятия. Фасцинация представляет собой «позывные сигналы», исходящие от информации, которые настраивают адресата на ее интерпретацию [4]. Следует отметить, что многие должностные лица органов предварительного расследования интуитивно применяют фасцинативные приемы, не осознавая этого. Процесс фасцинации не имеет строго фиксированного порядка, что затрудняет составление исчерпывающего списка всех возможных приемов, тем не менее можно выделить некоторые из них.

Одним из самых элементарных и эффективных средств завладения вниманием подозреваемого лица, а также усиления вербального влияния, которое, как правило, происходит на подсознательном уровне, является интонационное изменение голоса. Важно подчеркнуть, что речь не идет о переходе к крику, который считается неприемлемым не только с этической, но и тактической точки зрения, поскольку крик лица, ведущего расследование, будет воспринят как демонстрация его бессилия. Однако умеренное повышение голоса, особенно в начале речевой конструкции, способно не только акцентировать внимание и усилить важность произнесенных сведений, но и показать оценку субъекта расследования поведенческим актам подозреваемого, что, в свою очередь, может создать дополнительное воздействие на эмоциональное восприятие ситуации.

Следующий метод, способствующий привлечению и сосредоточению внимания, называется «завлечение». Его смысл в передаче необходимой информации с использованием труднопонимаемого тона — например, говоря тихо. Указанное потребует от подозреваемого для восприятия и последующего осознания данных сведений приложить определенные усилия, которые требуют от него значительной концентрации. Важно подчеркнуть, что результативность этого приема зависит от того, удалось ли субъекту расследования уже заставить подозреваемого воспринимать себя серьезно через демонстрацию своей компетентности.

В числе приемов, относящихся к категории фасцинационных, направленных на удержание

сосредоточенности подозреваемого, наличествует метод «акцентировки». Она заключается в том, что информация, представленная с высокой скоростью, воспринимается как менее важная по сравнению со сведениями аналогичного содержания, изложенными в более медленном темпе, с выделением ключевых моментов и значимых фраз посредством голосовой модуляции.

Результативным инструментом акцентуации внимания и увеличения влияния на аудиторию выступает переформулировка ранее сформулированной и переданной информации, заключающаяся в ее представлении с использованием других терминов и словосочетаний. Данный метод становится особенно эффективным, когда передаваемая информация характеризуется сложностью и / или высокой степенью актуальности для подозреваемого лица.

Кроме того, важным аспектом, способствующим достижению указанных целей, является наглядность или образность представляемых сведений. Подобный подход подразумевает акцентировку на отдельных деталях, что позволяет улучшить понимание основной идеи. Не менее значимы навыки субъекта расследования в случаях, когда допрашиваемый отказывается отвечать на заданный вопрос, сместить акцент своего воздействия на более широкое смысловое поле, открывая новые аспекты для обсуждения и не ограничивая диалог в узких рамках. Очевидно, что не существует какого-то универсального фасцинативного приема, эффективного в любой ситуации [5]. Однако очевидным является и тот факт, что деятельность лица, осуществляющего расследование и учитывающего потенциальную важность удержания сосредоточенности подозреваемого, будет существенно результативнее.

Привлечение и удержание внимания подозреваемого лица представляет собой аспект, который взаимосвязан с проявлением инициативы субъектом расследования. Отметим, что в данной статье термин «инициатива» употребляется в узком смысле. В контексте следственной деятельности фраза «овладеть инициативой» обозначает способность контролировать пространство общения для эффективного достижения заданных целей. Следует подчеркнуть, что понятия «инициатива» и «инициативность» как характеристика личности не являются полностью идентичными. И в связи с этим мы разделяем мнение, высказанное в криминалистической литературе, что инициатива является необходимым качеством субъекта расследования [6]. Это детерминировано как целями его

деятельности, так и предписаниями уголовно-процессуального законодательства, которые требуют активного подхода в ходе достижения своих функциональных целей.

Действуя инициативно, субъект расследования стремится сосредоточить интерес подозреваемого лица на собственных задачах. Однако надо понимать, что и первое и второе выступают как инструменты для осуществления психологического влияния на допрашиваемого, и основная цель данного влияния — извлечение необходимых криминалистически значимых сведений. В ходе общения инициатива не может быть разделена поровну между всеми участвующими лицами, тем не менее субъект расследования может передавать ее допрашиваемому, но в строго определенных следователем рамках. Умение делегировать инициативу предполагает активное восприятие субъектом расследования интересующей его информации, а также интеграцию допрашиваемого в процесс диалога, что в свою очередь может способствовать более продуктивному получению интересующих сведений.

Выделение содержания и формы конфликтного взаимодействия между лицом, ведущим расследование, и лицом, подозреваемым в совершении преступного деяния, дает возможность выработать дополнительные доводы в пользу применения «следственных хитростей» или «психологических ловушек» субъектом расследования.

Учитывая, что указанные феномены нашли достаточное отражение в специальной литературе, отметим лишь, что анализ аналогичных ситуаций в контексте делегирования инициативы позволяет выявить, что многие из упомянутых «ловушек» создаются субъектом расследования в результате наделяния подозреваемого возможностями действовать, что в конечном счете может оказаться для него губительным. В то же время субъект расследования, обладая инициативой, рискует столкнуться с ситуациями, когда результат его стратегий может обернуться против него. Таким образом, можно заключить, что при условии, что «психологические ловушки» не основаны на лжи или обмане, они могут рассматриваться как приемлемые инструменты в следственной практике. Обратим внимание, что эти стратегии опираются на рациональные принципы и профессиональный опыт, а не на личностные характеристики или моральные оценки, что подчеркивает значимость их применения в современном уголовном процессе [7].

В рамках методологии привлечения интереса подозреваемого можно выделить следующие основные категории приемов. Первая категория включает в себя методы, характеризующиеся преимущественно организационным аспектом, а не психологическим. Сущность данных приемов заключается в создании условий, которые позволяют минимизировать влияние внешних раздражителей, способных отвлечь внимание допрашиваемого.

Вторая категория представляет собой психологические приемы, непосредственно направленные на активизацию интереса подозреваемого. Одним из наиболее результативных методов здесь является использование так называемой нейтральной фразы, суть которого заключается в иницировании допроса с подозреваемым, начиная с высказывания, не связанного с основной темой расследования, но сформулированного таким образом, что оно имеет отношение к личности самого подозреваемого [2]. Такая стратегия создает атмосферу непринужденности и снижает уровень эмоционального напряжения, что, в свою очередь, может способствовать более открытому и продуктивному взаимодействию между следователем и подозреваемым.

Использование феномена авторитета. Авторитетность является важным фактором, играющим значительную роль в процессе формирования доверия между индивидами, особенно в контексте взаимодействия лица, ведущего расследование, и лица, подозреваемого в совершении преступного деяния. В случае если подозреваемый не признает субъекта расследования как авторитетную фигуру, влияние последнего на подозреваемого будет существенно ограничено, что может негативно сказаться на эффективности проводимых следственных действий.

Создание авторитетного имиджа субъекта расследования зависит от восприятия подозреваемым лицом ряда ключевых аспектов, таких как уровень профессиональной компетентности, признанные полномочия, а также степень объективности в работе. При условии что субъект расследования демонстрирует вышеупомянутые качества, возрастает вероятность формирования доверительных отношений, что, в свою очередь, способствует снижению явлений контрсуггестии, характерных для поведения подозреваемого.

Другими словами, затраты времени, которые субъект расследования инвестирует в глубокое изучение специфики вопросов, касающихся расследуемого преступления, практически всегда

оправданны и приносят положительные результаты. В криминалистической литературе приводятся примеры, иллюстрирующие, что высокая степень профессиональной компетентности субъекта расследования может быть столь убедительной, что подозреваемые, почувствовав доверие к нему, начинают самостоятельно раскрывать детали своих правонарушений [2; 6; 8].

Преодоление фонетического барьера в процессе взаимодействия между лицом, ведущим расследование, и подозреваемым является ключевым аспектом, определяющим эффективность их коммуникации. Важным фактором этого процесса является широкий спектр физических характеристик коммуникации, включая темп и скорость речи, качество дикции и произношения, а также иные акустические параметры. Указанные фонетические характеристики обладают верхними и нижними пределами восприятия, которые зависят от индивидуальных особенностей конкретного индивида.

В связи с этим представляется правильным субъекту расследования осуществить выбор необходимых звуковых характеристик своего голоса, которые бы соответствовали субъективным особенностям и эмоциональному состоянию допрашиваемого лица, а также учитывали контекстуальные особенности ситуации. Главным критерием адекватности этого выбора служат реакции подозреваемого, которые могут способствовать получению интересующей следствие информации в ходе допроса.

Преодоление семантического барьера представляет собой ключевую задачу в области коммуникации, возникающую в результате несоответствия смыслов, которые различные индивиды вкладывают в одни и те же лексические единицы. Данный феномен может привести к значительным затруднениям в межличностном взаимодействии, особенно в контекстах, связанных с общением с представителями преступной среды.

Для эффективного нивелирования этого препятствия субъект расследования должен осознавать и учитывать психологические аспекты общения, что является залогом успешного взаимодействия. Специфика взаимодействия с лицами, действующими вне правового поля, требует от субъекта расследования глубокого понимания их специфической терминологии и социальной динамики [9]. Это знание не только облегчает установление контакта, но и способствует более точной интерпретации информации, получаемой в ходе допросов.

Кроме того, следует отметить, что существуют различные виды жаргона, которые не ограничиваются исключительно уголовной сферой, а охватывают такие области, как наука, профессиональная деятельность и студенческая жизнь. Учет всех этих нюансов существенно повышает качества коммуникации и позволяет более точно интерпретировать сказанное, что, в свою очередь, ведет к повышению эффективности следственной деятельности и успешному раскрытию преступлений.

Преодоление стилистического барьера представляет собой важную задачу для субъекта расследования, которому необходимо эффективно структурировать направляемые адресату сведения. В этом контексте выделяются несколько методов структурирования: правило рамки и правило цепи.

Суть первого метода заключается в том, что сведения, направленные к допрашиваемому, должны быть построены в виде своеобразной рамки, которая и определяет их организацию. Это требование основывается психологическим законом памяти, согласно которому люди более эффективно запоминают сведения, расположенные в начале и в конце ряда, по сравнению с его центральной частью. Концепция рамки способствует тому, чтобы организация представленных сведений соответствовала психологическим установкам допрашиваемого подозреваемого. Рамка в данном контексте выступает границей, отделяющей главное от несущественного, фигуру от фона. Иными словами, правильное применение рамки не только структурирует информацию, но и усиливает ее воздействие на восприятие подозреваемого в ходе допроса.

Структурирование сведений посредством использования второго метода — правила цепи — предполагает, что исходящие от субъекта расследования данные не могут представлять собой произвольный набор разнообразной информации, но должны быть организованы в последовательную и логически связанную структуру. Это позволяет создать цепь, которая может быть сформирована различными способами. Одним из таких способов является простое перечисление, например: «во-первых, во-вторых, в-третьих». Возможно и ранжированное упорядочение, при котором информация располагается либо в порядке возрастания, либо по убыванию ее ценности для адресата. Логическая структура цепи подразумевает наличие взаимосвязи между различными утверждениями, что наглядно иллюстрируется логической конструкцией: «Поскольку Вы соглашаетесь

с данным постулатом, можно сделать вывод и о правомерности следующего утверждения».

Порядок и структура в передаче сведений представляют собой важные аспекты, которые превосходят произвольное перечисление фактов. Тем не менее выбор конкретной модели структурирования сведений — сложная тактическая задача. Эффективность работы субъекта расследования по преодолению контрсуггестий со стороны подозреваемого лица не ограничивается лишь знанием особенностей организации данных, но также зависит от стратегически обоснованного выбора той или иной модели «цепи», принимая во внимание индивидуальные психологические особенности личности допрашиваемого.

Преодоление логических барьеров является еще одной важной задачей для субъекта расследования, так как различные логические конструкции могут оказывать значительное влияние на восприятие допрашиваемого лица. Для успешного решения данной проблемы необходимо использовать логику, оптимально соответствующую индивидуальным особенностям конкретного индивидуума. В связи с тем что эффективность аргументации во многом зависит от способности субъекта расследования использовать разные схемы аргументации, крайне важно понимать специфику используемых средств убеждения.

Существует два основных метода построения аргументации: восходящий и нисходящий. В первом случае порядок представления аргументов организован таким образом, что их убедительность накапливается по мере перехода к заключению. Данный подход создает эффект нарастающего напряжения, который способствует более глубокому восприятию основного тезиса. В отличие от этого, в рамках нисходящей аргументации сила доводов, как правило, уменьшается по мере

развития дискуссии, что может ослабить влияние финального вывода на аудиторию.

Очевидно, что только первый метод применим в уголовном судопроизводстве. Субъект расследования, использующий этот метод, может более эффективно вести допрос, подводя подозреваемого к необходимым выводам, что существенно увеличивает шансы на успешное разрешение дела. В таких условиях аргумент, представленный в заключительной части, получает возможность максимально раскрыть свои сильные стороны, опираясь на ранее изложенные более слабые, но все же значимые доводы [10].

Необходимо обратить внимание на то, что механизмы контрсуггестии демонстрируют неоднородное развитие у различных индивидов. В связи с этим лицо, ведущее расследование, должно применять психологическое воздействие с тщательным учетом субъективных характеристик подозреваемого. Лица, обладающие высокой внушаемостью, могут не только отказаться от своих изначальных показаний в ходе уголовного судопроизводства, но, что более тревожно, начать верить в события, которые на самом деле не имели места. В области судебной психологии подобные случаи задокументированы и изучены, что подчеркивает необходимость внимательного и обоснованного подхода к каждому индивидууму в процессе уголовного судопроизводства. Вербальное влияние, осуществляемое субъектом расследования в отношении подозреваемого, выходит за рамки применения методов, направленных на нивелирование процессов контрсуггестии. На практике в условиях конфликта позиция подозреваемого лица может рассматриваться как существенное препятствие на пути к достижению целей уголовного судопроизводства.

1. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: учеб. пособие. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973. 156 с.

2. Криминалистика: учебник / Н. И. Порубов, Г. И. Грамович, А. Н. Порубов, Г. В. Федоров; под ред. Н. И. Порубова. Минск: Вышэйш. шк., 2011. 639 с.

3. Манассеин В. А. Метериалы для вопроса об этиологическом и терапевтическом значении психических влияний. Санкт-Петербург: Тип. Я. Трея, 1876. 141 с.

1. Glazyrin F. V. Study of the personality of the accused and tactics of investigative activity. Textbook. Sverdlovsk: The Sverdlovsk Law Institute; 1973: 156. (In Russ.).

2. Porubov N. I., Gramovich G. I., Porubov A. N., Fyedorov G. V. Forensic science. Textbook. Red. by N. I. Porubov. Minsk: Higher School; 2011: 639. (In Russ.).

3. Manassein V. A. Materials on issue related to the etiological and therapeutic significance of mental Influences. Saint Petersburg: Treya Publishing House; 1876: 141. (In Russ.).

4. Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем: элементы семиотики. 2-е изд. Москва: УРСС, 2010. 62 с.

5. Войскунский А. Е. Я говорю, мы говорим...: Очерки о человеческом общении. 2-е изд., дораб. и доп. Москва: Знание, 1990. 238 с.

6. Доспулов Г. Г. Психология допроса на предварительном следствии. Москва: Юрид. лит., 1976. 112 с.

7. Дружинин В. В., Конторов Д. С., Конторов М. Д. Введение в теорию конфликта. Москва: Радио и связь, 1989. 286 с.

8. Глазырин Ф. В. Психология следственных действий: учеб. пособие для вузов МВД СССР. Волгоград: ВСШ, 1983. 136 с.

9. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие. Москва: Высш. шк. МООП СССР, 1967. 290 с.

10. Милич П. П. Как проводить деловые беседы: сокр. пер. с серб.-хорв. 2-е изд., стер. Москва: Экономика, 1987. 207 с.

4. Shreider Yu. A. Logic of sign systems: elements of semiotics. 2nd ed. Moscow: URSS; 2010: 62. (In Russ.).

5. Voyskunsky A. Ye. I speak, we speak... Essays on human communication. 2nd ed., rev. and enlarged. Moscow: Znaniye; 1990: 238. (In Russ.).

6. Dospulov G. G. Psychology of interrogation during preliminary investigation. Moscow: Legal Literature; 1976: 112. (In Russ.).

7. Druzhinin V. V., Kontorov D. S., Kontorov M. D. Introduction to the theory of conflict. Moscow: Radio i Svyaz; 1989: 286. (In Russ.).

8. Glazyrin F. V. Psychology of investigative activity. Textbook for higher education institutions of the USSR Ministry of the Internal Affairs. Volgograd: The Investigators' Training College; 1983: 136. (In Russ.).

9. Ratnov A. R. Forensic psychology for investigators. Textbook. Moscow: Higher School of the USSR Ministry of Education and Science; 1967: 290. (In Russ.).

10. Mitsich P. P. How to conduct business conversations: abridged translation from Serb-Croatian. 2nd ed., repr. Moscow: Ekonomika; 1987: 207. (In Russ.).

Бирюков Святослав Юрьевич,

доцент кафедры

уголовного права и процесса

Волгоградского государственного

университета,

кандидат юридических наук, доцент;

bir.slav@yandex.ru

Biryukov Svyatoslav Yuryevich,

associate professor at the department

of criminal law and procedure

of the Volgograd State University,

candidate of juridical sciences, docent;

bir.slav@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 27.04.2025; одобрена после рецензирования 06.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 27.04.2025; approved after reviewing 06.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.982.4

**О ПРИЗНАКАХ ПИСЬМА, ВЫРАЖАЮЩИХ СВОЙСТВА
ПИСЬМЕННО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО
ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИНАМИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
НАВЫКОВ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Михаил Викторович Бобовкин*, Виталий Анатольевич Ручкин,
Станислав Михайлович Бобовкин*****

* Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

** Волгоградский государственный университет, Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, v.ruchkin@yandex.ru

*** Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, s.m.bobovkin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема выделения в отдельную группу и систематизации признаков письма, выражающих свойства письменно-интеллектуального функционально-динамического комплекса, в целях повышения эффективности решения задач судебно-почерковедческой экспертизы. Анализируются используемые для этого возможности судебного почерковедения.

Высказывается мнение, что традиционная система признаков письма — письменной речи и почерка — нуждается в совершенствовании. Она не соответствует интеллектуальной структуре письменного функционально-динамического комплекса, что отрицательно влияет на решение задач судебно-почерковедческой экспертизы и усложняет развитие судебно-почерковедческой диагностики.

Основное внимание уделяется признакам письма, выражающим свойства письменно-интеллектуального функционально-динамического комплекса, которые еще не получили четкой систематизации и описания в судебном почерковедении.

Делается вывод, что знания о признаках письма, выражающих свойства письменно-интеллектуального функционально-динамического комплекса, имеют большое научно-практическое значение, так как на их основе создаются условия дальнейшего развития методического потенциала судебного почерковедения.

Ключевые слова: признаки письма, система признаков письменной речи и почерка, признаки и свойства письменно-интеллектуального функционально-динамического комплекса, методическое обеспечение судебного почерковедения и судебно-почерковедческой экспертизы

Для цитирования: Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Бобовкин С. М. О признаках письма, выражающих свойства письменно-интеллектуального функционально-динамического комплекса навыков: вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 86—94.

**ON THE WRITING FEATURES
EXPRESSING THE PECULIARITIES
OF THE WRITTEN-INTELLECTUAL FUNCTIONAL-DYNAMIC
COMPLEX OF SKILLS: THEORY AND PRACTICE ISSUES**

Mikhail Victorovich Bobovkin*, Vitaly Anatolievich Ruchkin, Stanislav Mikhailovich Bobovkin*****

* Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

** Volgograd State University, Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, v.ruchkin@yandex.ru

*** Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, s.m.bobovkin@yandex.ru

Abstract. The article considers the problem of identifying as a separate group and systemizing writing features expressing the peculiarities of the written-intellectual functional-dynamic complex in order to improve the

efficiency of solving forensic handwriting examination problems. The possibilities of forensic handwriting examination used for this purpose are analyzed.

The authors consider that the traditional system of writing features – written speech and handwriting — must be improved. It does not conform to the intellectual structure of the written functional-dynamic complex and this fact negatively affects the solution of forensic handwriting examination problems and complicates developing forensic handwriting diagnostics.

The article focuses on writing features expressing the peculiarities of the written-intellectual functional-dynamic complex, which have not yet received a clear systematization and description in forensic graphology.

The conclusion is made that knowledge of writing features expressing the peculiarities of the written-intellectual functional-dynamic complex is of great scientific and practical importance, because it forms the basis for creating conditions for the further developing of the methodological potential of forensic handwriting examination.

Keywords: writing features, system of written speech and handwriting features, features and peculiarities of the written-intellectual functional-dynamic complex, methodological support for forensic graphology and forensic handwriting examination

For citation: Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Bobovkin S. M. On the writing features expressing the peculiarities of the written-intellectual functional-dynamic complex of skills: theory and practice issues. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 86—94, 2025. (In Russ.).

В процессе судебно-почерковедческой экспертизы большое внимание уделяется признакам письма. На основе их исследования проводится детальный анализ рукописей, оценка полученных результатов и формирование выводов эксперта. Эффективность указанных действий во многом зависит от достижений судебного почерковедения в разработке новых подходов к изучению признаков письма [1].

Традиционная система признаков письма разработана в 1950—1960-е гг. Ее образуют признаки письменной речи и почерка, которые являются общепринятыми и широко используются в судебно-экспертной практике и научной работе. Однако за пределами этой системы остаются признаки, выражающие интеллектуальные свойства письменного функционально-динамического комплекса (далее — ФДК) навыков, что негативно влияет на решение задач судебно-почерковедческой экспертизы.

С учетом изложенного структурную организацию письменного ФДК нужно рассматривать как научную базу — потенциал для развития системы признаков письма. Авторская точка зрения на использование этих данных в судебном почерковедении заключается в следующем. Признаки письма — это выраженные в рукописях свойства письменного ФДК, информативные с точки зрения решения задач судебно-почерковедческой экспертизы.

В абстрактном смысле признаки письма образуют систему всех их проявлений в рукописях. Именно так они представлены в научной и учебной литературе по судебному почерковедению и судебно-почерковедческой экспертизе. Напротив, при ре-

шении практических экспертных задач осуществляется исследование реальных признаков письма, получивших конкретное выражение в рукописях.

Применительно к целям исследования признаки письма делятся на идентификационные и диагностические. Идентификационные признаки связаны с установлением писавшего лица, факта выполнения рукописей одним лицом или разными лицами. Диагностические признаки используются при определении условий письма. Указанные задачи решаются в процессе любого экспертного исследования почерка и относительно его главной цели рассматриваются как основные и промежуточные.

По структурной организации письменного ФДК различаются признаки письма, выражающие свойства:

- 1) письменно-интеллектуального ФДК;
- 2) письменно-речевого ФДК;
- 3) письменно-двигательного ФДК.

Признаки письма, выражающие свойства письменно-интеллектуального ФДК, еще не получили четкой систематизации и описания в судебном почерковедении. Тем не менее они имеют большое научно-практическое значение. Среди них различаются:

- 1) признаки интеллектуальной организации письменного акта;
- 2) признаки понятийно-смысловой организации рукописи;
- 3) признаки эмоциональной организации рукописи.

Признаки интеллектуальной организации письменного акта. Эта категория признаков выражает свойства письменно-интеллектуального ФДК и содержит информацию об авторе — исполнителе

рукописи. Включает признаки, характеризующие мотив и цель письма, мысленный образ рукописи, орудия и материалы письма.

Признаки, характеризующие мотив письма. Мотив письма — это внутреннее состояние индивида, побуждающее к действию. Формируется на основе коммуникативно-познавательной потребности, которая в сочетании с интересами, влечениями, эмоциями, установками, идеалами опредмечивает мотив письма и тем самым определяет его специфику.

Возникнув, мотив письма доминирует в сознании индивида и побуждает его к реализации письменного акта при влиянии факторов времени и расстояния. Он может быть связан с обменом мыслями, знаниями, чувствами, поступками, вызван определенными интересами, влечениями, эмоциями, установками, идеалами, составляющими предмет общения. Поэтому мотивы письма разных лиц характеризуются присущими им криминалистическими свойствами — индивидуальностью, относительной устойчивостью, типологическим своеобразием. Они составляют отдельный вид признаков письма и получают следующее выражение в рукописях:

1) мотивы письма в виде потребностей обмена мыслями, знаниями, чувствами, поступками;

2) мотивы письма в виде интересов по темам общения: события, явления, личности, работа, творчество, мировоззрение;

3) мотивы письма в виде влечений, эмоций, установок, идеалов, призывов, лозунгов, побуждающих к общению или действию;

4) иные мотивы письма.

Признаки, характеризующие цель письма. Цель письма является формой опережающего отражения действительности, которая направляет индивида на достижение определенного результата. Она соединяет все, что уже есть и должно произойти в течение письменного акта. Цели субъектов письма могут совпадать, противоречить, исключать друг друга. Многообразие, оригинальность, системность целей письма наделяет их свойствами и признаками, получающими выражение в рукописях:

1) цели письма, связанные с установлением контактов общения;

2) цели письма, связанные с передачей и получением информации;

3) цели письма, связанные с активизацией общения;

4) цели письма, связанные с установлением взаимопонимания;

5) цели письма, связанные со снятием напряженности общения;

6) цели письма, связанные с управлением совместными действиями;

7) цели письма, связанные с установлением места в социуме;

8) цели письма, связанные с оказанием помощи;

9) цели письма, связанные с обменом эмоциями;

10) цели письма, связанные с влиянием на людей;

11) иные цели письма.

Признаки, характеризующие мысленный образ рукописи. В целеполагании письменного акта участвуют разные виды мышления: логическое, речевое, наглядно-образное. Они тесно связаны между собой, характеризуются переходами из одного в другое, совместным проявлением, направленным на формирование мысленного образа — замысла рукописи, структура которого объединяет понятийно-смысловые, формально-речевые, зрительно-двигательные элементы.

Понятийно-смысловая часть мысленного образа рукописи формируется на основе средств логического мышления в виде понятий, суждений, умозаключений. Способами его реализации выступают умственные действия — мыслительные операции: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстракция, конкретизация, классификация.

Понятия образуют мысли о признаках предметов и явлений действительности — общих и частных. Умение мыслить неразрывно связано с оперированием понятиями. Суждения устанавливают (утверждают или отрицают) связь между понятиями. Они подразделяются на простые и сложные. Умозаключения — это мысли, в которых из одного или нескольких суждений выводятся новые суждения, завершающие мыслительный процесс полностью или частично. Различаются умозаключения индуктивные, дедуктивные, по аналогии. Процесс формирования умозаключений базируется на оперировании понятиями и суждениями.

Сущность мысленных операций состоит из следующих операций. Анализ — это расчленение целого на части, выделение свойств и признаков предметов и явлений действительности. Синтез — мысленное объединение частей, свойств и признаков объектов в единое целое, системы и комплексы. Анализ и синтез тесно взаимосвязаны. Сравнение — мысленное установление сходства и различия между предметами и явлениями, их признаками. Обобщение — мысленное объединение предметов или явлений на основе выделения при сравнении общих и частных для них свойств

и признаков. Абстракция — мысленное отвлечение от каких-либо свойств или признаков предметов, явлений. Конкретизация — мысленное выделение из общего того или иного конкретного свойства и признака. Классификация — мысленное разделение и последующее объединение предметов, явлений, событий в группы и подгруппы по определенным признакам.

Как правило, логическое мышление осуществляется с использованием разных средств и способов. Их выбор и комбинирование на уровне замысла рукописи формирует интенцию мысли в качестве предмета акта письма. Ее структура образует план содержательной части будущего высказывания. В признаках письма эти действия получают следующее выражение:

- 1) мысль сформирована в виде понятий: общих, частных;
- 2) мысль сформирована в виде суждений: простых, сложных;
- 3) мысль сформирована в виде умозаключений: индуктивных, дедуктивных, по аналогии.

Формально-речевая часть мысленного образа рукописи складывается на основе речевого мышления в виде слов, словосочетаний, предложений, текста. Специфика данного процесса на уровне организации замысла рукописи определяется решением наиболее общих мыслительных задач с использованием языка и письменной речи. Средством формирования мысли при этом выступает язык, известный партнерам общения, а способом ее формулирования — письменная речь.

Язык — это система фонетических, лексических, грамматических средств выражения мыслей, чувств и волеизъявлений, служащая главным орудием общения людей [2]. Письменная речь на основе средств языка позволяет четко и полно формулировать мысли, так как «закрытая» ситуация общения при влиянии факторов времени и расстояния ничего восполнить уже не может. Напротив, в ситуации устного общения субъект, оперируя звуковой речью, только называет предметы и явления с учетом их временной последовательности. Мысль при этом может быть выражена сжато и лаконично до уровня ситуационно-контекстуальной восполнимости [3].

Единицами (элементами) системы языка выступают фонемы, морфемы, слова и фразеологизмы. Единицами речи являются словосочетания и предложения, возникающие при комбинации единиц языка в речевой цепи [4].

Фонема — это минимальная смысловозначительная единица языка. Морфема представляет

собой наименьшую единицу языка, обладающую лексическим и грамматическим значением. Для именования предметов и явлений окружающего мира в качестве единиц языка применяются слова. Фразеологизмы рассматриваются как свойственные определенному языку устойчивые словосочетания, смысл которых не определяется значением представленных в них слов. Единица речи, в которой есть главное слово и зависимое, является словосочетанием. Предложением выступает единица речи, состоящая из слов. Единица речи в виде группы предложений, связанных грамматически и по смыслу, образует текст.

В результате выбора и комбинирования средств языка и письменной речи логическая структура мысли преобразуется в формально-речевую, доступную для процесса коммуникации. Указанные действия получают рукописное выражение в следующих признаках письма:

- 1) мысль сформирована средствами определенного языка в виде слова, словосочетания, предложения, текста;
- 2) мысль сформирована средствами многоязычия;
- 3) мысль сформирована средствами языка частично;
- 4) мысль сформирована внеязыковыми средствами.

Частичное формирование мысли средствами языка имеет место, когда ее логическая структура преобразуется в формально-речевую не полностью, а выборочно по замыслу индивида, что характерно для комбинирования буквенного типа письма с пиктографическим и идеографическим. В этих случаях формально-речевые структуры рукописей дополняются пиктограммами и идеограммами — рисунками и символами, которые объединяются между собой в систему и получают комплексное выражение. Реализация актов собственно пиктографического и идеографического типов письма исключает применение языковых средств формирования мысли.

Зрительно-двигательная часть мысленного образа рукописи формируется на основе наглядно-образного мышления. Средствами его реализации являются графемы — единицы графической системы определенного типа и вида языкового и внеязыкового письма — идеографического и пиктографического. Способами данного мышления в акте письма являются умственные операции, связанные с формированием зрительно-двигательной части мысленного образа рукописи:

пространственно-ориентационные, структурно-геометрические, динамические.

Графема — минимальная единица графической системы языка [5]. В зависимости от типа языкового письма (буквенно-звуковое, буквенно-слоговое, иероглифическое, смешанное) обозначает фонему(ы), слог, морфему, слово. Употребляется в лингвистике как синоним терминов «буква», «письменный знак», «иероглиф». Варианты графемы именуется аллографами. Это начертания одноименных букв — строчных и прописных, характерные для разных каллиграфических стилей письма. Аллографы имеются в графических системах буквенно-звукового письма: кириллица, латиница, арабица и др. В буквенно-слововом письме различаются аллографы в составе индийской (деванагари), тайской, эфиопской графики. Аллографы используются в китайском иероглифическом письме. Они же представлены в смешанной графике — японской и корейской. Японское письмо объединяет систему иероглифов китайского происхождения и слоговые азбуки хирагана и катакана. В корейском письме хангыль проявляются черты буквенно-фонетической и силлабической графики. Аллографы разных каллиграфических стилей письма обнаруживают себя в русской скорописи и печатных шрифтах, китайской графике — деловое, травяное, уставное, ходовое письмо и т. д. Графемами внеязыкового пиктографического и идеографического письма являются пиктограммы и идеограммы, выражающие понятийное содержание рукописи.

Пространственно-ориентационные, структурно-геометрические, динамические умственные операции-действия позволяют на основе графем сформировать зрительно-двигательную часть мысленного образа рукописи. В то же время имеет место оперирование разнообразными зрительными и двигательными образами-представлениями, что завершается достижением определенного графического результата письма.

Пространственно-ориентационные операции формируют топографические структуры зрительно-двигательного образа рукописи в виде размещения графем на листе бумаги и относительно друг друга. Структурно-геометрические операции представляют топологические, метрические, конфигурационные, двигательно-ориентационные действия. Топологические операции определяют конструктивное строение и связность графем, количество, последовательность, соединение их элементов. Метрические операции устанавливают протяженность графем по вертикали и горизонтали. Конфигурационные операции направлены на орга-

низацию формы графем. Двигательно-ориентационные операции определяют направление движений при выполнении и соединении элементов графем. Динамические — скоростные, ритмические, нажимные операции устанавливают темп, цикличность, ритмичность движений, степень и характер нажима при выполнении отдельных графем, а также их сочетаний в масштабе рукописи.

Выбор и комбинирование графемами определенного типа и вида письма обеспечивает формирование пространственно-ориентационных, структурно-геометрических и динамических структур мысленного образа рукописи. В признаках письма эти действия получают следующее выражение:

- 1) используется графика буквенно-звукового типа и вида письма;
- 2) используется графика буквенно-слогового типа и вида письма;
- 3) используется графика иероглифического типа и вида письма;
- 4) используется графика смешенного типа и вида письма;
- 5) используется графика идеографического типа и вида письма;
- 6) используется графика пиктографического типа и вида письма;
- 7) используется графика разных типов и видов письма.

Признаки, характеризующие орудия и материалы письма. В целеполагании письменного акта наряду с прочими мыслительными операциями реализуются действия, связанные с выбором и комбинированием технических средств выполнения рукописи. Исходя из внешней обстановки и замысла индивида, ими являются традиционные и нетрадиционные орудия и материалы письма. Последние имеют близкие к традиционным или другие целевые свойства. Все указанные технические средства могут быть использованы в обычном или необычном порядке и виде.

Традиционными орудиями и материалами письма являются шариковые и перьевые ручки, специальная писчая бумага. К числу нетрадиционных технических средств письма относятся гелевые ручки, карандаши, мел, краски-аэрозоли, художественные кисти, губная помада, картон, пластик, салфетки, обои, ткани, стекло и др. Необычное использование орудий и материалов письма определяется выполнением рукописей разноцветными красителями, на изрезанной или надорванной бумаге и т. д.

Мыслительные действия по выбору и комбинированию орудий и материалов письма связаны

с формированием зрительно-двигательного образа технического выполнения рукописи на уровне плана действий. Его реализация в письменном акте имеет следующее материальное выражение:

- 1) используются традиционные орудия и материалы письма;
- 2) используются нетрадиционные орудия и материалы письма;
- 3) используются традиционные и нетрадиционные орудия и материалы письма;
- 4) необычное использование традиционных и (или) нетрадиционных орудий и материалов письма.

Признаки понятийно-смысловой организации рукописи. Данную группу образуют признаки, характеризующие логическое построение и смысловое содержание рукописи.

Признаки, характеризующие логическое построение рукописи. После формирования мысленный образ — замысел (план) рукописи получает реализацию в акте письма на основе принятия решения. Оценка и создание условий письма, включая привлечение орудий и материалов, позволяют индивиду приступить к программированию и непосредственному выполнению рукописи. При этом симультанная структура мысли, опираясь на взаимные связи и переходы ее логических, речевых и зрительно-двигательных элементов, получает успешное выражение.

Программирование рукописи начинается с построения ее содержательной части исходя из специфики замысла. Осуществляется корректировка отдельных понятийных структур с использованием средств и способов логического мышления. Устанавливается последовательность изложения мыслей, их количество, главные аспекты в содержании рукописи. В признаках письма эти действия получают следующее выражение:

- 1) архитектоника;
- 2) внесение изменений в архитектонику;
- 3) наличие, количество, размер, способ выделения абзацев;
- 4) акцентирование;
- 5) логические ошибки в понятиях, суждениях, умозаключениях.

Архитектоника — логическое построение рукописи. Проявляет себя в умении последовательно и связно излагать мысли, выделять главные разделы рукописи (введение, основная часть, заключение), устанавливать переходы между ними, аргументировать выдвинутые положения.

Внесение изменений в архитектонику. Имеет место, когда в рукописях наблюдается изменение

первоначального порядка следования абзацев, предложений, слов. Например, отдельные понятийно-смысловые структуры текста перенесены из одной части рукописи в другую с использованием стрелок или других графических обозначений.

Наличие, количество, размер, способ выделения абзацев. Характеризует понятийно-смысловую структуру текста, поскольку отражает навыки индивиду выделять главные мысли в рукописях определенным способом, нужном количестве и объеме.

Акцентирование также предназначено для выделения основных мыслей в рукописях. Способы акцентирования: подчеркивание линиями, выделение красителем, специальным шрифтом, разрядкой (расстановкой) букв, изменением наклона, размера слов и предложений.

Логические ошибки — это нарушения логической правильности рассуждений. Делятся на ошибки в понятиях, суждениях, умозаключениях. Логические ошибки в понятиях чаще всего связаны с делением понятий на части: «Маша собирала в лесу грибы и грузди», «Присутствовали ученые и доценты». Логические ошибки в суждениях проявляются в виде нарушений правила непротиворечивости суждений и др. Логические ошибки в умозаключениях предполагают нарушения аргументации и доказательств: неверная аналогия, ложная причинно-следственная связь, мнимое доказательство, взаимоисключение, подтасовка фактов и т. д.

Признаки, характеризующие смысловое содержание рукописи. Логическое программирование завершается организацией смыслового содержания рукописи. Данная структура базируется на замысле письменного акта, корректируется, дополняется и характеризуется определенным набором признаков, получающих следующее выражение:

- 1) смысловая содержательность;
- 2) смысловая целостность;
- 3) порядок смыслового содержания;
- 4) характер смыслового содержания;
- 5) завершенность смыслового содержания;
- 6) вставки, исправления, зачеркивания смыслового характера;
- 7) наличие символов.

Смысловая содержательность — это количество выраженных в рукописи мыслей, их значительность и соответствие действительности.

Смысловая целостность проявляется единством или утратой единства содержания рукописи. Единство выражается наличием логической связи между отдельными разделами (введение, основная часть, заключение) и абзацами рукописи, содержащимися в них понятийно-смысловыми структу-

рами — понятиями, суждениями, умозаключениями. Утрата единства смыслового содержания рукописи бывает полная и частичная. Полная утрата характеризуется нарушением логической связи между разделами, абзацами, понятийно-смысловыми структурами рукописи, вплоть до бессмысленного набора букв, слов, предложений, символов, рисунков. Частичная утрата единства смыслового содержания имеет место при отсутствии логической связи между отдельными разделами, абзацами, понятийно-смысловыми структурами рукописи. Например, письмо начинается фразой «Моя дорогая мама!» и заканчивается «Твой любящий брат».

Порядок смыслового содержания определяется как последовательный (логичный) и непоследовательный (нелогичный). Для последовательного изложения смыслового содержания рукописи присуще отсутствие резких переходов и возвратов при изложении мысли. Напротив, эти нарушения встречаются при непоследовательном изложении мысли.

Характер смыслового содержания может быть всесторонним — развернутым и фрагментарным. Всесторонний характер обнаруживает себя полнотой изложения мысли в качестве предмета письма. Фрагментарный характер выражается недостаточным раскрытием мысли в отдельных частях рукописи, что снижает уровень логической связи между ними.

Завершенность смыслового содержания рукописи проявляется в умении четко и полно формулировать мысли. Незавершенность смыслового содержания характеризуется резким обрывом изложения мыслей. К примеру, рукопись завершается фразой, которая по смыслу относится к вводной или основной части текста без дальнейшего продолжения речи.

Вставки, исправления, зачеркивания смыслового характера. Определяют изменение первоначального содержания рукописи. Например, в тексте имеются вставки, исправления, зачеркивания слов, словосочетаний, предложений, выражающие отдельные понятия, суждения, умозаключения.

Наличие символов. Символы — условные графические знаки, характеризующие смысловое содержание рукописи. Используются в акте письма для обозначения специальных понятий: №, %, \$, ©, @ и т. д.

Признаки эмоциональной организации рукописи. Логическую часть программы дополняют элементы, характеризующие эмоциональную окраску смыслового содержания рукописи. Они получают конкретное выражение в виде следующей группы признаков письма:

- 1) эмоциональная выразительность;
- 2) эмоциональная реактивность;
- 3) эмоциональная гипертрофированность.

Эмоциональная выразительность — это эмоциональная насыщенность окраски смыслового содержания рукописи. Может быть яркой — насыщенной или бледной — невыразительной.

Эмоциональная реактивность характеризует специфику эмоционального возбуждения, оценки, переживания внешних и внутренних факторов — раздражителей в акте письма. Характеризует экспансивность окраски смыслового содержания рукописи: сдержанность, порывистость, лабильность, ригидность, тревожность, оптимизм, пессимизм, радость, грусть, страх, гнев, отвращение, восхищение, презрение, злость, стыд, удивление, вину и т. д.

Эмоциональная гипертрофированность имеет место в случаях чрезмерного, неадекватного раздражителя эмоционального возбуждения индивида. Среди причин гипертрофированных эмоций выделяются психические и соматические патологические реакции. В рукописях они проявляют себя маниакальной, депрессивной, астенической, истерической эмоциональной окраской смыслового содержания.

Маниакальная эмоциональная окраска проявляется в смысловом содержании рукописи в виде веселой и гневливой мании, эйфории. Веселая мания связана с изложением основной мысли на фоне радостного настроения, чувства комфорта и прилива сил. Гневливая мания отражает повышенное расположение духа, которому сопутствуют раздражительность, придиричивость, негодование, злоба. Эйфория характеризуется выражением довольства, безопасности, безмятежности индивида.

Депрессивная эмоциональная окраска отражает вялость, слабость, угнетенность, опустошенность, обидчивость писавшего лица. В рукописях наблюдается заниженная самооценка, жалобы на отсутствие веры в свои силы, затруднение в принятии решений. Высказываются сомнения в правильности тех или иных поступков. Имеют место самоупреки в малодушии, неспособности «взять себя в руки». Порой высказываются суицидальные мысли. Может сопровождаться идеями ипохондрии, разорения, обнищания, преследования, отравления, ущерба и т. д.

Астеническая эмоциональная окраска смыслового содержания рукописи выражается раздражением, слабостью, повышенной утомляемостью, изменчивым настроением индивида.

Истерическая эмоциональная окраска проявляется в смысловом содержании рукописи бурными, резко сменяющимися друг друга чувствами возмущения, радости, неприязни, симпатии.

Признаки письменной речи и почерка, характеризующие свойства письменно-речевого и письменно-двигательного ФДК, относятся к числу наиболее разработанных. Тем не менее судебно-экспертная практика выдвигает новые задачи в их дальнейшем

развитии. Это вызвано значительным ростом материалов исследования рукописей с иностранным буквенным, иероглифическим, смешанным составом. В совершенствовании нуждается и система признаков штрихового почерка. На основе указанных знаний создается методический потенциал судебного почерковедения, влияющий на качество правоохранительной деятельности.

1. Бобовкин М. В., Ручкин В. А., Соловьева Н. А. Судебное почерковедение: актуальные вопросы развития // Судебная экспертиза. 2021. № 4 (68). С. 32—42.

2. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Москва: Астрель, 2000. 620 с.

3. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. 2-е изд. Москва: Просвещение, 1985. 160 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Сов. энцикл., 1990. 685 с.

5. Большая российская энциклопедия. В 35 т. Т. 7 / гл. ред. Ю. С. Осипов. Москва: Большая Рос. энцикл., 2007. 766 с.

1. Bobovkin M. V., Ruchkin V. A., Solovieva N. A. Forensic graphology: topical developing issues. Forensic examination, 32—42, 2021. (In Russ.).

2. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. Dictionary and reference book of linguistic terms. Moscow: Astrel; 2000: 620. (In Russ.).

3. Zimnyaya I. A. Psychological aspects of teaching foreign language speaking. Moscow: Prosveshchenie; 1985: 160. (In Russ.).

4. Linguistic encyclopedic dictionary. Gen. red. V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya Encyclopedia; 1990: 685. (In Russ.).

5. The Great Russian Encyclopedia. In 35 vols. Vol. 7. Gen. red. Yu. S. Osipov. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2007: 766. (In Russ.).

Бобовкин Михаил Викторович,

профессор кафедры
исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
профессор кафедры
«Безопасность в цифровом мире»
Московского государственного
технического университета
имени Н. Э. Баумана,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации;
mbobovkin@yandex.ru

Ручкин Виталий Анатольевич,

профессор кафедры судебной экспертизы
и физического материаловедения
Волгоградского государственного
университета,
профессор кафедры основ
экспертно-криминалистической
деятельности

Bobovkin Mikhail Victorovich,

professor at the department
of documents examination
of the educational and scientific complex
of forensic science
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
professor at the department of safety
in the digital world
of the Bauman Moscow State
Technical University,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored lawyer of the Russian Federation;
mbobovkin@yandex.ru

Ruchkin Vitaly Anatolievich,

professor at the department of forensic science
and physical materials science
of the Volgograd State University,
professor at the department of foundations
of the forensic activity
for the educational and scientific complex
of the forensic science activity

учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической
деятельности
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации;
v.ruchkin@yandex.ru

of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored scientist of the Russian Federation;
v.ruchkin@yandex.ru

Бобовкин Станислав Михайлович,
доцент кафедры исследования документов
учебно-научного комплекса
судебной экспертизы
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;
s.m.bobovkin@yandex.ru

Bobovkin Stanislav Mikhailovich,
associate professor at the department
of documents examination
of the educational and scientific complex
of forensic science
of the Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
candidate of juridical sciences, docent;
s.m.bobovkin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.04.2025; одобрена после рецензирования 05.05.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 30.04.2025; approved after reviewing 05.05.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.985.3:343.144

**ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТАТЬЕЙ 264.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ****Евгений Иванович Замылин*, Дарья Александровна Москаленко****

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия

* efrommm@mail.ru

** darya2013lavrova@yandex.ru

Аннотация. Расследование преступлений по факту задержания лица за управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) в целом проходит в бесконфликтной ситуации; основной проблемой, возникающей при получении показаний, являются «провалы» в памяти задержанного, характерные для индивида, управлявшего транспортным средством в алкогольном или наркотическом опьянении. Устранить неточности в показаниях помогают не только традиционные криминалистические приемы, но и использование возможностей цифровых следов в сочетании с иными доказательствами по делу. Однако противодействие расследованию все же не исключено; оно, как и по иным делам, проявляется в качестве защитной доминанты подследственного. Эффективность применения тактических приемов здесь прямо пропорциональна возможности нейтрализации лжи и получения достоверной информации по делу; при построении тактики допроса за основу берется совершение преступления небольшой тяжести и его очевидность. Предлагаемые тактические приемы в целом не могут служить готовой моделью поведения дознавателя, они строго индивидуальны и носят рекомендательный характер.

Ключевые слова: дознаватель, расследование, подозреваемый (обвиняемый), состояние опьянения, допрос, тактические приемы, бесконфликтная ситуация, конфликтная ситуация

Для цитирования: Замылин Е. И., Москаленко Д. А. Тактика допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, предусмотренного статьей 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 95—102.

**INTERROGATION TECHNIQUES APPLIED
TO THOSE SUSPECTED IN / ACCUSED
OF HAVING COMMITTED A CRIME
PROVIDED FOR BY ARTICLE 264.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION****Yevgeny Ivanovich Zamylin*, Dariya Alexandrovna Moskalenko****

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia

* efrommm@mail.ru

** darya2013lavrova@yandex.ru

Abstract. Generally investigating crimes related to the persons detained for drunk driving (Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) is conducted without conflicts, whereas the major challenge for obtaining testimony is memory "gaps" typical for a person while being drunk-driving or driving intoxicated. In order to eliminate the testimony inaccuracies and support traditional forensic techniques, it is recommended to use digital print potential combined with other evidence in the case. However, impeding investigation nevertheless takes place as a typical feature of any case and a way of the accused person's defensive behavior. The effectiveness of tactical techniques application is in direct ratio to the possibility of handling lies and eliciting credible information in the case. Interrogation tactics should be based on the obviousness of misdemeanor commission.

The interrogation tactics offered in the paper generally can't be used as a ready-made model of an interrogator's behavior; they are strongly individual and advisory in nature.

Keywords: interrogator, investigation, suspect (accused), state of intoxication, interrogation, tactical techniques, non-conflict situation, conflict situation

For citation: Zamylin Ye. I., Moskalenko D. A. Interrogation techniques applied to those suspected in / accused of having committed a crime provided for by Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 95—102, 2025. (In Russ.).

Умение использовать диалог для поисков и установления истины можно считать признаком высокой культуры расследования.

Профессор В. Л. Васильев

Допрос относится к числу наиболее распространенных следственных действий; в процессе его проведения не только выясняются и устанавливаются искомые обстоятельства по делу, но и проверяется на достоверность та или иная информация, имеющая отношение к совершенному уголовно наказуемому деянию, осуществляется градация и значимость ее доказательственной ценности в процессе установления истины по делу. Тактике и психологии проведения данного следственного действия (в рамках раздела «Криминалистическая тактика» и применительно к методике расследования отдельных видов преступлений) посвящены труды многих видных деятелей науки в области криминалистики, внесших весомый вклад в ее становление и развитие [1]. Специфика допроса наглядно проявляется и при проведении расследования по факту задержания лица за управление транспортным средством в состоянии опьянения, которое ранее было подвергнуто административному наказанию или имело судимость.

Общественная опасность и характер вреда, причиняемого преступлениями данной категории, не вызывают сомнений: за последние пять лет в 72 672 дорожно-транспортных происшествиях, совершенных водителями в состоянии опьянения, погибли 18 156 и были ранены 95 157 человек¹. Для привлечения виновных к уголовной ответственности дознавателю необходимо качественно, в полном объеме и в срок сформировать доказательственную базу по факту совершенного деяния. В ходе расследования особую значимость имеет личность преступника: наиболее информативным следственным действием по делу будет

именно его допрос как лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ).

Нельзя не признать тот факт, что во время первоначального допроса данной категории лиц возникает особая психологическая ситуация, характеризующаяся повышенной остротой, концентрированностью и насыщенностью психологическими приемами и методами, используемыми в процессуальной части его реализации [2, с. 33]. Не акцентируя внимания на иных этапах подготовки, обратимся к этапу изучения личности подследственного, предшествующему допросу, подчеркивая, что недопустимая поверхностная деятельность в этом направлении — причина появления существенных недостатков в тактике проведения следственного действия. Во многом это предопределено временными факторами, когда у дознавателя нет времени для получения «полноценной» информации о подозреваемом на первоначальном этапе расследования для производства грамотного и структурированного допроса. Будем объективны: если не брать в расчет первичные материалы, полученные в результате обязательной процедуры оформления на момент задержания лица за управление транспортным средством в состоянии опьянения, то мы, приступая к допросу подозреваемого, иной информацией о нем практически не обладаем.

Если коснуться личностных качеств подозреваемого (обвиняемого), проявляющихся как в момент совершения рассматриваемого нами уголовно наказуемого деяния, так и в ходе дачи показаний, то следует признать, что они сугубо индивидуальны, присущи только ему и обуславливают соответствующее поведение. Это и мысли, и чувства, и интересы, и нравственные установки, и иные компоненты, в той или иной ситуации в их совокупности имеющие самое непосредственное отношение к процессу получения дознавателем искомой информации по делу. Анализ психологических качеств личности, вовлеченной в расследование, позволяет дознавателю моделировать ее поведе-

¹ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения за 2020—2024 гг. URL: <http://www.stat.gibdd.ru> (дата обращения: 20.01.2025).

ние не только на допросе, но в течение всего досудебного производства по делу. В целом это накладывает определенные обязательства на должностное лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, и в очередной раз возводит в абсолют то, что недостаточное изучение личности до проведения следственного действия «обнажает» существенные недочеты, негативно проявляющиеся в ходе допроса.

Как мы уже говорили, налицо здесь отсутствие необходимого количества времени: отметим трудозатратность данных процедур в условиях высокой рабочей загруженности дознавателя (не признает это в настоящее время лишь тот, кто далек от правоприменительной деятельности). Поэтому, чтобы получить хотя бы минимум необходимой информации о подозреваемом в целях выработки тактики допроса (как правило, это касается подготовительных мероприятий к его проведению), мы предлагаем проводить экспресс-анализ личности посредством просмотра ее аккаунтов в социальных сетях; это не потребует большой затраты времени, сил и средств.

Должностное лицо может получить из социальной сети «...сведения о личности подозреваемого, его увлечениях, неправомерных действиях... Компьютерная информация — уникальный феномен в материальном плане — характеризуется большим объемом, быстрой обработкой... является общедоступной; обладает свойством тождества оригинала и копии... сжатие и последующее восстановление не отражается на ее содержании» [3, с. 246, 247]. Относительно современных условий можно говорить о постах и записях в социальных сетях на телекоммуникационных платформах, позволяющих путем просмотра выкладываемых фотографий, видеозаписей, «заочного знакомства» с кругом общения подозреваемого, т. е. «проникновения» в ретранспируемую информацию на ту или иную заданную тему, «очертить» круг его интересов и знакомств, в результате чего сформировать общее представление о личности допрашиваемого лица еще до момента проведения следственного действия. Именно в результате означенной деятельности дознаватель вполне реально может обнаружить и информацию о пристрастии лица к алкоголю или наркотикам, и, возможно, выложенные посты, в которых данная категория лиц имеет обыкновение «бравировать» перед окружением, в том числе подписчиками, употребляя спиртное или наркотики даже при управлении транспортным средством.

Не ограничиваясь только экономией времени в получении искомой информации и ее «общедоступностью», следует признать и ее более объективную составляющую. Еще в свое время, занимаясь данной проблемой, профессор А. Р. Ратников замечал, что «цитаты, выписанные в тетради из книг, могут раскрывать личность лучше, чем характеристика из домоуправления или отзыв сослуживца» [4, с. 26]. В итоге развитые навыки психологического анализа, которые должны быть присущи дознавателю, дают ему возможность без особого труда на первоначальном этапе расследования смоделировать хотя бы в общих чертах психологический портрет лица, вовлеченного в процесс расследования в качестве подозреваемого.

В целом за основу построения тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, мы берем следующие обстоятельства:

— во-первых, данное преступление совершено в условиях очевидности, т. е. лицо, его совершившее, известно на момент возбуждения уголовного дела. Свидетелями-очевидцами его совершения являются как лица, задержавшие фигуранта за управление транспортным средством в состоянии опьянения в силу своих служебных обязанностей (это, как правило, работники патрульной службы Госавтоинспекции, не менее двух человек), так и иные лица (пассажиры в автомобиле задержанного, участники дорожного и пешеходного движения), и, конечно, медицинские работники (если проводилось освидетельствование);

— во-вторых, наличие «виртуально-цифровых» следов, где находит отражение сам факт совершения преступления и реагирование водителя транспортного средства на задержание как факт пресечения его уголовно наказуемого деяния. Материальными носителями цифровой информации здесь в обязательном порядке будут выступать приборы регистрации информации «Дозор», находящиеся в ведении работников ГАИ, а также иные камеры видеонаблюдения, в том числе системы «Безопасный город» и пр. В данном случае имевшее место противоправное деяние зафиксировано на «независимом» от субъективной оценки носителя; в отличие от «идеальных» следов объективный характер полученной информации (при надлежащем процессуальном оформлении и признании цифровых следов доказательствами по делу) практически невозможно оспорить стороной защиты;

— в-третьих, преступление, охватываемое диспозицией ст. 264.1 УК РФ, с учетом характера

и степени общественной опасности деяния относится к категории небольшой тяжести, что при деятельном раскаянии в совершенном и активном сотрудничестве с органом расследования не исключает возможности для виновного «избежать» наказания в виде лишения свободы.

Должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело, в интересах расследования должно довести до подозреваемого (обвиняемого) перечисленные нами обстоятельства как залог эффективности будущего допроса; желательно при этом заручиться поддержкой защитника-адвоката, который поможет фигуранту вникнуть в существо стоящей перед сторонами проблемы. Изложенные нами обстоятельства в их совокупности подспудно (когда они доведены до стороны защиты) будут, безусловно, формировать благоприятную ситуацию в ходе расследования в целом; а допрос сам по себе не подразумевает конфликт, если дознаватель не спровоцирует его.

Чтобы избежать указанного конфликта, должностному лицу требуется принять за правило необходимость налаживания делового сотрудничества с фигурантом по делу, мысленно прорабатывая пути его достижения еще до официальной встречи с подследственным. В совокупности это и способ вызова, и место проведения допроса, и его организационная сторона, и манера обращения, и даже выражение лица и внешний вид дознавателя и т. д. О важнейшем условии результативности допроса заявляют психологи, акцентируя внимание на таком сложном психологическом феномене, как первое впечатление, которое производит каждая из взаимодействующих сторон на другую; оно включает в себя чувственный, логический и эмоциональный компоненты, те или иные особенности облика и поведения человека, оказывающегося объектом познания [5, с. 178]. Можно сказать, что первое впечатление формирует основу для установления психологического контакта с подследственным. На данном этапе проявляются такие профессионально значимые качества дознавателя, как «умение преподнести себя» в процессе доведения до сведения допрашиваемого, в совершении какого преступления он подозревается, разъяснения его прав и обязанностей, оказания возможной консультации и помощи в деле вовлечения в уголовный процесс защитника и пр. Определенную роль в этом процессе опять же играет небольшая тяжесть той категории преступления, за совершение которого в отношении фигуранта возбуждено уголовное дело, а также осознание им самим перспективы содействия органу рас-

следования; не последнее значение в позитивном «осознании» имеет коммуникативная компетентность, творческий подход дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело.

Установление психологического контакта можно представить как достижение того уровня взаимопонимания, доверия и деловой активности, когда подозреваемый (обвиняемый) готов сообщить дознавателю интересующие его сведения, а последний в рамках требований законодательства — их зафиксировать и эффективно использовать в ходе расследования. По мнению профессора Г. А. Зорина, для формирования устойчивой деловой активности взаимодействующих сторон важными качествами личности должностного лица являются интеллектуальные, характерологические (настойчивость, самостоятельность, самообладание, принципиальность, последовательность, решительность, оперативность и т. п.), психофизиологические (способность к сосредоточению, эмоциональная уравновешенность, психическая выносливость, внимательность, переключаемость, быстрая ориентировка в новых условиях, «помехоустойчивость») и др. [6, с. 8] Обладание перечисленными качествами значительно упрощает решение дознавателем задачи формирования психологического контакта с фигурантом, вовлеченным в процесс расследования, независимо от складывающейся следственной ситуации. В свою очередь, однажды достигнутый контакт «требует» поддержания, и это не менее значимая составляющая тактики: иногда его достичь значительно легче, чем сохранить на протяжении всего расследования по делу.

Основываясь на результатах проведенного исследования¹, мы утверждаем, что процессу расследования данной категории преступлений в большинстве случаев присуща бесконфликтная ситуация: производство по уголовным делам (практически в 90 % случаев) осуществляется в условиях, когда интересы дознавателя и подследственного схожи, а причины для противодействия отсутствуют. На этапе вовлечения в уголовный процесс фигурант по делу не имеет намерения противодействовать установлению истины по делу, его показания в ходе допроса в качестве подозреваемого, как правило, не противоречат собранным доказательствам, а сам он раскаивается

¹ В ходе исследования было изучено 134 уголовных дела, возбужденных по признакам ст. 264.1 УК РФ (как находящихся в производстве у дознавателя, так и рассмотренных в суде).

в совершенном. Однако хотим заострить внимание на такой характерной проблеме, как своеобразные «провалы» в памяти подозреваемого (обвиняемого) в момент проведения допроса с его участием. Они характерны для лица, находившегося за управлением транспортного средства в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что и послужило причиной его задержания. Как правило, индивид в подобном состоянии физически неспособен к длительному концентрированию внимания (оно рассеяно, а наблюдательность притуплена). Точность и полнота воспоминаний подозреваемого о происшедшем на месте задержания иногда довольно далеки от истинного положения дел; во многом это обусловлено степенью опьянения задержанного. Утрачивая способность удерживать воспоминания, фигуранты по делу становятся подверженными внушению (особенно в состоянии наркотического опьянения) и довольно легко усваивают информацию, даже не соответствующую действительности, полученную порой случайно на месте происшествия или в момент медицинского освидетельствования. Информация, «случайно» отложившаяся в их сознании, порой из самых благих побуждений упорно выдается ими за истину в ходе допроса, проводимого дознавателем в рамках расследования.

В связи с этим необходимо крайне осторожно подходить к оценке показаний данной категории лиц с позиции достоверности даже в случае их деятельного раскаяния и искреннего намерения содействовать расследованию; признательные показания не должны априори браться на веру. Лицам, совершившим преступление рассматриваемой категории, иногда свойственно фантазировать, домысливать и даже неосознанно не принимать происшедшее. Не единичны факты, когда фигуранты, будучи в нетрезвом состоянии (тем более на фоне алкогольной или наркотической зависимости), не воспринимают совершенное ими деяние как уголовно наказуемое, объясняя это тем, что их действия никому не причинили ни физического, ни материального ущерба. Имеет место и такое обоснование ими своей позиции: даже дорожно-транспортное происшествие их «миновало». Так, С., управлявший автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, при даче объяснения сотрудникам ГАИ заявил, что, увидев на автодороге «Пенза — Шемышейка — Лопатино» патрульный автомобиль, развернулся и поехал в другую сторону не потому, что употреблял алкогольные напитки, а так как был лишен водительского удостоверения и опасался за это

быть привлеченным к административной ответственности. Когда ему разъяснили, что в его действиях уже усматривается не только административное правонарушение, но и уголовно наказуемое деяние, С. в документах административного производства ставить свою подпись отказался. Свою позицию при этом мотивировал тем, что никакого преступления, по его мнению, он не совершил, а после работы «выпил с устатку» и следовал домой¹.

Несомненно, в условиях бесконфликтной ситуации в качестве приемов восстановления в памяти подозреваемого забытой информации можно применять допрос на месте совершения преступления, так называемый метод ассоциативных связей и пр. Считаем также вполне допустимым воспроизведение обстановки места происшествия, при котором, кроме традиционных приемов, имеющих место в криминалистике (использование фотографий, зарисовок, различных планов, схем и пр.), следует обратиться к возможностям цифровых носителей. Наряду с предъявлением иных доказательств по делу в целях устранения неясностей, неточностей в показаниях подозреваемого (обвиняемого), сотрудничающего с органом расследования, но ссылающегося на провалы в памяти, желательно ознакомить его с аудио- и видеозаписями, зафиксировавшими преступное деяние — как момент задержания за управление транспортным средством в состоянии опьянения, так и последующее его оформление. Основным материальным носителем цифровой информации здесь будут являться приборы регистрации информации «Дозор».

Несмотря на то что мы располагаем эмпирическими данными о безусловном превалировании бесконфликтной ситуации в ходе расследования, сотрудничестве стороны защиты со стороной обвинения, нельзя оставлять за пределами внимания и противодействие расследованию. Оно проявляется и в виде активных действий (подозреваемый (обвиняемый) сообщает заведомо недостоверные сведения по факту задержания за управление транспортным средством в состоянии опьянения или чередует их с информацией, которая соответствует действительному положению дел), и пассивных (подследственный отказывается вступать в диалог). Так, более 10 % подозреваемых (обвиняемых) в ходе расследования по делам данной категории противодействуют установлению истины

¹ Уголовное дело № 1-179/2023 // Архив Пензенского районного суда Пензенской области.

по делу посредством дачи заведомо ложных показаний или отказа от дачи показаний. Например, по одному из уголовных дел Ш., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, отказался от дачи показаний в ходе расследования и заявил о своем законном праве, закрепленном в ст. 51 Конституции Российской Федерации, хотя затем в судебном заседании вину в инкриминируемом ему преступлении признал полностью¹.

Это свидетельствует о том, что даже по факту задержания лица за управление транспортным средством в состоянии опьянения, когда преступление совершено в условиях очевидности, противодействие расследованию не исключено; ложь в показаниях задержанных была и будет. Еще в начале исследовательской деятельности мы пришли к однозначному выводу (который подтвердился и в дальнейшем) о том, что в лице подозреваемого и обвиняемого следователь (дознатель), как правило, имеет дело с индивидом, пытающимся представить свои противоправные действия и поведение в более выгодном для него свете. Даже в случае сотрудничества этого индивида со следствием нельзя не учитывать вполне закономерный факт: никто из участников расследования так не заинтересован в положительном (для себя) исходе дела, как подследственный; здесь довольно отчетливо прослеживается защитная доминанта в виде, позволим себе так выразиться, «самообережения» (более подробно об этом см.: [7, с. 30—31]).

В литературе, освещающей проблемы криминалистической тактики, широко представлены тактические приемы допроса подозреваемых и обвиняемых в условиях конфликтной ситуации [7; 8]. Однако не все они могут быть применены в ходе получения показаний у фигуранта, подозреваемого в совершении рассматриваемой нами категории преступлений. Эффективность того или иного тактического приема в ходе «конфликтного» следствия прямо пропорциональна возможности нейтрализации лжи и получения наиболее полной и достоверной информации по делу во время допроса. Ограничимся упоминанием некоторых из них, как нам представляется, наиболее «ярких» и решающих проблему получения достоверной информации в ходе допроса лица, вовлекаемого в уголовный процесс в качестве подозреваемого (обвиняемого) в управлении транспортным средством в состоянии опьянения.

Для наглядности обратимся к такому тактическому приему, как нейтрализация доводов подследственного посредством логики доказывания и опровержения с побуждением допрашиваемого к принятию внутренне осмысленного решения, — это применимо практически в любом случае оказания противодействия. Берем за основу то, что данное преступление очевидное, налицо доказательственная база, уличающая индивида в инкриминируемом деянии. В рамках закона мы на полном основании можем обратиться «за поддержкой» к адвокату как представителю стороны защиты. При этом происходит акцентирование внимания подозреваемого (обвиняемого) на роли и значимости в уголовном процессе защитника, который, представляя интересы своего подзащитного, не может игнорировать право знать, в чем тот обвиняется, и иметь представление о доказательственной силе тех или иных материалов по делу. Как правило, применение данного тактического приема обусловлено таким воздействием на допрашиваемого, при котором дознаватель аргументирует свою позицию посредством предъявления различных доказательств виновности оппонента в совершении конкретных противоправных действий. В результате в ходе допроса не только решается проблема получения искомой информации, но и закладывается основа для содействия расследованию в дальнейшем.

Нельзя игнорировать в создавшейся конфликтной ситуации использование и такого тактического приема, как фиксация показаний посредством использования звуко- и видеозаписи. Данный прием рассчитан на способность лица, совершившего пусть небольшой тяжести, но все же преступление, к критическому мышлению, его возможность оценить на должном уровне убедительность предстоящего способа фиксации исходящей от него информации как процесс познания объективной действительности. В подобной ситуации фигурант вполне реально осознает, что показания, противоречащие материалам по делу, где доказана его вина, будут не только представлены в суде в письменном виде, но и воспроизведены «наглядно». Так психологически дознаватель готовит подозреваемого (обвиняемого) к сотрудничеству с органом расследования.

Используя в процессе применения тактического приема нейтрализации и преодоления лжи в показаниях подозреваемого (обвиняемого) максимальную детализацию и конкретизацию его показаний, дознаватель прибегает к методу допроса в прямом и обратном порядке, с изменением темпа за-

¹ Уголовное дело № 1-236/2022 // Архив Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда.

даваемых им вопросов. Процесс дачи ложных показаний является своего рода творческой работой, в то время как повествование о реально произошедших событиях — лишь работа по воспроизведению данных. В связи с этим вполне допустимо представить дачу ложных показаний подозреваемым в виде алгоритма: «вопрос дознавателя → мыслительный процесс по воспоминанию действительных событий → анализ информации на предмет допустимости к оглашению → искажение реальности → соотношение искаженного варианта ответа с правдоподобностью и реакцией дознавателя → ложные показания». Понимание данной схемы позволяет дознавателю в верном ключе анализировать поведение подследственного, паузы, которые он делает перед дачей ответа на тот или иной вопрос по существу совершенного деяния.

Убеждение подследственного в необходимости сообщения правдивых сведений по факту управления транспортным средством в состоянии опьянения с сопутствующими ему обстоятельствами предопределено самим деянием — совершением преступления небольшой тяжести в условиях очевидности. Фигурант по делу в данной ситуации под воздействием вопросов дознавателя и разъяснений действующего законодательства защитником осознает и принимает тот факт, что противодействие расследованию не в его интересах. Позиция дознавателя должна быть ясна для виновного — это определение положительных перспектив, где такое активное содействие в установлении истины по делу, как деятельное раскаяние в совершенном, безусловно, будет играть существенную роль в определении и назначении наказания.

Думаем, не совсем уместны здесь такие рекомендуемые для использования на практике в ходе противодействия расследованию приемы получения достоверной информации, как «косвенный допрос», «следственные хитрости», «допущение легенды» и пр. Мы опять же обращаем внимание на то, что данное преступление очевидное, доказательства виновности фигуранта налицо, необходимость получения дополнительных сведений от подозреваемого (обвиняемого) подспудно (посредством второстепенных вопросов, которые воспринимаются как менее опасные, или «следственных хитростей» как мастерства, искусности в получении искомой информации) отсутствует.

Подводя итог нашего исследования, отметим следующее. Тактика допроса лица, задержанного за управление транспортным средством в состоянии опьянения, предопределена характером и степенью общественной опасности деяния, которое относится к категории небольшой тяжести и совершено в условиях очевидности, а виновный на момент возбуждения уголовного дела известен и задержан. Изложенные тактические приемы допроса, независимо от следственной ситуации, не могут служить готовой моделью поведения дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, они строго индивидуальны и носят сугубо рекомендательный характер. Данный перечень не является исчерпывающим и может быть расширен с учетом конкретной складывающейся ситуации.

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1908. 1049 с.; Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений: учеб. пособие. Москва: Юрид. лит., 1970. 208 с.; Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйш. шк., 1973. 367 с.; Быховский И. Е., Глазырин Ф. В., Питерцев С. К. Допустимость тактических приемов при допросе: учеб. пособие. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1989. 48 с.; Зорин Г. А. Руководство по тактике допроса: учеб.-практ. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2001. 320 с.; Бахин В. П. Тактика — профессионализм и мастерство при общении: учеб. пособие. Киев: Изд-во Семенко Сергея, 2006. 108 с.; и др.

1. Gross H. A manual for criminal investigators as a system of criminalistics. Saint Petersburg: M. Merkushev Pub.; 1908: 1049. (In Russ.); Vasiliev A. N., Karneeva L. M. Interrogation tactics in crime investigation. Handbook. Moscow: Juridical literature; 1970: 208. (In Russ.); Porubov N. I. Interrogation in the Soviet criminal procedure. Monograph. Minsk: Vysheish. shkola; 1973: 367. (In Russ.); Bykhovsky I. Ye., Glazyrin F. V., Pitertsev S. K. Tactical techniques admissibility in interrogation. Handbook. Volgograd: HITC MIA USSR; 1989: 48. (In Russ.); Zorin G. A. Interrogation tactics manual. Handbook. Moscow: Yurlitinform; 2001: 320. (In Russ.); Bakhtin V. P. Tactics are professionalism and excellence in communication. Handbook. Kyiv: Semenکو Sergey Publishing; 2006: 108. (In Russ.).

2. Галустьян О. А., Белоусов А. Д., Реутская И. Е. Психология первоначального допроса подозреваемого // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2. С. 31—34.

3. Компьютерная информация в следственной деятельности: сбориание, оценка, использование: учеб. пособие / Ю. Ф. Каменецкий [и др.]; под общ. ред. Ю. Ф. Каменецкого. 2-е изд., перераб. Минск: СтройМедиаПроект, 2023. 384 с.

4. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей: учеб. пособие. Москва: Юрлитинформ, 2001. 352 с.

5. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком: монография. Москва: МГУ, 1982. 199 с.

6. Зорин Г. А. Психологический контакт при производстве допроса: учеб. пособие. Гродно: ГрГУ, 1986. 71 с.

7. Замылин Е. И. Тактико-психологические основы допроса в конфликтной ситуации: учеб. пособие. Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. 72 с.

8. Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск: Вышэйш. шк., 1978. 175 с.; Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. 192 с.; Питерцев С. К., Степанов А. А. Тактические приемы допроса: учеб. пособие. Санкт-Петербург: С.-Петерб. юрид. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 2006. 56 с.; Бочкарев М. В. Психологические основы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого: монография. Саратов: Саратов. юрид. ин-т МВД России, 2008. 137 с.; и др.

Замылин Евгений Иванович,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
efrommm@mail.ru

Москаленко Дарья Александровна,

адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России;
darya2013lavrova@yandex.ru

2. Galustiyan O. A., Belousov A. D., Reutskaya I. Ye. The psychology of the preliminary interrogation of a suspect. Psycho-pedagogy in law enforcement, 31—34, 2006. (In Russ.).

3. Kamenetsky Yu. F. (et al.) Computer information in investigative activity: gathering, evaluation and application. Handbook. Minsk: StroyMediaProekt; 2023: 384. (In Russ.).

4. Ratinov A. R. Forensic psychology for investigators. Handbook. Moscow: Yurlitinform; 2001: 352. (In Russ.).

5. Bodalev A. A. Perception and understanding among people. Monograph. Moscow: MSU; 1982: 199. (In Russ.).

6. Zorin G. A. Psychological contact in interrogating. Handbook. Grodno: GrSU; 1986: 71. (In Russ.).

7. Zamylin Ye. I. Tactical and psychological bases of interrogation in a conflict situation. Handbook. Volgograd: VLI MIA of Russia; 1998: 72. (In Russ.).

8. Porubov N. I. Scientific bases of interrogation during the preliminary investigation. Minsk: Vysheish. shkola; 1978: 175. (In Russ.); Zakatov A. A. Lies and how to struggle it. Volgograd: Nizhne-Volzhskoe book publishing; 1984: 192. (In Russ.); Pitertsev S. K., Stepanov A. A. Tactical techniques of interrogation. Handbook. Saint Petersburg: Saint-Petersburg juridical institute of General Prosecution office of the Russian Federation; 2006: 56. (In Russ.); Bochkarev M. V. Psychological bases of interrogation tactics of a suspect or accused. Monograph. Saratov: Saratov juridical institute of the MIA of Russia; 2008: 137. (In Russ.).

Zamylin Yevgeny Ivanovich,

professor at the department of criminalistics
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation in the interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor;
efrommm@mail.ru

Moskalenko Dariya Alexandrovna,

associate adjunct
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
darya2013lavrova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 10.02.2025; approved after reviewing 17.02.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.985.7:343.7

**ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ
С КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
МОШЕННИЧЕСТВ И ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛУОППОТРЕБЛЕНИЯ
СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ, СОВЕРШЕННЫХ ПРИ ЗАКАЗЕ
И ПРИЕМКЕ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

Павел Александрович Капица

Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь, Минск, Республика Беларусь, pauluk1756@yandex.by

Аннотация. В публикации на основании анализа эмпирической базы (уголовные дела, рассмотренные судами Республики Беларусь, и материалы проверки по сообщению о совершенном преступлении) представлены основные виды компьютерной информации, формируемой в ходе подготовки и совершения мошенничеств и хищений путем злоупотребления служебными полномочиями при заказе и приемке программного обеспечения. Компьютерная информация разделена автором на непосредственно связанную с разработкой программного обеспечения и относящуюся к иным обстоятельствам совершенного хищения. Определены наиболее вероятные носители компьютерной информации по делам рассматриваемой категории. Описаны организационно-тактические особенности собирания доказательственной компьютерной информации, ее осмотра и анализа. Выделены основные этапы осмотра мобильного устройства, содержащего криминалистически значимую компьютерную информацию. Сформулированы вопросы для назначения компьютерно-технического экспертного исследования, в ходе производства которого должно быть оценено проверяемое программное обеспечение. Изучение материалов следственной и экспертной практики позволяет констатировать, что наиболее значимым является разрешение диагностических (соответствие программного обеспечения определенным критериям, условиям договора, техническому заданию и т. д.) и идентификационных (сравнение программного кода) задач.

Ключевые слова: компьютерная информация, хищения, мошенничество, программное обеспечение, расследование преступлений, тактика следственных действий

Для цитирования: Капица П. А. Особенности работы следователя с компьютерной информацией при расследовании мошенничеств и хищений путем злоупотребления служебными полномочиями, совершенных при заказе и приемке программного обеспечения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 103—110.

**SPECIFICS OF THE INVESTIGATOR'S WORK
WITH COMPUTERIZED INFORMATION
WHILE INVESTIGATING FRAUDS AND THEFT
BY OFFICIAL POWERS ABUSE,
COMMITTED WHEN ORDERING AND ACCEPTING SOFTWARE**

Pavel Aleksandrovich Kapitsa

Institute for Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, pauluk1756@yandex.by

Abstract. The article, based on the analysis of the empirical base (criminal cases considered by the courts of the Republic of Belarus and verification materials on crime reports), presents the main types of computerized information being created during the frauds and thefts preparation and commission by official powers abuse when ordering and accepting software. The author distinguishes computerized information directly related to software development and computerized information related to other theft circumstances. The most probable computer storage devices on cases of the category under consideration are determined. The organizational and tactical features of collecting evidentiary computerized information, its examining and analyzing are described.

The main stages of examining of a mobile device containing forensically significant computerized information are identified. Questions for the computer-technical examination appointment are formulated, during which the software being checked should be assessed. The study of the materials of investigative and forensic practice allows us to state that the solution of diagnostic (software compliance with certain criteria, terms of the contract, technical specifications, etc.) and identifying (program code comparison) problems are of the most significance.

Keywords: computerized information, theft, fraud, software, crime investigation, tactics of investigative actions

For citation: Kapitsa P. A. Specifics of the investigator's work with computerized information while investigating frauds and theft by official powers abuse, committed when ordering and accepting software. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 103—110, 2025. (In Russ.).

Сфера разработки программного обеспечения (далее — РПО) является высоковостребованной индустрией, технологические достижения которой обеспечивают необходимый уровень цифровизации общества. Это обстоятельство обуславливает неизбежный интерес криминального сообщества к данной сфере, в том числе выражающийся в виде хищений и преступлений коррупционной направленности. Согласно законодательству Республики Беларусь общественно опасные деяния данного типа можно разделить:

1) на мошенничества (ст. 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК РБ)). Получив денежные средства, недобросовестные разработчики компьютерных программ умышленно некачественно исполняют свои договорные обязанности либо не исполняют их вообще;

2) хищения путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК РБ). Должностные лица организаций-заказчиков либо органов, уполномоченных на принятие решений о расходовании денежных средств на РПО, подбирают «нужных» разработчиков и при их помощи завладевают денежными средствами заказчика или государственного бюджета, при этом заказчики получают некачественные программные продукты;

3) сопряженные с указанными хищениями преступления против интересов службы (гл. 35 УК РБ). Должностные лица органов и организаций, в деятельность которых внедряется программное обеспечение, из корыстной или иной личной заинтересованности содействуют расхитителям.

По нашему мнению, согласно российскому законодательству аналогичные противоправные деяния следовало бы квалифицировать прежде всего как мошенничества по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) либо как злоупотребления должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ и иные сопряженные коррупционные преступления.

Преступления рассматриваемого вида обладают значительной общественной опасностью, поскольку недобросовестные разработчики про-

граммного обеспечения и лица, им содействующие, могут завладеть большими объемами денежных средств, в том числе бюджетных, которые выделяются на информатизацию. В первую очередь данным обстоятельством определяется актуальность разработки рекомендаций по расследованию хищений в сфере РПО. При создании этих рекомендаций отдельное внимание следует уделить организации работы следователя с компьютерной информацией, поскольку она выступает важнейшим доказательством по такого рода делам.

Ряд белорусских и российских ученых-криминалистов на диссертационном уровне занимался разработкой рекомендаций по расследованию хищений различных видов: Н. В. Быкова (особенности выявления и расследования мошенничеств в сфере страхования) [1], Р. С. Гарбуз (методика расследования присвоения либо растраты, совершаемых в бюджетной сфере) [2], К. В. Гончаров (методика расследования злоупотреблений должностными полномочиями, совершаемых вопреки интересам службы в коммерческих и иных организациях субъектами, выполняющими управленческие функции) [3], А. В. Дешук (криминалистическое обеспечение расследования хищений в сфере строительства) [4], Ю. Ф. Каменецкий (методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере) [5]. Следственным комитетом Республики Беларусь подготовлены методические рекомендации по расследованию мошенничеств и хищений путем злоупотребления служебными полномочиями [6; 7]. В перечисленных работах и методических рекомендациях можно найти положения, связанные с тактикой проведения следственных действий, в том числе осмотров, назначения экспертиз. Однако они готовились во времена, когда компьютерная информация не играла такой роли в уголовном процессе, как в настоящее время. Кроме того, указанные исследования и рекомендации разрабатывались без учета специфики расследования

мошенничеств и хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в сфере РПО. Это определяет научную новизну и практическую значимость представленного в настоящей публикации исследования.

Эмпирической базой исследования выступили:

— уголовное дело № 2-15/6, рассмотренное Минским городским судом. Согласно материалам дела, четверо должностных лиц учреждения образования Б. в период с апреля 2008 г. по декабрь 2010 г., действуя в составе преступной группы, создали ряд временных научных коллективов и под видом исполнения заданий государственной программы научных исследований «Металлургия» выдали ранее разработанное для иного заказчика программное обеспечение за новый программный продукт, зарегистрировали права интеллектуальной собственности на данный продукт не на учреждение образования Б., а на физических лиц из числа преступной группы, что повлекло за собой тяжкие последствия в виде нецелевого использования выделенных государством денежных средств в особо крупном размере¹;

— уголовное дело № 1-593/20, рассмотренное судом Фрунзенского района г. Минска. Согласно материалам дела, П. — директор УП «М.» — получил деньги из инновационного фонда Минского городского исполнительного комитета для создания гипобаракамеры и программного обеспечения блока управления к ней. По условиям выделения денежных средств итоги работ должны были сохраняться и использоваться непосредственно в УП «М.». Ни гипобаракамера, ни программное обеспечение фактически не создавались. Однако согласно документам, составленным и собственноручно подписанным П., к РПО привлекался программист — «подставное» лицо, не осведомленное о преступном характере деятельности П., от имени которого последний получал деньги²;

— материалы проверки Московского РУВД г. Минска № 1780/21, решение об отказе в возбуждении уголовного дела по которым принято в 2021 г. Руководитель учреждения В. — заказчика программного обеспечения — обратился в правоохранительные органы, поскольку, по его мнению, в действиях должностных лиц исполнителя — учреждения образования Б. и субподрядчика ЗАО И., которые качественно не исполнили свои

обязанности, — присутствовал состав преступления³.

По тематике исследования проведено анкетирование 200 сотрудников правоохранительных органов и адвокатуры: 141 сотрудник Следственного комитета Республики Беларусь, 45 сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел Республики Беларусь, 14 адвокатов. Большинство опрошенных — 110 (55 %) — владели значительным опытом правоприменительной деятельности: стаж работы составлял от 11 до 20 и более лет.

Под «компьютерной информацией» в рамках данной публикации следует понимать прежде всего информацию, хранящуюся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, обрабатываемую компьютерной системой либо передаваемую в пространстве с помощью любых программно-технических средств. Данная дефиниция закреплена в ст. 4 УК РБ. Она некоторым образом отличается от определения, закрепленного в уголовном законе Российской Федерации (сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи). Вместе с тем представляется, что для данного исследования различия в определениях не носят существенного характера.

Для решения задач расследования хищений в сфере РПО компьютерную информацию, с которой работает следователь, можно разделить на связанную непосредственно с РПО и связанную с иными обстоятельствами совершения хищения.

К первому виду компьютерной информации относится программный код (его фрагменты), который выдавался недобросовестными разработчиками за качественный, файлы различных форматов (.doc, .pdf, .jpg и др.), содержащие в электронном виде документы и изображения, связанные с РПО (инструкции по пользованию, фрагменты интерфейса и др.) и финансово-хозяйственной деятельностью по ней. О том, что программный код относится к наиболее типичным следам преступной деятельности при совершении хищений в сфере РПО, высказались 79 % (158 из 200) респондентов.

Компьютерной информацией, непосредственно не связанной с РПО, но содержащей сведения об иных обстоятельствах совершенного хищения, являются переписка представителей контрагентов

¹ Уголовное дело № 2-15/6 // Архив Минского городского суда за 2016 г.

² Уголовное дело № 1-593/20 // Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2020 г.

³ Материалы проверки № 1780/21 // Архив Московского РУВД г. Минска за 2021 г.

по договорам о РПО, документы, изображения, содержащиеся на носителях компьютерной информации. Переписку в электронном виде к типовым следам хищений в сфере РПО отнесли 59 % (118 из 200) опрошенных практиков.

Наиболее вероятными материальными носителями компьютерной информации при расследовании хищений в сфере РПО будут выступать:

1) накопители на жестких магнитных дисках. Они могут быть изъяты в ходе осмотров и обысков из компьютеров, ноутбуков расхитителей и иных лиц, иногда вместе с самим системным блоком, ноутбуком. На данных материальных носителях следует искать компьютерную информацию первого и второго указанных видов;

2) внешние жесткие диски, USB-накопители. Данные носители служат для организации работы и передачи файлов с устройства на устройство (компьютерная информация первого вида, а также проекты документов, связанных с государственными закупками, финансово-хозяйственной деятельностью и т. п.). Их следует искать при осмотрах и обысках на рабочих местах, по месту жительства и при личных обысках расхитителей;

3) флеш-память, карты памяти. Это носители прежде всего компьютерной информации второго вида — файлов с документами, изображениями и др. Они содержатся в компьютерной технике (смартфонах, планшетах и др.);

4) оптические (лазерные) компакт-диски. Указанные носители в преступлениях рассматриваемой категории используются для хранения и передачи компьютерной информации первого типа — программного кода (якобы разработанного программного обеспечения);

5) мобильные устройства (мобильные телефоны, смартфоны). Содержат на внутренней встроенной памяти компьютерную информацию второго типа — электронную переписку. Могут также содержать файлы с документами и изображениями, связанными с совершенным преступлением;

6) аппаратные криптокошельки. Они могут использоваться для хранения криптовалюты и перечисления ее в качестве взятки лицам, способствовавшим расхитителям.

Компьютерная информация, непосредственно связанная с РПО, может быть осмотрена и проанализирована. Например, в ходе осмотра следователь может зафиксировать факт того, что компьютерная программа не запускается. В результате анкетирования 74 % (148 из 200) респондентов высказались, что на первоначальном этапе расследования целесообразно осмотреть матери-

альный носитель программного кода. Следовательно также может анализировать содержание имеющихся в электронном виде документов и их проектов.

Вместе с тем представляется, что в качестве достоверного доказательства некачественной работы программного обеспечения может выступить только заключение эксперта. Поэтому основным направлением работы следователя с компьютерной информацией, непосредственно связанной с РПО, выступит назначение экспертизы по оценке качества программного обеспечения [8]. Экспертное исследование назначалось по уголовному делу № 2-15/6¹. По уголовному делу № 1-593/20 экспертиза не проводилась, поскольку программное обеспечение не разрабатывалось вообще². В ходе проверки по заявлению руководителя учреждения В. сотрудники органа дознания анализировали материалы экспертиз, проведенных в рамках гражданского спора между заказчиком и разработчиком³.

Исследования, направленные на оценку качества программного обеспечения, следует относить в первую очередь к компьютерно-техническому виду экспертного исследования. А. И. Швед отмечает, что предметом таких экспертиз являются «фактические сведения об обстоятельствах разработки и эксплуатации компьютерных средств и систем, обеспечивающих реализацию информационных процессов» [9, с. 155]. В то же время примеры из правоприменительной практики Республики Беларусь свидетельствуют о том, что при назначении экспертиз, связанных с оценкой качества программного обеспечения, они именовались по-разному («судебно-программно-компьютерная экспертиза», «комплексная экспертиза результатов научной деятельности»). Перед экспертами ставились вопросы, ответы на которые выходят за пределы компетенции компьютерно-технического исследования. Представляется, что подобный подход правоприменителя обусловлен нетипичностью экспертизы и нестандартностью задач, которые было необходимо решить в целях доказывания факта невыполнения разработчиком программного обеспечения своих договорных обязательств.

¹ Уголовное дело № 2-15/6 // Архив Минского городского суда за 2016 г.

² Уголовное дело № 1-593/20 // Архив суда Фрунзенского района г. Минска за 2020 г.

³ Материалы проверки № 1780/21 // Архив Московского РУВД г. Минска за 2021 г.

Для разрешения вопросов, требующих привлечения специальных знаний по рассматриваемым видам преступлений, следователь выносит постановление о назначении экспертных исследований, содержащих вопросы диагностического и идентификационного характера. К вопросам диагностического характера относятся следующие:

1. Функционирует ли представленная на исследование компьютерная программа? Если да, то какие технические условия аппаратных устройств требуются для ее эксплуатации? Какие функции способна выполнять представленная на исследование программа?

Ответы на данные вопросы должны способствовать проверке выдвинутых версий относительно того, что договорные обязанности недобросовестным разработчиком не выполнены вообще, о чем и свидетельствует факт невозможности запуска программы. Кроме того, важно определить, для каких аппаратных устройств предназначено программное обеспечение и может ли оно функционировать на устройствах заказчика. Уточнение функционала компьютерной программы поможет решить дальнейшие вопросы о соответствии результатов РПО техническому заданию (иным документам).

2. Соответствует ли разработанное (указать субъект хозяйствования) по договору (указать дату и номер договора) программное обеспечение (указать название или иные характеристики) требованиям технического задания на разработку программного обеспечения?

В формулировку данного вопроса могут быть добавлены и иные документы, которые определяли задачи РПО (например, сам договор, приложения к нему).

3. Соответствует ли разработанное (указать субъект хозяйствования) по договору (указать дату и номер договора) программное обеспечение (указать название или иные характеристики) современному на момент заключения договора уровню компьютерных программ?

Постановка именно данного вопроса необходима потому, что недобросовестные исполнители могут находиться в сговоре с представителями заказчика от самого начала процедуры государственных органов и оказывать влияние на разработку «нужного» технического задания. Поэтому указанный документ может содержать требования под конкретную, уже созданную или иным образом приобретенную разработчиком компьютерную программу. Она, в свою очередь, может не относиться к категории эффективных и качественных

и может не соответствовать современному на момент заключения договора состоянию развития электронно-вычислительной техники, компьютерных программ.

4. Соответствуют ли заданные в представленной на исследование компьютерной программе параметры реальным параметрам технологического процесса, для информатизации которого разрабатывалось программное обеспечение?

Решение данной экспертной задачи требует комплексного подхода — применения знаний не только в сфере программирования, но и в соответствующей отрасли, для упрощения технологических (организационных) процессов в которой осуществлялась РПО. Поэтому к проведению исследований следует привлекать квалифицированных лиц из разных сфер знаний. Так, если речь идет о создании компьютерной программы для управления оборудованием на производстве, в целях оценки результатов РПО следователю в качестве эксперта необходимо привлечь специалиста, который работает с таким оборудованием и знаком с организацией производственных процессов.

5. Какова рыночная стоимость разработки программного обеспечения на момент заключения договора (при выполнении условий договора, технического задания, иных документов)?

Поставленный вопрос предусматривает назначение товароведческого исследования (в том числе комплексно с компьютерно-техническим), в ходе производства которого должна быть определена стоимость продукции. Данная задача может ставиться следователем в случаях, если за выполнение незначительного объема работ исполнитель потребовал несоразмерную оплату.

Идентификационные задачи компьютерно-технической экспертизы, связанной с оценкой качества программного обеспечения, призваны обеспечить решение следующих вопросов:

1. Имеются ли отличия в представленных на исследование программном коде, который содержится (указать носитель), и программном коде, содержащемся (указать носитель)? Если есть, то какие?

Данный вопрос может быть поставлен, если у следователя есть дополнительные основания полагать, что заказчику представлен целиком устаревший продукт или программа, права на которую уже принадлежат иному заказчику.

2. Содержатся ли в представленном на исследование программном коде, расположенном (указать носитель), элементы программного кода,

расположенного (указать носитель)? Если содержится, то какие?

Вопрос такого типа следует ставить, если есть основание полагать, что недобросовестный разработчик использовал (целиком или частично) чужие наработки (например, работников заказчика).

В связи с нетипичностью компьютерно-технического исследования, предусматривающего решение вопросов по оценке качества программного обеспечения, перед экспертом могут ставиться и иные вопросы, обусловленные спецификой способа совершения конкретного преступления, особенностями сферы, для информатизации которой осуществлялась РПО. Не исключается также постановка вопросов о научной значимости результатов РПО (если компьютерная программа разрабатывалась в рамках бюджетной научно-исследовательской деятельности), денежной оценке стоимости выполненных работ (если за незначительный объем работ была умышленно расходована несоразмерная значительная сумма) и др.

Для анализа компьютерной информации, непосредственно не связанной с РПО, но относящейся к иным обстоятельствам совершения хищения, достаточно произвести ее осмотр.

В рамках данной публикации следует охарактеризовать особенности осмотра мобильных устройств, поскольку в настоящее время они имеются практически у каждого, что в полной мере относится и к подозреваемым, и свидетелям по делам о хищениях в сфере РПО.

Белорусскими исследователями М. В. Савич и Г. Р. Пянтковским предложены общие правила производства осмотра мобильных устройств. Они выделили особенности осмотра на подготовительном, рабочем и заключительном этапах [10]. Данные правила можно адаптировать для расследования хищений в сфере РПО.

На подготовительном этапе осмотра следователь:

1. Изучает материалы уголовного дела и определяет:

— обстоятельства изъятия мобильного устройства и его комплектность;

— содержание показаний участников уголовного процесса относительно обстоятельств совершенного преступления, предмета осмотра — мобильного устройства. Так, если представители заказчика свидетельствовали о том, что договаривались с представителями недобросовестных разработчиков при помощи электронной переписки, то при осмотре следователю необходимо обращать внимание прежде всего на содержание

SMS-сообщений, мессенджеров, электронной почты;

— принадлежность мобильного устройства конкретному лицу, наличие аутентификационных данных и возможность получения доступа к компьютерной информации. Информация о владельце и пользователях мобильного устройства позволяет определить направление тактики его осмотра. Так, файлы с личными фотографиями свидетеля, если он явно не имеет отношения к подозреваемым (подчиненные, субподрядчики по договорам в сфере РПО), не представляют интереса для следствия. В то же время личные фотографии расхитителей могут нести дополнительную информацию об их связях, имущественном положении.

2. Определяет место, время и способ производства осмотра, обеспечивает наличие заряда аккумуляторной батареи мобильного устройства, подбирает научно-технические средства производства осмотра.

3. Приглашает в необходимых случаях для производства осмотра участников уголовного процесса. Например, добросовестный представитель заказчика может оказать содействие следователю в копировании электронной переписки, которая велась между ним и расхитителем.

На рабочем этапе осмотра решаются две основные задачи: осмотр самого мобильного устройства и осмотр компьютерной информации, которая в нем содержится.

При осмотре компьютерной информации, содержащейся на мобильном устройстве, следует зафиксировать группы приложений, виджеты и иные сведения в общем виде, которые отражаются на дисплее (путем фотографирования, исполнения скриншотов), после чего детально изучается следующее:

1) список контактов, содержащихся в телефонной книге устройства, и журнал вызовов (не только позволяет увидеть, с кем контактировало лицо, но и может свидетельствовать о характере взаимоотношений между подозреваемыми и свидетелями (как подписано лицо в контактах, сколько раз и кто кому звонил и т. д.));

2) SMS-сообщения (могут содержать не только переписку, но и иную значимую информацию (сведения о перечислении денег со счета на счет));

3) сведения браузера об истории посещений интернет-сайтов, прежде всего о посещении социальных сетей, содержащих переписку и фотоизображения;

4) сведения приложений. В качестве значимых источников для определения обстоятельств, подлежащих доказыванию, выступает информация из мессенджеров, при изучении которых можно получить следующую информацию относительно совершенного хищения:

— о контактах лица, в том числе не содержащихся непосредственно в телефонной книге мобильного устройства;

— фотоснимках и видеофайлах. В расследовании хищений в сфере РПО играют ту же роль, что и обнаруженные непосредственно на мобильном устройстве. Кроме того, фотоснимки в мессенджерах могут содержать отражения документов и проектов документов, относящихся к совершению преступления;

— сведениях о месторасположении и маршруте перемещений лица (например, если надо подтвердить факт встречи расхитителей между собой или с представителями заказчика);

— перемещении денежных средств (криптовалют). Данные сведения могут представлять интерес, если есть информация о распределении похищенных денежных средств между расхитителями, лицами, им содействовавшими, от дачи взятки должностным лицам, принимавшим положительное решение при проведении государственной закупки в сфере информатизации и др.;

5) сведения средств синхронизации. Их изучение позволит получить возможную скопированную информацию, которая была удалена пользователем.

Заключительный этап осмотра мобильного устройства и компьютерной информации, в нем содержащейся, предусматривает действия следователя по обеспечению сохранности полученной информации, оформлению протокола осмотра предметов и компьютерной информации, фикси-

рующего ход и результаты следственного действия, упаковке мобильного устройства в соответствующем порядке [10].

Подводя итоги исследования, сформулируем следующие выводы.

1. По делам о хищениях в сфере РПО компьютерную информацию можно разделить на два основных вида: непосредственно связанную с РПО и связанную с иными обстоятельствами совершения преступления.

2. Вероятными носителями компьютерной информации по делам о хищениях в сфере РПО могут выступать: накопители на жестких магнитных дисках, внешние жесткие диски, USB-накопители, флеш-память, карты памяти, оптические (лазерные) компакт-диски, мобильные устройства (мобильные телефоны, смартфоны), аппаратные криптокошельки.

3. Компьютерная информация, непосредственно связанная с РПО, может быть осмотрена и проанализирована следователем. Вместе с тем для решения вопроса о качестве программного кода, его соответствии определенным требованиям, установленным договорами и техническими заданиями, и иным параметрам необходимо назначать экспертизу оценки качества программного обеспечения. В ходе назначения экспертизы могут быть поставлены вопросы, направленные на решение диагностических и идентификационных задач.

4. Компьютерная информация, непосредственно не связанная с РПО, однако содержащая значимые для расследования хищений сведения, подлежит осмотру. В ходе осмотра мобильных устройств при расследовании хищений в сфере РПО выделяются определенные этапы и особенности, которые должны быть учтены следователем.

1. Быкова Н. В. Выявление и раскрытие мошенничества в сфере страхования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2009. 31 с.

2. Гарбуз Г. С. Методика по расследованию присвоения или растраты, совершаемых в бюджетной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 24 с.

3. Гончаров К. В. Совершенствование методики расследования злоупотреблений полномочиями, совершенных вопреки интересам службы в коммерческих и иных организациях субъектами, осуществляющими управленческие функции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 27 с.

1. Bykova N. V. Detection and solution of fraud in the sphere of insurance. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Moscow, 2009: 28. (In Russ.).

2. Garbuz G. S. Methodology for investigating embezzlement or misappropriation committed in the public sector. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Irkutsk, 2007: 24. (In Russ.).

3. Goncharov K. V. Improving the methodology for investigating powers abuse committed contrary to the service interests in commercial and other organizations by persons exercising managerial functions. Abstract of dissertation of candidate of

4. Дешук А. В. Криминалистическое обеспечение расследования хищений в сфере строительства: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2016. 199 с.

5. Каменецкий Ю. Ф. Методика первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2016. 196 с.

6. Методические рекомендации по расследованию мошенничества / Следств. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2024. 44 с.

7. Методические рекомендации по расследованию хищений путем злоупотребления служебными полномочиями / Следств. комитет Респ. Беларусь. Минск, 2014. 31 с.

8. Капіца П. А. Асаблівасці прызначэння экспертных даследаванняў з мэтай вызначэння якасці распрацаванага праграмнага забеспячэння // Право.by. 2024. № 2 (88). С. 102—109.

9. Швед А. И. Судебная экспертиза: пособие. Минск: Форум, 2022. 296 с.

10. Компьютерная информация в следственной деятельности: сборник, оценка, использование: учеб. пособие / Ю. Ф. Каменецкий [и др.]; под общ. ред. Ю. Ф. Каменецкого. Минск: СтройМедиаПроект, 2022. 376 с.

juridical sciences. Rostov-on-Don; 2018: 27. (In Russ.).

4. Deshuk A. V. Forensic support for investigating embezzlement in the construction sector. Abstract of dissertation of candidate of juridical sciences. Minsk; 2016: 199. (In Russ.).

5. Kamenetsky Yu. F. Methodology of the initial stage of investigating theft by official powers abuse in the public sector. Dissertation of candidate of juridical sciences. Minsk; 2016: 196. (In Russ.).

6. Methodological recommendations for the fraud investigation. Investigative Committee of the Republic of Belarus. Minsk; 2024: 44. (In Russ.).

7. Methodological recommendations for the theft investigation by official powers abuse. Investigative Committee of the Republic of Belarus. Minsk; 2014: 31. (In Russ.).

8. Kapitsa P. A. Peculiarities of the purpose of expert studies for the purpose of determining the quality of developed software. Pravo.by, 102—109, 2024. (In Belarus.).

9. Shved A. I. Forensic examination. Manual. Minsk: Forum; 2022: 296. (In Russ.).

10. Computerized information in investigative activities: collection, evaluation, use. Manual. Red. by Yu. F. Kamenetsky. Minsk: StroyMediaProekt; 2022: 376. (In Russ.).

Капица Павел Александрович,

начальник учебного отдела
Института повышения
квалификации и переподготовки
Следственного комитета
Республики Беларусь;
pauluk1756@yandex.by

Kapitsa Pavel Aleksandrovich,

head of the educational department
of the Institute for Advanced Training
and Retraining
of the Investigative Committee
of the Republic of Belarus;
pauluk1756@yandex.by

Статья поступила в редакцию 27.03.2025; одобрена после рецензирования 03.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 27.03.2025; approved after reviewing 03.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

УДК 343.98

**ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ
ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ
КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ**

Ольга Викторовна Сидоренко

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, olgasidorenko76@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты изучения современной проблематики участия специалистов экспертно-криминалистических подразделений МВД России в ходе проведения первоначальных следственных действий по фактам управляемых или неконтролируемых падений беспилотных воздушных судов. К числу основных направлений, требующих разработки и внедрения в практическую деятельность подразделений, обеспечивающих технико-криминалистическое сопровождение рассматриваемых преступлений, были отнесены информационные, обеспечительные и организационно-тактические вопросы. Данные обстоятельства обусловили трансформацию подходов к содержанию программ обучения специалистов по специальности «Судебная экспертиза», а также дополнительных профессиональных программ переподготовки сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России. В число обязательных для рассмотрения вопросов должны быть включены организационно-тактические аспекты рационального выбора вида и комплектации беспилотных аппаратов, применяемых специалистами в качестве технико-криминалистических средств; мануальные навыки пилотирования и визуального управления в условиях ограниченного пространства и освещенности, способствующие получению необходимых данных; навыки использования технологий 3D-моделирования, обеспечивающие возможность как реконструкции механизма криминального события, так и воссоздания первоначального внешнего вида примененного беспилотного воздушного судна; навыки работы со следовыми комплексами различной этимологии, реализуемые в полевых условиях и лабораториях. Особое внимание в статье уделено рассмотрению возможностей многофункционального тренировочного комплекса по изучению беспилотных воздушных судов и их компонентов как современной платформы, обеспечивающей и подготовку специалистов для правоохранительных органов, и проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских изысканий.

Ключевые слова: технико-криминалистическое обеспечение, беспилотные воздушные суда, цифровизация, 3D-технологии, многофункциональный тренировочный комплекс

Для цитирования: Сидоренко О. В. Подготовка сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России как фактор повышения эффективности технико-криминалистического сопровождения расследования преступлений, совершенных с использованием беспилотных воздушных судов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 111—118.

**TRAINING OFFICERS OF FORENSIC UNITS
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA
AS A FACTOR TO INCREASE EFFICIENCY
OF TECHNICAL AND FORENSIC SUPPORT
TO INVESTIGATE CRIMES COMMITTED BY USING
UNMANNED AERIAL DEVICES**

Olga Victorovna Sidorenko

Volograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, olgasidorenko76@yandex.ru

Abstract. The article deals with the results of study of topical problems related to participation of specialists of forensic units of the Ministry of the Interior of Russia, while the initial investigative actions on the facts of controlled or uncontrolled crashes of unmanned aerial devices take place. Among the main directions requiring the development and introduction into the practical activities of units to ensure technical and forensic support of the crimes under investigation are information issues, as well as organizational and tactical ones.

These circumstances led to the transformation of approaches to the content of training programs for specialists in "Forensic Examination" specialty, as well as additional professional programs of the refresher (advanced studies) department to re-train officers of the forensic units of the Ministry of the Interior of Russia. The obligatory issues for study should involve: organizational and tactical aspects of the rational choice of the type and equipment set of unmanned aerial devices used by specialists as technical and forensic means; manual skills of piloting and visual control under conditions of limited space and illumination to contribute to obtain the necessary data; skills to use 3D modeling technologies that provide the possibility to reconstruct both the mechanism of a criminal case and the original appearance of the applied unmanned aerial devices; skills to work with trace complexes of various etymology realized in the field areas and crime laboratories.

In the article particular attention is paid to the consideration of possibilities of a multifunctional training complex to study unmanned aerial devices and their components as a modern platform that provides both training specialists for law enforcement agencies and doing scientific work and experimental research.

Keywords: technical and forensic support, unmanned aerial devices, digitalization, 3D technologies, multifunctional training complex.

For citation: Sidorenko O. V. Training officers of forensic units of the Ministry of the Interior of Russia as a factor to increase efficiency of technical and forensic support to investigate crimes committed by using unmanned aerial devices. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 111—118, 2025. (In Russ.)

Современная геополитическая обстановка обусловила значительное увеличение числа противоправных действий, совершаемых с использованием беспилотных технических средств. В большинстве случаев данные высокотехнологичные устройства относятся к категории беспилотных воздушных судов (далее — БВС) промышленного и самодельного изготовления, дифференцируемые по конструкции, техническим характеристикам, функциям и эксплуатационным возможностям. Изучение материалов брифингов Министерства обороны Российской Федерации, отражающих данные о количестве и видовом разнообразии беспилотных технических средств, применяемых Вооруженными силами Украины (далее — ВСУ) для нанесения ударов по территории России, протоколов осмотров мест происшествий, производимых по фактам управляемых или неконтролируемых падений беспилотных технических средств и иллюстрационного материала к ним, а также информации, размещенной в средствах массовой информации, демонстрирующей многочисленные последствия разрушения социальной и промышленной инфраструктуры в результате применения беспилотных аппаратов, позволяют констатировать потребность в углубленном изучении сотрудниками правоохранительных органов относительно новых видов средств и орудий совершения преступлений.

Образовательными организациями различной ведомственной принадлежности реализуются программы профессионального обучения, предусматривающие подготовку сотрудников правоохранительных органов по формированию навыков применения БВС при выполнении оперативно-служебных задач в соответствии с функциональным предназначением конкретных подразделений. К базовым составляющим процесса формирования профессиональных компетенций относятся: изучение конструктивных особенностей и вариантов оснащения дополнительной полезной нагрузкой беспилотной техники, стоящей на вооружении конкретных структур; обучение мануальным навыкам пилотирования и визуального управления (настройка и управление) конкретными видами БВС [1, с. 53]; получение организационно-тактических навыков пилотирования различных беспилотных средств с учетом задач, поставленных при реализации конкретного мероприятия, и т. д. Особое внимание уделяется получению навыков работы с аппаратами разной массы, параметрами винтов, видами полезной нагрузки с учетом различных особенностей рельефа местности, а также погодных условий и силы ветра [2, с. 9].

В качестве технических средств подготовки специалистов, которые в будущем должны обеспечивать воздушное патрулирование оперативной обстановки обслуживаемых территорий, поисково-

спасательные [3, с. 41], разведывательные (в том числе скрытного характера), защитные, удостоверительные и иные мероприятия, используется широкий арсенал виртуальных и VR-тренажеров, парки натурных беспилотных средств, а также стационарные и мобильные учебно-тренировочные площадки различного типа. Это означает, что в настоящее время уже сложился определенный стандартизированный подход к обучению внешних пилотов-инструкторов (операторов) БВС, который модифицируется с учетом развития технических возможностей оборудования и формирования новых оперативно-служебных задач правоохранительных органов.

Следует обратить внимание на еще одно направление деятельности, реализуемое сотрудниками органов внутренних дел (ОВД) при работе на местах происшествий, связанных с неуправляемым, самопроизвольным или контролируемым падением беспилотных специальных средств. Согласно данным Министерства обороны Российской Федерации, с начала специальной военной операции было зафиксировано более 39 тысяч фактов применения различных типов БВС¹ в качестве средств и орудий совершения преступления, повлекших жертвы среди населения, причинение ущерба жилому, социальному фонду, значимым объектам инфраструктуры. Особенности применяемой беспилотной техники, а также специфика тактики ее использования террористическими формированиями не позволяют интегрировать традиционные подходы к технико-криминалистическому и последующему судебно-экспертному обеспечению расследования преступлений террористической направленности.

В целях выявления основных проблемных аспектов деятельности экспертно-криминалистических подразделений (далее — ЭКП) правоохранительных органов, привлекающихся к работе на местах происшествий рассматриваемого вида, нами было проведено интервьюирование сотрудников районных и региональных подразделений территориальных субъектов Российской Федерации, в которых фиксируются факты применения БВС для совершения диверсионно-террористической деятельности².

¹ Брифинг Минобороны РФ 31.12.2024. URL: <https://briefing-mo.ru/briefings/brifing-minoborony-rf-ot-31-12-2024.html> (дата обращения: 02.03.2025).

² В рамках интервьюирования были опрошены сотрудники ЭКП Брянской, Волгоградской, Курской, Московской, Ростовской, Саратовской областей.

Анализ ответов респондентов позволяет констатировать, что специалисты при осуществлении технико-криминалистического сопровождения испытывают потребность в:

1) в **знаниях** конструктивных и технологических особенностей БВС, применяемых ВСУ; специфики их комплексации элементами полезной нагрузки, в том числе обеспечивающих возможность продолжения передачи данных и повторных взрывов даже после частичного разрушения основной конструкции; принципов программирования полетных заданий и непосредственного управления беспилотным средством; основных следственных ситуаций, формирующихся при управляемом, неконтролируемом или самопроизвольном падении беспилотного средства; алгоритма действий каждого из участников осмотра места происшествия, а также членов оперативного штаба (при принятии решения о его создании); четкого регламента работы с каждым видом следовой информации, выявляемого, фиксируемого и изымаемого в условиях проведения первоначальных следственных действий;

2) мобильном **информационно-справочном обеспечении**, расширяющем возможности оперативного распознавания вида, типа и модели примененного беспилотного объекта по отдельным узлам, деталям и механизмам; проведения предварительной реконструкции первоначального внешнего вида примененного аппарата; определения возможных мест размещения операторов беспилотного средства и т. д.;

3) **технических средствах**, обеспечивающих *обнаружение* объектов (металлоискатели, ультразвуковые сонары, инфракрасные дальномеры, лидары и т. д.); *фиксацию* локализации и взаимного расположения каждого обнаруженного элемента с последующей возможностью реконструкции трехмерной модели обстановки места происшествия с применением методов фотограмметрии по фотоснимкам (БВС мультикоптерного типа), навигационные средства GPS; *регистрацию* наиболее информативных элементов беспилотных аппаратов, примененных при совершении преступлений в информационных системах распределенного принципа действия; *связь* с сотрудниками подразделений специальных экспертиз и исследований ЭКП для получения справочной технической информации, выполнения необходимых расчетов и т. д.;

4) **специальной экипировке**, обеспечивающей не только удобство передвижения сотрудника, мобильность размещения необходимых технико-криминалистических средств (например, ситуа-

тивно-модульный жилет эксперта-криминалиста «Сталинград»¹), но и его безопасность.

Проведенное исследование демонстрирует недостаток знаний теоретических и практических основ эксплуатации беспилотных систем в общем и особенностей тактико-технических характеристик беспилотных средств, применяемых ВСУ при совершении диверсионно-террористических атак, в частности. Это требует обобщения существующих подходов к основаниям дифференциации беспилотных технических средств, систематизации данных о БВС, используемых ВСУ для совершения преступлений, составления актуальной классификации рассматриваемых объектов, которая будет способствовать решению задач технико-криминалистического обеспечения. Данный эмпирический материал может стать информационной основой для разработки программных продуктов, обеспечивающих в иллюстрационной и описательной формах информационное сопровождение раскрытия и расследования преступлений, при совершении которых применялись БВС.

Кроме того, следует предусмотреть решение задач, связанных с разработкой и внедрением в практическую деятельность ЭКП организационно-тактических рекомендаций, содержащих правовые, обеспечительные и методические аспекты участия специалистов при расследовании преступлений, совершенных с применением беспилотных технических средств.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость включения в действующие рабочие программы учебных дисциплин «Криминалистика», «Тактико-специальная подготовка», «Участие специалистов в процессуальных действиях», «Экспертно-криминалистические учеты», «Взрывные устройства и следы их применения», предназначенных для обучающихся по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза, отдельных тематик, формирующих профессиональные компетенции по применению криминалистических, естественнонаучных и технических средств и методов работы на местах неуправляемых, самопроизвольных или контролируемых падений беспилотных специальных средств.

Кроме того, в рамках программ профессиональной переподготовки сотрудников ЭКП ОВД РФ «Исследование следов применения беспилотных воздушных судов и следов их применения» необ-

ходимо рассмотрение вопросов, раскрывающих особенности обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, формирующихся в процессе криминального применения БВС. Следует акцентировать внимание на том, что у обучающихся должны сформироваться профессиональные компетенции, обеспечивающие возможность реконструкции обстоятельств применения беспилотного средства путем построения 3D-модели обстановки места происшествия. При этом нужно предусмотреть многовариантность таких сценариев, которые условно могут быть разделены с учетом обстоятельств падения беспилотного средства: принудительная (самопроизвольная) посадка; разрушение БВС с применением средств противовоздушной обороны; последствия применения ударного типа БВС, достигшего заданной цели.

Изучение следственной и экспертной практики на местах рассматриваемых происшествий позволяют констатировать, что сотрудники правоохранительных органов испытывают насущную потребность в расширении арсенала технико-криминалистических средств, обеспечивающих фиксацию обстановки совершения действий террористического характера. Во-первых, это связано с наличием реальной опасности для жизни и здоровья членов следственно-оперативной группы (далее — СОГ), а во-вторых, с необходимостью формирования полноценной иллюстрационной картины обстановки места происшествия, которая нередко имеет значительную протяженность. Наиболее перспективным методом, обеспечивающим построение полноценной модели криминального деяния, является построение трехмерной модели с использованием программ Autodesk ReCap Pro, Autodesk Fusion360, Agisoft Metashape, Context Capture, Meshroom, Pix4D, 3DF Zephyr, COLMAP и т. д. [4, с. 205]. Вместе с тем должны учитываться не только результаты зрительного восприятия членами СОГ обстановки места происшествия, запечатленной с помощью традиционных средств и технологий 3D-сканирования, но и данные фото-, видеофиксации, полученные из различных источников (например, из системы «Безопасный город», с видеорегистраторов, установленных в личном и общественном транспорте и т. д.), а также показания свидетелей. При построении трехмерной модели необходимо обратить внимание на территориальное размещение источников информации, условия восприятия, технические параметры средств фиксации анализируемых данных. Синтезированные изображения, сформированные в процессе изучения разноформатных источников, могут

¹ См.: Патент на полезную модель «Ситуативно-модульный жилет эксперта-криминалиста» RU (11) 226 634(13) U1.

обеспечить получение информации о локализации, взаиморасположении, форме, размерных параметрах, характеристиках каждого элемента вещной обстановки места происшествия, что, в свою очередь, обеспечит возможность реконструкции механизма преступного события [5, с. 119]. Данное обстоятельство обуславливает потребность в формировании у обучающихся из числа действующих или будущих сотрудников ЭКП навыков работы с техническими и программно-аппаратными средствами, обеспечивающими получение и работу с трехмерными изображениями. Ряд ведущих специалистов в сфере судебной экспертологии отмечают насущную потребность расширения направлений подготовки специалистов за счет включения в программы образования дисциплины «Применение методов 3D-технологий при исследовании объектов судебной экспертизы», в рамках которой должны быть сформированы компетенции работы в сфере цифровых технологий и методик их применения [6, с. 38].

В частности, сотрудники ЭКП должны владеть навыками лазерного сканирования объектов в условиях их обнаружения, умениями осуществления обработки и компиляционных манипуляций полученных изображений, выполняемых в специализированных редакторах, а также обращения с технологиями 3D-печати. Совокупность данных навыков призвана обеспечить возможность осуществления предварительных исследований объектов в полевых условиях и дальнейшее использование изображений, полученных в ходе судебно-экспертной деятельности идентификационного, ситуационного и диагностического характера. Особое внимание при фиксации элементов обстановки совершения преступления требуют такие объекты, как само беспилотное средство или его отдельные части, детали и механизмы, включая взрывчатые элементы, которыми оно было оснащено, а также повреждения на объектах любой этимологии (трупы, тела пострадавших, элементы обстановки природного или искусственного происхождения и т. д.). Моделирование обстановки мест падения беспилотного средства (принудительной (самопроизвольной) посадки; разрушения БВС с применением средств противовоздушной обороны; последствий применения ударного типа БВС, достигшего заданной цели) обеспечит реконструкцию механизма криминального деяния, установление его наиболее значимых элементов, что позволит определить типовую следственную ситуацию и сформулировать версии. Особое значение моделирование имеет при воссоздании внешнего вида приме-

ненного БВС, использованных боеприпасов и / или взрывчатых веществ. Это позволит установить вид (тип) примененного беспилотного средства, что, в свою очередь, будет способствовать получению данных о возможной управляемости полета и дальности размещения оператора.

Применение современных технологий при реализации технико-криминалистического и судебно-экспертного обеспечения расследования преступлений, при совершении которых в качестве средства или орудия совершения преступлений был применен беспилотный аппарат, предусматривает необходимость интеграции в процесс обучения специалистов для ЭКП организационно-тактического алгоритма их эксплуатации. В частности, необходимо уделить особое внимание формированию базовых и продвинутых навыков обращения с программным обеспечением, используемым для загрузки имеющихся статических и / или динамических изображений; выбора параметров их выравнивания и построения плотного облака точек, обуславливающих формирование полигональной модели; построения текстуры итогового изображения; осуществления измерений ведущих параметров сформированной модели и ее экспорта.

В ряде научных исследований, посвященных проблемам цифровизации судебно-экспертной деятельности [7, с. 61; 8, с. 11; 9, с. 179], предлагаются алгоритмы работы специалиста с программно-аппаратными комплексами, обеспечивающими возможность моделирования как общей обстановки и отдельных обстоятельств совершения преступления, так и конкретных объектов криминалистического исследования, имеющих процессуальный статус вещественных доказательств или образцов для сравнительного исследования. Результат моделирования будет иметь статус приложения к протоколам следственных действий или заключению эксперта в качестве иллюстрационного материала, что обеспечит наглядное восприятие их результатов, объективность выдвинутых версий и сформулированных выводов. Кроме того, в процессе подготовки специалистов необходимо предусмотреть освоение обучающимися навыков оценки качественных и количественных критериев полученных результатов на каждом этапе применения 3D-технологий и способов устранения недостатков при построении моделей с учетом специфики работы с объектами судебной экспертизы [10].

Таким образом, современные подходы к технико-криминалистическому обеспечению расследования преступлений, при совершении которых при-

менялись беспилотные средства, предусматривают необходимость существенной трансформации подходов к подготовке специалистов для правоохранительных органов в общем и для выполнения задач, поставленных перед ЭКП, в частности.

В целях модернизации образовательной деятельности в Волгоградской академии МВД России планируется введение в эксплуатацию многофункционального тренировочного комплекса по изучению БВС и их компонентов как перспективного инструментария подготовки сотрудников правоохранительных органов. На территории закрытого полигона общей площадью более 115 м² предусмотрено размещение общих учебных площадок для изучения теоретического материала и тренировочных ситуативных помещений.

Использование тренировочного комплекса позволяет обучающимся сотрудникам ЭКП получить знания о функциональном предназначении каждого элемента полезной нагрузки применяемых беспилотных средств, обуславливающих рациональный выбор конкретного технико-криминалистического средства, а также формирование тактических навыков его пилотирования в условиях ограниченного пространства и дифференцированной интенсивности освещения.

Ключевой целью формирования данной компетенции является обеспечение возможности использования беспилотных средств, стоящих на вооружении правоохранительных органов, для осмотров территорий социальной и промышленной инфраструктуры, подвергшейся террористической атаке, при которой существует угроза повторных прилетов (взрывов), однако имеется потребность в выяснении наличия пострадавших, первичной оценке степени разрушений и уровня опасности, поиске средств и орудий совершения преступления, оценке их вида (типа) и состояния, фиксации вещной обстановки места происшествия и т. д.

Еще одним направлением повышения квалификации сотрудников ЭКП, которое будет реализовываться с использованием многофункционального тренировочного комплекса, должно стать обучение организационно-тактическим действиям специалиста, включенного в состав СОГ, в условиях осмотров мест происшествий по фактам обнаружения мест принудительной или самопроизвольной посадки БВС без разрушения элементов конструкции, а также территорий, на которых выявлены фрагменты БВС после уничтожения беспилотных средств силами противовоздушной обороны или в результате инициирования взрыв-

ных устройств, которыми они были оснащены. Имитация обстановки мест происшествий будет осуществляться методом компиляции проектируемых изображений, изготовленных с использованием сферических камер, с моделями и обломками реальных беспилотных средств.

Особое значение в процессе подготовки сотрудников ЭКП к действиям в условиях совершения террористических актов с использованием беспилотных средств имеет формирование компетенций, направленных на владение спецификой работы с объектами, в отношении которых будут назначены криминалистические и специальные виды экспертных исследований. Специфика механизма слеодообразования заключается в том, что традиционные материально фиксированные следы подвергаются существенной трансформации, поэтому специалисты должны владеть современными приемами обнаружения, фиксации и изъятия дактилоскопической, трасологической, баллистической, взрывотехнической, компьютерной, радиотехнической и иной информации различной этимологии. Данное направление предусматривает реализацию не только образовательной, но и исследовательской деятельности, в рамках которой обучающиеся совместно с профессорско-преподавательским составом будут осуществлять разработку научных и опытно-конструкторских изысканий, направленных на расширение возможностей информационного обеспечения преступлений, в ходе совершения которых применялись беспилотные средства.

Таким образом, вводимый в эксплуатацию многофункциональный тренировочный комплекс по изучению БВС и их компонентов Волгоградской академии МВД России должен стать одной из первых инновационных площадок, на которой будет рассмотрена возможность расширения отраслевых направлений криминалистической техники.

Подводя итог рассмотрению перспективных направлений подготовки сотрудников для решения современных задач, поставленных перед ЭКП МВД России и способствующих повышению эффективности технико-криминалистического сопровождения расследования преступлений, которые совершены с использованием беспилотных воздушных средств, следует еще раз подчеркнуть необходимость глобальной цифровизации консультационной, справочной, поисковой, исследовательской, учетно-регистрационной, коллекционной и иных видов деятельности [11, с. 76]. Реализация каждого вида функциональных задач ЭКП предусматривает необходимость уверенного опери-

рования сотрудниками современным арсеналом средств, стоящих на вооружении подразделений, а также навыками упреждающего владения

наиболее перспективными цифровыми методами и технологиями.

1. Бордачев А. Ю. Тактические особенности применения БПЛА сотрудниками полиции // Закон и власть. 2023. № 4. С. 51—57.

2. Бирюков А. Д., Черемных М. М. Особенности применения и адаптации виртуальных тренажеров для подготовки операторов БПЛА различных типов и классов // Подготовка сотрудников правоохранительных органов, использующих в своей деятельности БВС: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Яковенко. Москва: ФКУ НПО «СТИС» МВД России, 2024. 56 с.

3. Карпычев В. Ю. Особенности роботизации беспилотных летательных аппаратов для задач органов внутренних дел // Научно-технический портал МВД России. 2020. № 1. С. 40—46.

4. Полякова А. В. Исследование обстоятельств выстрела с помощью метода трехмерной фотограмметрии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. Т. 22, вып. 2. С. 205—209.

5. Дронова О. Б., Котельников Б. В. Место происшествия как объект экспертного исследования // Юрист-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 115—120.

6. Моисеева Т. Ф. Информационно-правовое обеспечение использования метода 3D-сканирования в судебной экспертизе // Правовая информатика. 2023. № 1. С. 34—40.

7. Бардаченко А. Н., Чулков И. А., Мрищук А. В. Криминалистическая характеристика следов 3D-принтера на деталях самодельного огнестрельного оружия // Судебная экспертиза. 2021. № 1 (65). С. 60—62.

8. Беляев М. В. Возможности 3D-сканирования для целей фиксации трасологических объектов // Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности: материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Красноярск, 2021. С. 9—17.

9. Дашко Л. В., Харченко И. В., Гераськин М. Ю. Использование 3D-моделирования в судебной взрывотехнической экспертизе // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 1 (65). С. 175—193.

10. Полякова А. В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельно-

1. Bordachev A. Yu. Tactical features of the use of UADs by police officers. Law and power, 51—57, 2023. (In Russ.).

2. Biryukov A. D., Cheremnykh M. M. Specifics to apply and adapt virtual simulators for training UAD operators of various types and classes. In: Training law enforcement officers applying UADS in their activities. Collection of research works. Red. by A. A. Yakovenko. Moscow: FGI SPA SET of the MIA RF; 2024: 56. (In Russ.).

3. Karpychev V. Yu. Specifics of robotization of unmanned aerial devices for the internal affairs bodies tasks. Research and technical portal of the Ministry of the Interior of Russia, 40—46, 2020. (In Russ.).

4. Polyakova A. V. Examination of the circumstances of the shot by using the method of three-dimensional photogrammetry. Izvestia of the Saratov University, 205—209, 2022. (In Russ.).

5. Dronova O. B., Kotelnikov B. V. Crime scene as an object of forensic examination. Jurist-pravoved, 115—120, 2021. (In Russ.).

6. Moiseyeva T. F. Information and legal support to use the 3D scan method in forensic examination. Legal informatics, 34—40, 2023. (In Russ.).

7. Bardachenko A. N., Chulkov I. A., Mrishchuk A. V. Forensic characteristics of the traces of the 3D printer on the details of home-made firearms. Forensic examination, 60—62, 2021. (In Russ.).

8. Belyaev M. V. Possibilities of 3D scanning for the purposes to fix trace objects. In: Topical issues to make forensic examinations and evaluate the results of forensic activities. Materials of all-Russian scientific and practical conference. Krasnoyarsk; 2021: 9—17. (In Russ.).

9. Dashko L. V., Kharchenko I. V., Geraskin M. Yu. Using 3D modeling in a forensic explosive technology examination. Bulletin of the VIPK of the Ministry of the Interior of Russia, 175—193, 2023. (In Russ.).

10. Polyakova A. V. Formation and development of 3D technologies in forensic activities: methodological and organizational aspects. Dissertation of candidate of juridical sciences. Ufa; 2023: 244. (In Russ.).

сти: методологические и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2023. 244 с.

11. Дронова О. Б., Сидоренко Д. Н. Функциональная модель экспертно-криминалистической деятельности, реализуемая в системе МВД России // Судебная экспертиза. 2021. № 2 (66). С. 67—76.

Сидоренко Ольга Викторовна,

начальник кафедры основ
экспертно-криминалистической
деятельности
учебно-научного комплекса
экспертно-криминалистической
деятельности
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук;
olgasidorenko76@yandex.ru

11. Dronova O. B., Sidorenko D. N. Functional model of forensic activity applied in the system of the Ministry of the Interior of Russia. Forensic examination, 67—76, 2021. (In Russ.).

Sidorenko Olga Victorovna,

head of the department of fundamentals
of forensic activity
of the educational and scientific complex
of forensic activity
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
candidate of juridical sciences;
olgasidorenko76@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.985.7:343.3

**АЛГОРИТМ ПОСТРОЕНИЯ ВЕРСИЙ
ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ
ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И СООБЩЕСТВ****Андрей Дмитриевич Абаринов**

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abarinovandrew@gmail.com

Аннотация. В рамках настоящей статьи рассмотрены вопросы становления и развития научных основ алгоритмизации следственной деятельности в отечественной криминалистике. Сформулировано авторское понятие «алгоритм выявления и расследования преступлений». Определено, что структуру алгоритма выявления и расследования преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ, составляют взаимосвязанные алгоритмы построения версий, разработки версий и планирования проверки версий. Изучение закономерностей преступной деятельности и деятельности по выявлению и расследованию преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ, позволило выделить конструктивную последовательность действий на этапе построения версий. Разработан алгоритм построения версий при выявлении и расследовании преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ. Данный алгоритм включает следующие взаимосвязанные этапы: сбор информации, анализ информации, выдвижение версии. Кроме того, отмечено, что настоящее исследование является лишь началом в становлении алгоритмо-криминалистических основ выявления и расследования преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ.

Ключевые слова: расследование, выявление, алгоритмизация, преступная деятельность, экстремистское сообщество, экстремистская организация, алгоритм, построение версий

Для цитирования: Абаринов А. Д. Алгоритм построения версий при выявлении и расследовании преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 119—125.

**ALGORITHM TO FORM LEADS,
WHEN IDENTIFYING AND INVESTIGATING CRIMES,
RELATED TO EXTREMISM ORGANIZATIONS
AND COMMUNITIES FUNCTIONING****Andrey Dmitrievich Abarinov**Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
abarinovandrew@gmail.com

Abstract. In the context of this article: the issues to form and develop the scientific grounds of algorithmization of investigative activity in domestic forensics are considered; the author's concept of "algorithm to identify and investigate crimes" is formulated; it is determined that interconnected algorithms to form leads, develop leads and plan their checking constitute the structure of the algorithm to identify and investigate crimes related to extremism organizations and communities functioning. Examination of the patterns of criminal activity and the activities to identify and investigate crimes related to extremism organizations and communities functioning made it possible to identify a constructive sequence of actions, when forming leads; the algorithm to form leads, when identifying and investigating crimes, related to extremism organizations and communities functioning is developed. This algorithm includes the following interconnected stages: collecting information, analyzing information, presenting a lead; in addition, it is noted, that this study is only the beginning in the formation of algorithm-criminalistics grounds to identify and investigate crimes related to extremism organizations and communities functioning.

Keywords: investigation, identification, algorithmization, criminal activity, extremism-related community, extremism-related organization, algorithm, formation of leads

For citation: Abarinov A. D. When identifying and investigating crimes, related to extremism organizations and communities functioning. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 119—125, 2025. (In Russ.).

В условиях современных угроз основам конституционного строя и безопасности государства особую общественную опасность представляют преступления экстремистской и террористической направленности. Деятельность по выявлению и расследованию преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ¹, занимает ключевое место в работе правоохранительных органов Российской Федерации. Для эффективного выявления и расследования таких деяний необходимо разрабатывать специализированные алгоритмы расследования, в том числе алгоритмы, связанные с построением, разработкой и планированием проверки версий.

Перед тем как переходить к прикладным вопросам, связанным с алгоритмом построения версий, целесообразно рассмотреть вопросы становления и развития научных основ алгоритмизации следственной деятельности в целом.

Применительно к следственной деятельности в научной литературе можно встретить различные интерпретации таких понятий, как «криминалистический алгоритм» [1], «алгоритм расследования преступлений» [2], «процессуально-тактический алгоритм» [3], «алгоритм действий следователя» [4] и др.

Под термином «алгоритм» общепринято понимать «...точно определенную последовательность шагов, которая ведет к решению задачи» [5]. Это определение предложил немецкий математик Д. Гильберт. Ученый использовал данный термин для обозначения строго определенных правил, применимых для решения математических задач. Впоследствии это понятие получило широкое распространение в разных сферах науки и техники, включая юриспруденцию.

Так, в частности, А. С. Шаталов в рамках своей докторской диссертации дает авторское понятие «криминалистический алгоритм»: «Научно обоснованное правило выполнения в заданном порядке системы последовательных операций, рекомен-

дуемых следователю для решения задач определенного типа в ходе расследования преступлений» [1, с. 126].

Другим примером может быть позиция И. А. Уварова, который под алгоритмами расследования преступлений понимает «...научно обоснованное точное изложение последовательности следственных, оперативно-розыскных и иных организационно-технических действий следователя, их комплексов, комбинаций применительно к складывающимся следственным ситуациям, выполнение которых обеспечивает решение поставленных задач по раскрытию и расследованию преступлений» [2, с. 61].

Как отмечает в своей работе В. И. Паршиков, «...алгоритм расследования преступлений должен представлять собой перечень его целей и задач, методов и способов их решения, видов и последовательностей следственных действий» [6, с. 106].

Достаточно емкое и обоснованное определение можно найти в работе В. А. Светочева: «Процессуально-криминалистический алгоритм — это научно обоснованное и апробированное практикой предписание, задающее на основе системы правил порядок и последовательность процессуальных, оперативно-розыскных, организационных и иных действий (операций, комбинаций) субъекта в определенных условиях конкретной следственно-судебной ситуации, четкое выполнение которых обеспечивает решение конечных и промежуточных задач уголовного судопроизводства» [3, с. 21].

Исходя из вышеприведенных позиций ученых, применительно к теме нашего исследования под алгоритмом выявления и расследования преступлений следует понимать сложную, разветвленную структуру, включающую в себя последовательность поисковых, аналитических, оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий субъекта деятельности по выявлению и расследованию преступлений (далее — субъект ДВРП). Эти действия направлены на формирование доказательственной базы, на основе которой будут приняты оптимальные информационные, организационные, управленческие и тактические решения для эффективного расследования преступления и привлечения ви-

¹ В рамках настоящего исследования к преступлениям, связанным с функционированием экстремистских организаций и сообществ, автор относит преступления, предусмотренные ст. 282¹, 282², 282³ Уголовного кодекса Российской Федерации.

новых лиц к уголовной ответственности. По нашему мнению, в структуру этого алгоритма входят взаимосвязанные алгоритм построения версий,

алгоритм разработки версий и алгоритм планирования их проверки (рис. 1).

Рис. 1. Структура алгоритма выявления и расследования преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ

Необходимо отметить, что изучение закономерностей следственной деятельности позволит выделить конструктивную последовательность действий на этапе построения, разработки и планирования проверки версий при выявлении и расследовании преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ. Однако изучение данных закономерностей должно происходить одновременно с исследованием постоянно трансформирующихся особенностей этой преступной деятельности.

В контексте настоящего исследования нами будет разработан алгоритм построения версий как самостоятельный элемент общей структуры алгоритма расследования преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ. Алгоритм предъявляет определенные требования к сбору, систематизации и оценке информации, направленной на выявление субъектов преступной деятельности, их целей и мотивов, а также способов осуществления пре-

ступной деятельности и иных обстоятельств, имеющих значение для выявления и расследования преступлений, связанных с организацией экстремистской деятельности.

Следует согласиться с позицией А. Ф. Лубина, который отмечает, что «...построение версий представляет собой слияние имеющейся информации с данными базовой криминалистической характеристики преступлений» [7, с. 107]. Использование такого подхода позволит целенаправленно, структурированно и последовательно осуществлять расследование преступлений, снижая риск уголовно-процессуальных, организационных и тактических ошибок и повышая вероятность привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Структура алгоритма построения версий при выявлении и расследовании преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ, включает в себя систему взаимосвязанных этапов. К ним относятся:

1. Сбор информации.

Информация о преступной деятельности может быть получена в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий. Источниками информации о данной преступной деятельности могут являться:

- материалы ранее возбужденных уголовных дел по преступлениям экстремистской и террористической направленности, а также материалы доследственной проверки, в которых имеются видимые признаки экстремистской или террористической деятельности;

- материалы дел оперативного учета¹;

- лица, принимавшие участие в конфликтах на межнациональной, религиозной, расовой, социальной почве;

- лица, включенные в реестр иностранных агентов² и контролируемых лиц³, а также действующие организации, внесенные в перечень⁴, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации;

- представители аффилированных экстремистских и террористических объединений;

- представители деструктивных молодежных, религиозных и иных объединений политической, идеологической направленности, которые могут иметь взаимосвязь с экстремистской организацией (сообществом);

- представители преступных групп общеуголовной и экономической направленности, которые могут иметь взаимосвязь с экстремистской организацией (сообществом);

¹ В соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них федеральным законом, могут заводить дела оперативного учета.

² См.: Реестр иностранных агентов // Минюст России: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-29112024.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).

³ См.: Реестр контролируемых лиц агентов // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.пф/ркл?ysclid=m6tf6k4122h203679359> (дата обращения: 06.02.2025).

⁴ См.: Перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации // Минюст России: офиц. сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7756/> (дата обращения: 06.02.2025).

- информационно-телекоммуникационные ресурсы экстремистской направленности или имеющие признаки таковых, в том числе администрируемые из-за рубежа, а также опубликованные на этих ресурсах данные (фото-, видео-, аудиозаписи и т. д.);

- публикации в СМИ, представители СМИ, владеющие информацией о деятельности экстремистской организации (сообщества), о фактах подготовки и совершения преступлений участниками экстремистской организации (сообщества), а также о лицах, состоящих в экстремистской организации (сообществе);

- теневые магазины, в том числе теневые интернет-форумы, осуществляющие реализацию экстремистских материалов;

- сотрудники подразделений по вопросам миграции МВД России, осуществляющие должностные полномочия, предусмотренные законодательством Российской Федерации⁵ в сфере исполнения законодательства о гражданстве, регистрационном и миграционном учете и т. д.;

- сотрудники многофункциональных центров, осуществляющие миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации⁶;

- сотрудники визовых центров, обслуживающие лиц, выезжающих в страны с повышенной степенью экстремистской и террористической активности;

- представители образовательных организаций, учащиеся которых были привлечены к ответственности за совершение преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности, а также состоящие (состоявшие) на профилактическом учете в связи с причастно-

⁵ См.: Вопросы деятельности Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с Положением о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации): приказ МВД России от 13 декабря 2019 г. № 940 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352599/ (дата обращения: 06.02.2025).

⁶ См.: О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65707/ae587ce7120a45554e98af00cc6d09cae10d (дата обращения: 06.02.2025).

стью к совершению правонарушений в сфере общественной безопасности;

— зарубежные теологические центры, коммерческие и некоммерческие организации, которые могут иметь взаимосвязь с экстремистским(-ой) сообществом (организацией);

— иные данные оперативно-справочных, централизованных криминалистических и розыскных, а также централизованных экспертно-криминалистических коллекций и картотек и др.

Отметим, что сбор информации является важным этапом в общей структуре алгоритма построения версий. Будучи начальным этапом, он предопределяет успех как алгоритма построения версий, так и в целом алгоритма выявления и расследования преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ.

2. Логическая обработка информации.

Логическая обработка информации представляет собой процесс систематического изучения, оценки и интерпретации данных, полученных в ходе оперативной разработки, доследственной проверки и непосредственно предварительного расследования, для установления фактов, имеющих значение для уголовного дела, а также выявления закономерностей и взаимосвязей между элементами преступной деятельности. На этом этапе проводится логическая обработка каждой единицы информации в целях выявления ее достоверности, актуальности и релевантности для дела, однако необходимо учитывать, что фактические данные по-разному удалены от главного факта, т. е. от интегральной версии, и поэтому имеют различное доказательственное значение [8, с. 81].

Логическая обработка информации включает в себя систематизацию и оценку всей собранной информации для формирования гипотез о том, как могла быть совершена преступная деятельность, кто мог быть причастен к ней, какие мотивы могли лежать в основе преступления и т. д. По нашему мнению, под систематизацией информации на этапе построения версий при выявлении и расследовании преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ, следует понимать процесс упорядочивания, классификации и организации данных, связанных с осуществлением преступной деятельности, в целях их эффективного использования на этапах разработки и планирования проверок версий. Систематизация информации может осуществляться по различным основаниям:

— временная составляющая создания и функционирования объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского(-ой) сообщества (организации);

— хронологическая последовательность приготовления, подготовки и реализации актов преступной деятельности участников экстремистского(-ой) сообщества (организации);

— территориальная характеристика функционирования участников, объединений организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского(-ой) сообщества (организации), а также осуществление отдельных актов преступной деятельности;

— функциональная зависимость участников, объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского(-ой) сообщества (организации) [9, с. 45];

— численность объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений экстремистского(-ой) сообщества (организации);

— степень устойчивости, вооруженности, возможная этническая окраска экстремистского формирования [10, с. 343];

— степень доказательственной силы улик, подтверждающих факт осуществления преступной деятельности и виновности конкретных лиц;

— мотивы осуществления преступной деятельности участников экстремистского(-ой) сообщества (организации);

— способы осуществления отдельных актов преступной деятельности участниками экстремистского(-ой) сообщества (организации);

— средства и орудия, использованные при осуществлении преступной деятельности;

— способы конспирации и сокрытия преступной деятельности.

Следующим компонентом логической обработки информации на этапе построения версии является оценка. Под оценкой следует понимать процесс критического осмысления данных, полученных на этапе сбора информации путем проведения следственных и иных процессуальных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, для определения их достоверности, актуальности, полноты и значимости при выявлении и расследовании преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и сообществ. Оценка может включать в себя сопоставление

данных, полученных из разных источников в ходе оперативно-разыскных, розыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий.

Логическая обработка информации на этапе построения версии является сложным и многоэтапным процессом, требующим высокой квалификации и внимательности от субъекта ДВРП. Правильная логическая обработка информации помогает сформировать корректные версии, которые впоследствии могут привести к своевременному раскрытию и расследованию преступной деятельности и привлечению виновных лиц к ответственности.

3. Выдвижение версии.

По результатам выдвижения и проверки своих умозаключений субъект ДВРП выдвигает общую версию для объяснения события преступления в целом, а также частные версии для объяснения отдельных обстоятельств его совершения [11, с. 42]. Общая и частные версии должны быть подкреплены доказательственной базой и логическими рассуждениями субъекта ДВРП. Необходимо согласиться с Н. Г. Шуруховым в том, что версия перестает быть предположением и становится достоверным знанием, если:

— все возможные предположения были выдвинуты и никаких других версий не возникло;

— все выдвинутые версии относительно данного обстоятельства были проверены, и все, кроме одной, нашедшей объективное подтверждение, были опровергнуты или отпали;

— все обстоятельства, логически выведенные из подтвердившейся версии, были всесторонне исследованы и нашли подтверждение;

— подтвердившаяся версия полностью соответствует всем другим обстоятельствам дела [11, с. 44].

Анализ и обобщение собранной нами в ходе настоящего исследования информации позволяют сделать следующие выводы:

1. Под алгоритмом выявления и расследования преступлений необходимо понимать сложную, разветвленную структуру, включающую последовательность поисковых, аналитических, оперативно-разыскных мероприятий, следственных и иных процессуальных действий субъекта ДВРП.

2. В структуру алгоритма выявления и расследования преступлений входят взаимосвязанные алгоритм построения версий, алгоритм разработки версий и алгоритм планирования их проверки.

3. В контексте алгоритма выявления и расследования преступлений нами разработан алгоритм построения версий, включающий такие взаимосвязанные этапы, как сбор информации, анализ информации, выдвижение версии.

Считаем, что разработанный алгоритмический подход поможет эффективно расследовать преступления по анализируемой категории дел. Настоящее исследование является началом в становлении алгоритмо-криминалистических основ выявления и расследования преступлений, связанных с функционированием экстремистских организаций и обществ.

1. Шаталов А. С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2000. 411 с.

2. Уварова И. А. Проблемы разработки алгоритмов расследования преступлений // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Сер. 2, Юрид. науки. 2017. № 4 (13). С. 60—62.

3. Светочев В. А. Понятие и сущность процессуально-криминалистического алгоритма // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 20—22.

4. Мalykhina Н. И. Алгоритм действий следователя при построении криминалистической модели неизвестного преступника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 187—190.

1. Shatalov A. S. Issues of algorithmization to investigate crimes. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2000: 411. (In Russ.).

2. Uvarova I. A. Issues to develop algorithms of investigation of crimes. Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Yuridicheskie nauki, 60—62, 2017. (In Russ.).

3. Svetoochev V. A. Concept and essence of the procedural-criminalistic algorithm. Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 20—22, 2014. (In Russ.).

4. Malykhina N. I. Algorithm of the actions of the investigator, when forming a forensic model of an unknown criminal. Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 187—190, 2018. (In Russ.).

5. Hilbert D. The grounding of elementary number theory / transl. from German by W. Ewald // Mancosu P. From Brouwer to Hilbert: The debate on the foundations of mathematics in the 1920s. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 266—273.

6. Паршиков В. И. О некоторых проблемах разработки и использования алгоритмов расследования отдельных видов преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2 (78). С. 100—107.

7. Лубин А. Ф. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лекций. Н. Новгород: НА МВД России, 2014. 201 с.

8. Колдин В. Я. Версионный анализ. Москва: Юрлитинформ, 2014. 152 с. (Библиотека криминалиста).

9. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания / П. В. Агапов, В. В. Меркурьев, С. В. Борисов [и др.]; под ред. В. В. Меркурьева. Москва: Акад. Ген. прокуратуры Российской Федерации, 2013. 248 с.

10. Давыдов В. О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 779 с.

11. Шурухнов Н. Г. Криминалистика в схемах и таблицах. Москва: ЭКСМО, 2016. 464 с.

5. Hilbert D. The grounding of elementary number theory. Transl. from German by W. Ewald. In: Mancosu P. From Brouwer to Hilbert: The debate on the foundations of mathematics in the 1920s. New York; Oxford: Oxford University Press; 1998: 266—273. (In English.).

6. Parshikov V. I. On some issues to develop and use algorithms for the investigation of certain types of crimes. Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 100—107, 2021. (In Russ.).

7. Lubin A. F. Criminalistic grounds of the activities to investigate crimes. Course of lectures. Nizhny Novgorod: the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2014: 201. (In Russ.).

8. Coldin V. Ya. Analysis of leads. Moscow: Yurlitinform; 2014: 152. (Forensic library). (In Russ.).

9. Agapov P. V., Merkuriyev V. V., Borisov S. V. (et al.). Organization of the extremism-related community: problems of qualification and proof. Red. by V. V. Merkuriyev. Moscow: Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2013: 248. (In Russ.).

10. Davydov V. O. Methods to investigate transnational criminal activity of an extremism-related nature. Dissertation of doctor of juridical sciences. Rostov-on-Don; 2019: 779. (In Russ.).

11. Shurukhnov N. G. Forensics in diagrams and tables. Moscow: Exmo; 2016: 464. (In Russ.).

Абаринов Андрей Дмитриевич,

адъюнкт

Нижегородской академии МВД России;
abarinovandrew@gmail.com

Abarinov Andrey Dmitrievich,

associate adjunct

of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
abarinovandrew@gmail.com

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.13

**ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ИГНОРИРОВАНИЯ
ИДЕИ НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

Алешина Мария Дмитриевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, aleshina29@list.ru

Аннотация. В современном отечественном уголовном процессе обнаруживается опасная тенденция. Складывается впечатление, что уголовный процесс хотят вывести из влияния системообразующей идеи неотвратимости наказания, исключив эту идею из системы идеологических основ уголовного судопроизводства. Делается это путем умалчивания об этой идее на законодательном уровне. Уголовно-процессуальное законодательство России прямо об идее неотвратимости наказания не упоминает и даже не напоминает. Нет упоминаний о ней и в российских законах, регламентирующих сопричастные судопроизводству виды деятельности. Уголовное законодательство России об идее неотвратимости наказания тоже умалчивает. Данная идея отменяется фактически официально, поскольку нормативное умалчение о ней равноценно законодательному запрету. Умышленное умалчение об этой идее в современном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации свидетельствует о наличии глубоких проблем уголовного судопроизводства. Проблема неотвратимости наказания из технологической перерастает в идеологическую. Специфическая бездеятельность законодателя наводит на мысль о том, что у нее есть концептуальное основание. Для объяснения этого явления автор выдвигает ряд гипотез.

Ключевые слова: идея неотвратимости наказания, неотвратимость уголовной ответственности, принципы уголовного процесса, идеология уголовного процесса, идеологические основы уголовного судопроизводства, задачи уголовного процесса

Для цитирования: Алешина М. Д. Проблема законодательного игнорирования идеи неотвратимости наказания в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 126—131.

**PROBLEM OF LEGISLATIVE IGNORING
THE IDEA OF INEVITABILITY OF PUNISHMENT
IN CRIMINAL PROCEDURE**

Maria Dmitrievna Aleshina

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia,
aleshina29@list.ru

Abstract. A dangerous trend is identified in modern domestic criminal procedure. It seems that the system-forming idea of inevitability of punishment will not influence criminal procedure. Thus, this idea will be excluded from the system of ideological foundations of criminal proceedings. This procedure is realized by keeping silent about this idea at the legislative level. The criminal procedure legislation of Russia does not directly mention or even remind about the idea of the inevitability of punishment. There are no mentions of it in Russian laws regulating activities related to legal proceedings. The criminal legislation of Russia is also silent about the idea of the inevitability of punishment. In fact, this idea is officially abolished, since the normative silence about it is an equivalent to a legislative ban. The deliberate silence about this idea in the acting Criminal Procedure Code of the Russian Federation indicates the presence of deep problems in criminal proceedings. The problem of the inevitability of punishment is developing from a technological one into an ideological one. The specific inactivity of the legislator suggests that there is a conceptual basis in it. To explain this phenomenon, the author puts forward a number of hypotheses.

Keywords: the idea of the inevitability of punishment, the inevitability of criminal responsibility, principles of criminal procedure, ideology of criminal procedure, ideological foundations of criminal proceedings, tasks of criminal procedure

For citation: Aleshina M. D. Problem of legislative ignoring the idea of inevitability of punishment in criminal procedure. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 126—131, 2025. (In Russ.).

В современной научной литературе объяснения феномена затухания законодательного внимания к идее неотвратимости наказания (конкретно в уголовном судопроизводстве) отсутствуют. А проблема эта важная, несущая в себе широкий потенциал неблагоприятных тенденций и последствий. Суть проблемы законодательного игнорирования идеи неотвратимости наказания видится в том, что современный отечественный уголовный процесс хотят максимально освободить от влияния ключевой системообразующей идеи, исключив эту идею из системы идеологических основ уголовного судопроизводства. Причем сделать это намереваются незаметно, без жаркой и широкой дискуссии, просто устранив упоминание о данной идее на законодательном уровне. Парадоксальная идеологическая сущность проблемы неотвратимости наказания заключается в том, что идея эта отменяется фактически официально, поскольку нормативное умолчание о ней равноценно законодательному запрету.

Это дает основание для констатации: проблема неотвратимости наказания из традиционно технологической переросла в нетрадиционно идеологическую. Для объяснения данного явления мы выдвинули ряд гипотез.

Первую гипотезу о том, что идея неотвратимости наказания в современных условиях отрицает и уничтожает сама себя в силу диалектики исторического развития, мы сразу отвергли вследствие ее очевидной абсурдности. Абсолютно доказано и не нами, что идея неотвратимости наказания — вечная и неуничтожимая идея, поскольку по сути своей она мировоззренческая, а следовательно, нерукотворная. По этой причине одному человеку, даже самому злонамеренному, не под силу ее уничтожить, однако группе людей (концептуально сплоченных и имеющих доступ к официальному правотворчеству) под силу саботировать или затруднить ее адекватное и эффективное проявление в праве и, как следствие, в практике. Иными словами, при определенном целеполагании идею неотвратимости можно снова загнать в мир идей, лишив ее необходимых средств воплощения.

Из этого неизбежно следует вторая гипотеза — о наличии определенной силы, которая инициирует

и осуществляет процессы, направленные на «маскировку» идеи неотвратимости наказания; которая приводит к такому парадоксу, чтобы вечная и неуничтожимая идея неотвратимости наказания была в наличии в уголовной и уголовно-процессуальной политике и одновременно отсутствовала в отраслевом законодательстве.

Следует сделать допущение, что эта сила может быть не столько антропоморфная, сколько, опять же, идеологическая, концептуальная. На практическом плане препятствия может творить человек (или группа людей), но направляет человека идея, концепция. Мир идей — это мир конкурентный. Профессор В. Т. Томин объяснял своим ученикам, что между принципами нет иерархии, но есть достаточно жесткая конкуренция. Каждый принцип хочет непременно доминировать, но его сдерживают другие мировоззренческие идеи. Эта конкуренция и создает устойчивость системы принципов. Поэтому выявить идею (концепцию), конкурирующую с идеей неотвратимости наказания, — это тоже важнейшая задача юридической науки.

Есть и еще одна гипотеза (третья) объяснения идеологического обострения проблемы неотвратимости наказания. Это случайное стечение обстоятельств вследствие изменения актуальной социально-политической обстановки. Тридцать пять лет назад В. Т. Томин задавался вопросом о роли личностей и случайностей в реализации неотвратимости наказания, правда, он ставил этот вопрос не в идеологическом, а в практическом ключе. Оценивая катастрофическое положение с практической реализацией идеи неотвратимости наказания, он писал: «Было бы ошибкой полагать, что сложившееся положение — следствие исключительно чьей-то злой воли, чьей-то бездеятельности и некомпетентности. Хотя это в какой-то (а в отношении некомпетентности и дилетантизма в очень большой) степени наличествует. Глубинные причины заключаются в другом: в реально сложившихся противоречиях уголовного судопроизводства» [1, с. 15].

Обращаем внимание на то, что В. Т. Томин не исключал злого умысла в саботаже идеи неотвратимости наказания, равно как некомпетентности и бездеятельности субъектов. Вот и мы не исклю-

чаем недоброго умысла, только пытаемся предположить его на идеологическом уровне. Все, что происходит с воплощением идеи неотвратимости наказания на уровне права, — неслучайно, но в то же время нельзя сказать, что непременно закономерно.

На наш взгляд, это явление следует признать аномальным. Угасание внимания к идее неотвратимости наказания в современном уголовно-процессуальном праве трудно объяснить леностью или некомпетентностью законодателя, поскольку мы исходим из презумпции добросовестности участников законотворческого процесса. Вместе с тем специфическая бездеятельность законодателя наводит на мысль о том, что бездеятельность эта умышленная и у нее есть концептуальное основание. От вечных исторических традиций по забывчивости не отказываются. Традиции имеют свойство особым образом напоминать о себе.

«Вечные традиции» здесь вовсе не метафора. Если исходить из многолетнего опыта советского уголовно-процессуального нормотворчества, то следует признать, что традиция действительно была, и заключалась она в том, что идея неотвратимости наказания должна быть непременно объявлена (пусть чисто декларативно) на уровне закона. Умышленное умолчание об этой идее в современном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ) свидетельствует о наличии глубоких идеологических проблем современного уголовного судопроизводства. Подчеркнем, что подобное умолчание может быть только умышленным. По неосторожности и недоразумению утратить (утаить) идеологические положения закона нельзя.

И здесь опять возникает версия неведомой концептуальной силы. В настоящее время мы имеем факт системного нормативного умолчания об идее неотвратимости наказания. Современное уголовно-процессуальное законодательство России прямо об идее неотвратимости наказания не упоминает и даже не напоминает. Нет упоминаний о ней и в российских законах, регламентирующих сопричастные судопроизводству виды деятельности. Примечательно, что уголовное законодательство России об идее неотвратимости наказания тоже умалчивает. Очевидно, что подобное системное умолчание на законодательном уровне требует определенной воли и согласованных действий.

Предвосхищая возможные возражения, следует упомянуть о том, что имеются мизерные исключе-

ния из этой тенденции. Это Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ и Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. В числе принципов, провозглашаемых этими законами, мы, соответственно, видим «неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности» и «неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности».

Эти исключения действительно мизерные, но при этом значение их крайне велико. Приведенные выше законодательные вкрапления говорят о том, что законодатель не забыл эту идею, только вспоминает о ней эпизодически и дифференцированно. Мы не беремся утверждать, что именно эти упоминания способствуют высокой раскрываемости указанных преступлений, но статистика подтверждает, что нераскрытых преступлений тут совсем немного.

В продолжение обоснования «проблемности» заметим, что воля и действия, саботирующие идею неотвратимости наказания, себя в публичном поле активно не проявляют. До сих пор наука уголовного процесса не дала однозначного ответа на вопрос о том, кто при прохождении законопроекта УПК РФ (№ 97700236-2) подменил текст «задач уголовного судопроизводства» текстом «назначения уголовного судопроизводства»¹. Эта новая формулировка заголовка и содержания статьи «выскочила» неожиданно в версии проекта, представленной для второго и третьего чтения. В первом же чтении проект УПК РФ был принят с формулировкой задач, в которых уже прямо не указывалось на идею неотвратимости наказания, но хотя бы содержался намек на нее; во втором чтении сам термин «задачи» был заменен «назначением», и формулировка этого назначения не передавала даже намека на идею неотвратимости наказания.

Получается, что на законодательном уровне на идею неотвратимости наказания в отечественном уголовном процессе последовательно воздействуют не словом, а молчанием. Хотя молчание это — по сути, намеренное игнорирование — и есть настоящее дело, точнее противодействие. В том, что такое противодействие присутствует, сомневаться не приходится. И плоды этого противодействия (пробелы в законе) очень хорошо заметны, особенно на фоне уголовно-процессуального

¹ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700236-2> (дата обращения: 03.04.2025).

законодательства сопредельных государств, которое в разных вариациях, но сохраняет публичное признание идеи неотвратимости наказания.

В рамках углубления проблематизации идеи неотвратимости наказания подчеркнем, что противодействие это тихое, незаметное и потому коварное, как всякая бессимптомная болезнь. Нам представляется, что вокруг идеи неотвратимости наказания складывается обстановка специфического «удушения». Идею неотвратимости наказания лишают необходимого «кислорода» и энергетической подпитки. Складывается впечатление, что к данной идее применяется популярная ныне тактика ведения информационной войны — тактика обнуления. Суть этой тактики заключается в том, что если явление убрать из информационного поля, не упоминать о нем долгое время, то для общества оно исчезает и под напором иных информационных потоков окончательно «выдавливается» из памяти.

Мы уже показали, что из правового поля (речь идет о российском законодательстве) упоминания о неотвратимости наказания исчезли абсолютно. А это самая главная предпосылка полного забвения идеи неотвратимости наказания. Но это еще полбеды. Тактика обнуления идеи неотвратимости наказания распространяется не только на сферу отечественного права. В научном пространстве позитивные упоминания о неотвратимости наказания сегодня тоже являются редкостью. Проверить это утверждение можно, составив соответствующий запрос в библиотеке eLibrary. Из предложенного списка можно выбрать не более двух десятков статей. Диссертаций и монографий на эту тему в предлагаемой подборке не имеется. По сути, идея неотвратимости наказания сохраняется преимущественно «народной памятью». Пока упоминания о неотвратимости наказания являются неотъемлемой частью «ритуальных» официальных угроз преступности. Они звучат в речах и лозунгах высокопоставленных должностных лиц правоохранительных органов. Звучат искренне и убедительно. Однако это лишь обостряет вопрос о том, почему подобных упоминаний уже нет в нормативных документах, в том числе издаваемых правоохранительными ведомствами.

А ведь совсем недавно нормативно-документальное упоминание о неотвратимости наказания было обязательным и почетным. Во времена господства ленинского принципа неотвратимости наказания (советский период) не только в Основах уголовно-процессуального законодательства СССР и в УПК РСФСР и иных союзных республик, но

и в других законах и нормативных актах можно было встретить конкретные формулировки, подтверждающие востребованность и значимость идеи неотвратимости наказания.

Чтобы проиллюстрировать старую и новую тенденцию, возьмем для сравнения законодательство о прокуратуре разных исторических периодов. Закон СССР «О прокуратуре СССР» от 30 ноября 1979 г. в ст. 3 «Основные направления деятельности прокуратуры» прямо прописывает, что важнейшим направлением является «обеспечение неотвратимости ответственности за преступление». В статье 28 указанного закона советский законодатель вновь вспоминает о неотвратимости: «Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему прокуроры осуществляют надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия с тем, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало установленной законом ответственности»¹.

Комментарии, как говорится, излишни. Пояснения нужны к современному законодательству. В законах, устанавливающих идеологические основы деятельности ключевых правоохранительных ведомств, ничего подобного нет. В постсоветских законах о прокуратуре, полиции и следственных органах законодатель ни разу не обмолвился об идее неотвратимости наказания, даже не намекнул на нее. Поэтому еще раз вернемся к гипотезе о том, что системное умолчание об идее неотвратимости наказания, скорее всего, не просто историческое стечение случайных обстоятельств, а вполне конкретное, причем проектируемое явление, растянувшееся во времени. К тому же, явление явно идеологической природы. Настораживает, что данный факт в науке серьезно пока не оценен. Лишь отдельные исследователи обращают внимание на некоторый сбой в системе уголовно-процессуального законотворчества. Примечательно, что они, как и мы, делают в первую очередь идеологический акцент, подчеркивая, в частности, что современная законодательная формулировка назначения уголовного судопроизводства, игнорирующая важнейшие правоохранительные идеи (ст. 6 УПК РФ), возникла в силу не правовых, а политических причин.

В. О. Белоносов, анализирувавший «доктринальную» обстановку, сложившуюся вокруг дис-

¹ О прокуратуре СССР: закон СССР от 30 ноября 1979 г. // Ведомости Верховного совета СССР. 1979. № 49. Ст. 843.

куссионной нормативной версии целеполагания в уголовном процессе (ст. 6 УПК РФ), пришел к следующему выводу: «Анализ высказываний разных авторов по этому вопросу позволяет констатировать, что этот пробел вызван не столько недоработкой законодателя, сколько причинами не совсем правового характера» [2, с. 22]. Как видим, автор делает акцент на том, что причины реформатирования задач находятся за пределами уголовно-процессуального права. Следовательно, можно предположить, что и следствия, вытекающие из этих причин, тоже простираются за пределы правового поля.

Кроме того, В. О. Белоносков справедливо отметил: «Вопрос о задачах уголовного судопроизводства оказывает сильнейшее воздействие на толкование фундаментальных уголовно-процессуальных положений, порождая существенные пробелы в законодательстве, к числу которых относятся, например: отказ от поиска того, что называется „истина“; отказ от неотвратимости ответственности» [2, с. 22—23].

Как видим, отказ от законодательного упоминания о неотвратимости наказания определяется как существенный пробел в законодательстве. И мы с этим согласны. Подобной оценки придерживаются и другие авторы. А. Н. Конев, переводя проблему игнорирования неотвратимости наказания в идеологическую плоскость, заметил, что на законодательном уровне «ослабление „принципиального статуса“ идеи неотвратимости наказания началось с самого начала современной судебно-следственной реформы. Эта тенденция уже четко заметна в статье 2 Модельного УПК, подготовленного для стран СНГ» [3].

Законодательное замалчивание идеи неотвратимости наказания мы оцениваем как явное и целенаправленное внедрение в уголовно-процессуальное законодательство идеологической установки на снижение значимости идеи неотвратимости наказания, а точнее на «затуманивание» этой идеи в целях ее полной «архивации».

По нашему мнению, сегодня идея неотвратимости наказания жива лишь потому, что подпитывается немногочисленными научными текстами и неуывающей памятью правоохранительных органов, живущей в правосознании сотрудников и традициях, которыми эти органы гордятся.

Есть и еще один научный вопрос: может быть, с некоторых пор идею неотвратимости наказания отечественный законодатель посчитал неактуальной. Действительно, ведь государство так и не смогло создать уголовный процесс, который

бы полностью реализовывал идею неотвратимости наказания. Советские ученые, с одной стороны, возвышали идею неотвратимости до статуса «ленинского принципа неотвратимости наказания», а с другой — оценивали этот принцип как декларативное положение. Подобное положение, естественно, не устраивало ученых. Идея неотвратимости наказания требовала адекватного практического выхода. Наука искала этот выход, но не находила. И, тем не менее, мечтала о нем. Так, профессор В. Т. Томин в буквальном смысле рассуждал о желанном и первом в мире юридическом чуде, уголовном процессе, который бы не декларировал, а реально обеспечивал неотвратимость наказания [4].

Таким образом, полная и всеохватная реализация идеи неотвратимости наказания во всех ее возможных процедурных воплощениях исподволь помещалась в раздел не столько научного, сколько чудесного. Недаром В. Т. Томин использовал метафору «чуда». Он же обращал внимание на то, что данная идея притягивает и другие проблемы, что она находится в центре противоречий, присущих уголовному процессу. И первым в списке значилось противоречие между потребностями общества в социальной справедливости и возможностями правоохранительной системы [4].

Закономерен вопрос: как быть государству, оказавшемуся в таком положении и осознающему, что полная практическая реализация идеи неотвратимости наказания ему не по силам? С одной стороны, государство не может отказаться от взятого на себя обязательства по реализации идеи неотвратимости наказания. Если оно откажется, то нарушит общественный договор и потеряет статус справедливого государства. Но с другой стороны, как следует поступать государству, осознающему, что главный его инструмент в борьбе с преступностью — уголовный процесс — не в состоянии обеспечить эту неотвратимость по всем уголовным делам?

В данном случае, опять же, не обойтись без научного объяснения и правильного подхода к пониманию сущности идеи неотвратимости наказания. Нужно рассуждать по схеме, согласно которой отдельные факты нераскрытых преступлений и ускользнувших от наказания преступников не должны ставить под сомнение важность и значимость неотвратимости наказания как основополагающей идеи, претендующей одновременно на статус принципа и общей цели уголовного судопроизводства и даже на более высокий статус общих идеологических основ современного уго-

ловного судопроизводства. Здесь имеет место как раз классическая ситуация, когда исключения лишь укрепляют правило. Следовательно, мелкие издержки, как некая допустимая погрешность, — это не повод отказываться от ключевой идеи, составляющей ядро договора государства и общества в части борьбы с преступностью.

Представленные рассуждения подводят нас к важнейшему аспекту проблемы идеи неотвратимости наказания, выражаемому вопросом: обладает ли эта идея истинностью, не обманчива ли она, не является ли пустым лозунгом?

На эти вопросы нужно дать отрицательный ответ. Идея неотвратимости наказания крайне важна,

но ей в отечественном уголовном процессе угрожает ряд опасностей. Распознавание и выявление этих опасностей — важнейшая проблема юридической науки. Тенденцию латентного отрицания идеи неотвратимости наказания на законодательном уровне надо преодолевать, используя авторитет научного метода. По сути, сегодня нужно заново открыть эту идею на теоретическом уровне, представить ее в качестве полноценной научно обоснованной идеологической основы современного уголовного судопроизводства.

1. Томин В. Т. Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький: Горьков. высш. шк. МВД ССР, 1989. 111 с.

2. Белоносов В. О. О назначении и задачах уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В. А. Лазаревой. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 22—23.

3. Конев А. Н. Принцип неотвратимости наказания в системе идеологических установок современного уголовного процесса // Юридическая наука и практика: альманах науч. тр. Самар. юрид. ин-та ФСИН России / гл. ред. Р. А. Ромашов. Самара, 2014. С. 169—172.

4. Томин В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства. Москва: Юрид. лит., 1991. 239 с.

1. Tomin V. T. Criminal proceedings: the revolution continues. Gorky: the Gorky training college of the Ministry of the Interior of the USSR, 1989: 111. (In Russ.).

2. Belonov V. O. On the purpose and tasks of criminal proceedings. In: Topical problems of modern criminal procedure in Russia. Inter-university collection of scientific articles. Red. by prof. V. A. Lazareva. Samara: Publishing house of the Samara University; 2007: 22—23. (In Russ.).

3. Konev A. N. Principle of inevitability of punishment in the system of ideological attitudes of modern criminal procedure. In: Legal science and practice. Almanac of scientific works of the Samara Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Red. by R. A. Romashov. Samara; 2014: 169—172. (In Russ.).

4. Tomin V. T. Sharp corners of criminal proceedings. Moscow: Legal Literature; 1991: 239. (In Russ.).

Алешина Мария Дмитриевна,

адъюнкт адъюнктуры
Нижегородской академии МВД России;
aleshina29@list.ru

Aleshina Maria Dmitrievna,

associate adjunct of the postgraduate courses
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
aleshina29@list.ru

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 20.04.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 14.04.2025; approved after reviewing 20.04.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 343.9

**ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕРВИСОВ ЗНАКОМСТВ**

Екатерина Ивановна Гажаева

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, budylinakaterina@yandex.ru

Аннотация. Сервисы для знакомств становятся все более популярными в современном обществе, однако их влияние на пользователей остается недостаточно изученным. В данной статье рассматриваются особенности криминального информационного воздействия на пользователей сервисов знакомств. Актуальность темы обусловлена быстрым развитием технологий и изменением социальных норм, что способствует формированию новых паттернов поведения в сфере межличностных отношений и совершению преступлений. Анализируется, как информация, представленная на платформах для знакомств, влияет на восприятие пользователей, их решения и выбор, побуждающие совершать преступления. Особое внимание уделяется таким аспектам, как качество представленной информации, манипулятивные технологии, используемые при общении на сервисах и в алгоритмах рекомендаций, влияние сервисов интернет-знакомств на формирование идеалов и ожиданий. В результате исследования выявлены ключевые факторы, способствующие успешному взаимодействию пользователей между собой и с сервисами интернет-знакомств. Определен ряд способов криминального воздействия, а также предложено внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в работу сервисов для распознавания и блокирования контента и информации, которые могут пагубно повлиять на психику человека и подтолкнуть к совершению преступных действий. Предложены и пути совершенствования этих платформ с учетом информационного воздействия. В статье обсуждаются положительные и отрицательные аспекты использования сервисов интернет-знакомств.

Ключевые слова: сервисы интернет-знакомств, информационно-телекоммуникационные технологии, искусственный интеллект, информация, криминальное информационное воздействие, способы воздействия, пользователь

Для цитирования: Гажаева Е. И. Особенности криминального информационного воздействия на пользователей сервисов знакомств // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 132—138.

**PECULIARITIES OF CRIMINAL INFORMATION INFLUENCE
ON DATING SERVICES USERS**

Yekaterina Ivanovna Gazhaeva

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, budylinakaterina@yandex.ru

Abstract. Dating-related services are becoming increasingly popular in modern society, but their impact on users remains studied insufficiently. This article examines the peculiarities of criminal information impact on users of dating-related services. The relevance of the topic is due to the rapid development of technology and changes in social norms, which contribute to the formation of new patterns of behavior in the interpersonal relationships and facilitates the commission of crimes. The author analyzes how the information presented on dating-related platforms influences users' perceptions, decisions and choices to encourage them to commit crimes. Particular attention is paid to such aspects as the quality of information presented, manipulative technologies used in communication on the sites and in recommendation algorithms, as well as the influence of online dating-related services on the formation of ideals and expectations. The research identifies the key factors contributing to the successful interaction "user — user" and "user — online dating-related service". The author determines a number of ways of criminal influence and suggests the use of artificial intelligence algorithms in the activities of services to recognize and block content and information that could have a harmful effect on the human psyche and possibly encourage a person to commit crimes. The way to improve dating-related platforms

considering information impact is proposed in the research. The article also discusses the positive and negative aspects of using Internet dating-related services.

Keywords: Internet dating-related services, information and telecommunication technologies, artificial intelligence, information, criminal information influence, ways of influence, user

For citation: Gazhaeva Ye. I. Peculiarities of criminal information influence on dating services users. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 132—138, 2025. (In Russ.).

В XXI в. начинается эпоха онлайн-знакомств. В этот период набирают популярность специализированные сервисы, приложения, мессенджеры для знакомств, которые распространяются по всему миру. Сегодня лидерами по числу пользователей в России являются Mamba, «ДругВокруг», Tabor, «VK Знакомства», LovePlanet, Pure. Касательно указанных сервисов мнение исследователей различно. Некоторые считают, что люди используют эти сайты для поиска друзей, встреч на один раз или же для случайных половых связей, другие же отмечают, что для поиска любви. Проанализировав возрастные группы лиц, которые используют сервисы интернет-знакомств (далее — СИЗ), мы сделали вывод о том, что значительный рост пользователей рассматриваемой сети наблюдается среди тех, кому от 18 до 45 лет. Согласно проведенному нами анонимному онлайн-опросу в сети Интернет пользователей СИЗ было установлено, что наиболее распространенной причиной использования СИЗ является поиск друзей для общения. Примерно 49,5 % опрошенных ответили, что используют данные сайты, чтобы побороть одиночество, при этом 15,5 % утверждают, что нашли своих будущих супругов.

Несмотря на положительный аспект общения людей посредством СИЗ, во многих случаях их пользователи становятся жертвами преступных действий, когда информация превращается в элемент криминального психологического воздействия.

Пресс-служба Генеральной прокуратуры отмечает, что из 1,8 млн преступлений за 2024 г. 477 тыс. были совершены с использованием Интернета: «В целом на долю IT-преступлений — преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий или компьютерной информации, к которым относятся преступления в Интернете, соц-сетях и мессенджерах, телефонные мошенничества, хищения средств с банковских карт, преступления с использованием электронных платежных систем для онлайн-покупок, преступления в даркнете, хакерские преступления — приходится каждое третье регистрируемое преступление (614,8 тыс.). Более половины среди IT-преступлений (324 тыс.) — мошенничества. За неполный прошлый год число

зарегистрированных IT-преступлений выросло на 30 %, а IT-мошенничеств — на 40 %»¹. Следовательно, можно говорить о том, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, имеют высокую актуальность в настоящее время, что, несомненно, побуждает нас уделить внимание немаловажному вопросу о криминальном информационном воздействии на пользователей СИЗ.

Хотелось бы отметить, что преступления, которые совершаются с использованием СИЗ, в основном имеют корыстную направленность: п. «г», ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) — «кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», ст. 159 УК РФ — «Мошенничество», ст. 163 УК РФ — «Вымогательство». Так, в рамках анализа данных категорий преступлений нами были изучены 28 материалов архивных уголовных дел, в результате было установлено, что примерно в 90 % случаев совершаются преступления, предусмотренные ст. 159 УК РФ, в 8 % — п. «г», ч. 3 ст. 158 УК РФ и лишь в 2 % случаях, предусмотренные ст. 163 УК РФ.

Под информацией, которая может заинтересовать потенциального преступника, следует понимать определенные данные, описания, свидетельствующие о каких-либо событиях или о чьих-либо интересах. Другими словами, информация в профиле пользователя СИЗ отражает сведения о лице, его интересах, независимо от того, являются ли эти данные истинными или ложными. Эта информация может привлечь внимание потенциального преступника и привести его к мысли о действиях, направленных на реализацию своего корыстного мотива и причинение ущерба другому пользователю сервиса знакомств.

Обратим внимание на термин «криминальное информационное воздействие» — влияние на сознание или психику человека с помощью информации или информационных технологий. Оно

¹ Каждое четвертое преступление в России совершают через Интернет. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19669641> (дата обращения: 05.04.2025).

подразделяется на прямое и косвенное воздействие. Говоря о прямом воздействии, необходимо понимать, что это целенаправленный перенос информации от одного пользователя к другому. Мы можем отнести к данному процессу следующее: убеждение, осуждение, воспитание, сравнение, поддержку, изменение настроения (психологическое состояние). Косвенное воздействие — это влияние окружающей физической и социальной среды пользователей, которое воздействует на психическое состояние лица и может изменить его. Следовательно, влияние информации на пользователей СИЗ мы можем отнести к косвенному воздействию.

Криминальное информационное воздействие на пользователей СИЗ реализуется в основном при использовании потенциальными преступниками смартфонов и компьютеров. Так, в своей работе Д. Ранзини и К. Лутц определяют, что популярность специализированных сервисов и приложений для знакомств обусловлена четырьмя факторами:

1. Портативность смартфонов и планшетов, которая дает возможность использовать сервисы знакомств в любых условиях, независимо от места нахождения лиц [1].

2. Доступность и простота, способствующие частому и спонтанному использованию СИЗ.

3. Функциональность поиска по различным критериям (таким как вес, рост, телосложение, религия, уровень дохода, сексуальная ориентация, образование и т. д.).

4. Мультимедийные средства, которые дают пользователям возможность обмениваться не только текстовыми сообщениями, но и фотографиями, видеозаписями, а также интегрировать свои профили с аккаунтами в социальных сетях [2].

Безусловно, мы согласны с мнениями авторов, которые определяют причины роста популярности СИЗ, однако вместе с указанным ростом повышается и уровень их использования в преступных целях. Этот факт подтверждает проведенное нами анкетирование 200 сотрудников следственных подразделений МВД России, по результатам которого было установлено, что 98 % респондентам известны факты, когда сайты знакомств использовались в преступных целях. Таким образом, данные виды преступлений имеют сегодня высокую актуальность, ввиду чего необходимо выяснить условия информационного воздействия на пользователей СИЗ, которые могут повлиять на сознание преступника.

Каждое совершенное преступление на платформах для знакомств имеет ряд предпосылок, одной из которых является информация, представленная на СИЗ. Именно она играет значимую роль в формировании восприятия пользователей и их взаимодействии друг с другом. Для установления причины криминального информационного воздействия на пользователей сервисов знакомств следует определить криминалистическую характеристику совершаемых преступлений, а именно:

1. Предмет преступления. В случае с преступлениями, совершенными с использованием СИЗ, таким предметом выступает имущество, на хищение которого направлены действия преступника.

2. Личность преступника. В основном преступления на СИЗ совершаются лицами в возрасте от 18 до 45 лет, владеющими компьютерной техникой на уровне пользователя, имеющими в 85 % случаев высшее образование, целью которых является завладение чужим имуществом или личными данными.

3. Личность потерпевшего. Потенциальная жертва для преступника на СИЗ имеет особенности, которые обращают на себя внимание, например: 1) импульсивность; 2) доверчивость; 3) отчаяние; 4) зависимость и др. Именно эти особенности позволяют преступнику найти потенциальную жертву. Возраст потерпевших варьируется от 27 до 55 лет.

4. Способы совершения преступления. Для реализации своего корыстного мотива субъект преступления заранее проводит подготовительные мероприятия, первоочередной задачей которых является мониторинг информации, указанной у пользователей в профиле на СИЗ. Выделив для себя потенциальную жертву, преступник подбирает метод воздействия и разрабатывает план-схему, а также определяет манипулятивные приемы для реализации своего корыстного мотива.

5. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений на СИЗ:

- а) первое впечатление и визуальная информация. Как отмечает Д. Ю. Песчанная, первое впечатление о потенциальном партнере формируется на основе профиля, фотографий и описания [3]. Часто пользователи СИЗ фальсифицируют данные о себе, чтобы создать иллюзию красивой жизни. Лица с фейковыми профилями имеют умысел на то, чтобы получить какую-либо выгоду от новых знакомств с последующим нанесением потерпевшим ущерба. Например, используя сервис знакомств Табог, гр. М. создал профиль, сфальсифицировав данные. В тот же период гр-ка П.

под своей фотографией в личном профиле оставила информацию о себе, в которой указала, что она часто путешествует, работает в крупной компании и обладает высоким заработком. В свою очередь, гр. М. принял решение начать общение с гр-кой П., так как хотел обогатиться за ее счет. Гр. М. рассказал гр-ке П., что тоже является директором крупной фирмы по обработке алмазов за границей, присылал фотографии офиса, которые были поддельными. Продолжая общение в течение года, гр. М. попросил гр-ку П. прислать ему 500 000 руб., так как его карты заблокировали в связи с крупными денежными переводами, и он завел новую, на которой нет средств, а ему срочно нужно перевести деньги партнерам из Китая. Не раздумывая, гр-ка П. перевела денежные средства на указанный номер счета, так как полностью доверяла гр. М. Через некоторое время гр. М. перестал выходить на связь и удалил все свои аккаунты в социальных сетях, а также поменял номер телефона. Таким образом, гр. М. причинил ущерб гр-ке П. в размере 500 000 руб.¹

Исходя из приведенного примера, материалов судебной практики, мы можем сделать вывод о том, что информация, которую пользователи указывают о себе, влияет на потенциального преступника, провоцирует его воспользоваться как материальным положением, так и моральным состоянием потенциальной жертвы;

б) виртуальная коммуникация. При общении в виртуальной среде особой популярностью пользуются невербальные сигналы, такие как смайлы, которые могут значительно изменять восприятие сообщений и привести к недопониманию. Другими словами, пользователь может направить одно и то же сообщение, но с различными смайлами, что может вызвать конфликт с собеседником или его недовольство [4]. Однако в случае совершения преступлений, связанных с вымогательством, преступник, который, например, вынудил потерпевшую прислать фотографии интимного характера, чаще всего при общении подает множество невербальных сигналов. Кроме того, он использует манипулятивные тактики, чтобы расположить жертву к себе и реализовать свои корыстные намерения;

в) эффект завышенных ожиданий. СИЗ используют алгоритмы для фильтрации кандидатов на основе предпочтений пользователей, что создает

персонализированный опыт, позволяющий находить людям более подходящих партнеров и друзей для общения и знакомств. Однако данная фильтрация может привести к эффекту завышенных ожиданий и излишней доверчивости, что делает пользователей более уязвимыми перед мошенниками [5]. Так, преступник может при общении внушить своей потенциальной жертве иллюзии об идеальных отношениях, которые выражаются через подарки, комплименты, заботу и др. Еще одним примером служит использование нейросети Turbotext, которая по запросу генерирует изображение и создает фотографию вымышленного человека. Полученный результат пользователь в последующем может разместить в своем профиле и выдавать себя не за того, кем он является на самом деле;

г) беспечность пользователей. Важно понимать, что в настоящее время актуальными проблемами являются конфиденциальность и безопасность пользователей СИЗ. Так, личные данные, которые пользователь указывает в своем профиле или сообщает в диалоге, могут быть похищены, что представляет угрозу для безопасности. Другими словами, при общении пользователи СИЗ, помимо того, что публикуют фотографии и оставляют информацию о себе, часто высылают свои личные данные, не задумываясь о последствиях и опасности их разглашения. По сведениям разработчика средств для информационной безопасности SefrchiInforms, данные, в том числе в ином виде, были похищены из 91 % компаний². То есть пришедшая в наш мир форсированная цифровизация демонстрирует необходимость повышения уровня цифровой грамотности как населения, так и сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, механизм криминального информационного воздействия на пользователей СИЗ представляет собой комплексный подход субъекта преступления, заключающийся не только в проведении им мониторинга профилей потенциальных жертв и подборе наиболее эффективного психологического воздействия на них, но и в выборе технических средств для реализации своего корыстного мотива.

¹ Материалы уголовного дела от 09.09.2024 № 12401250032001223 // ГУ МВД России по Иркутской области; МУ МВД Иркутское; ОП-4 МУ МВД России Иркутское.

² Большинство сотрудников не задумываются о том, что их мессенджеры контролируют: как в России сливают конфиденциальную информацию и что за это бывает // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/411175-bolshinstvo-sotrudnikov-ne-zadumyvayutsya-o-tom-chto-ih-messendzherykontroliruyut> (дата обращения: 03.03.2025).

При изучении криминального информационного воздействия становится очевидно, что пользователи, имеющие корыстный мотив, создают ложный профиль на СИЗ в целях хищения личных данных и имущества потенциальной жертвы путем генерирования фотографий и информации о себе. Заранее сфальсифицировав личные данные, преступник начинает поиск потенциальной жертвы, анализируя информацию пользователей, которую они указывают о себе. Киберпреступникам стало легче находить новых жертв, так как люди используют СИЗ в целях анонимного общения. Анонимность на платформах онлайн-знакомств, с психологической точки зрения, позволяет людям становиться более раскрепощенными, т. е. предоставляется возможность для близкого общения. В то же время данный аспект привлекает внимание преступников для совершения противоправных действий на СИЗ.

Существуют приложения и сервисы, которые не требуют создания детализированных профилей, например Pure, Masked.love. Эти сайты полностью анонимные, на них не нужно регистрироваться, т. е. любое лицо, даже не достигшее 18 лет, может входить и общаться на сервисе, на котором не поддерживается деплатформинг (форма интернет-цензуры). Следовательно, при использовании несовершеннолетним лицом данного сервиса его половая свобода и половая неприкосновенность могут быть нарушены. Например, преступники устанавливают доверительные отношения с несовершеннолетними и просят прислать фотографии или информацию интимного характера, которые в дальнейшем могут быть использованы для шантажа. Другими словами, несовершеннолетние лица — пользователи СИЗ подвергаются повышенному риску онлайн-груминга, травли, эмоционального насилия и пр. [6] При изучении такого сервиса, как Masked.love, нами было определено, что информация, размещенная на сайте, может не только пагубно воздействовать на психику несовершеннолетнего, но и подтолкнуть лицо с сексуальными девиациями к противоправным действиям.

Статистика свидетельствует о том, что сервисы для знакомств в настоящее время становятся площадкой для различных видов преступлений. Необходимо отметить, что информационное воздействие на пользователей данных сервисов создает благоприятные условия для преступника, желающего воспользоваться уязвимостью лиц. При рассмотрении механизма криминального информационного воздействия на пользователей СИЗ важно понимать, что преступник выполняет

действия, при которых создаются условия совершения им преступления, в частности такие, как:

а) вымогательство. Преступники могут путем шантажа использовать фотографии интимного характера или личные данные. Это происходит после того, как жертва доверилась собеседнику и поделилась откровенной информацией;

б) кибербуллинг. Как известно, анонимность СИЗ позволяет преступникам влиять на своих жертв при помощи манипуляционных воздействий и угроз, а это может привести к психологическим травмам;

в) мошенничество. Пользователи специализированных СИЗ часто становятся жертвами мошенников, которые с помощью искусственного интеллекта и различных возможностей сети Интернет создают фальшивый профиль. Как поясняет компания ESET, работающая в сфере информационной безопасности, «преступники прибегают к методам социальной инженерии, тщательно планируют атаку исходя из особенностей конкретной жертвы»¹.

Так, приговором Рузского районного суда гр. П. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Было установлено, что гражданин Нигерии П., проживающий на территории Российской Федерации с 2018 г., создал поддельный аккаунт на сервисе LovePlanet под именем Изабелла, в профиле которого была размещена следующая информация: «Ищу мужчину, одинока, не могу найти настоящего мужчину, который всегда был бы рядом». Гр. П. познакомился с потерпевшим С. В ходе длительного общения гр. П. сообщил С., что является гражданкой США, проходит военную службу в Сирии в качестве медицинского работника и находится в поиске мужчины. Она так устала от тяжелой профессии, что хочет оказаться за сильной мужской спиной. Продолжая общение и перейдя на более высокий уровень доверия, они договорились о совместном проживании в России. Гр. П. попросил С. о помощи в пересылке своих ценных вещей и денежных средств, а именно об оплате данной посылки при получении, в результате чего последнему был причинен имущественный ущерб². Преступник создал аккаунт, в котором сфальси-

¹ Мошенники стали использовать искусственный интеллект. URL: <https://iz.ru/1684414/2024-04-19/moshenniki-stali-ispolzovat-iskusstvennyi-intellekt-dlia-sozdaniia-profilei-zhertv> (дата обращения: 03.03.2025).

² Приговор Рузского районного суда Московской области от 13 марта 2023 г. по делу № 1-25/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.03.2025).

фицировал данные и указал информацию о женщине, которая нуждается в поддержке. Он вошел в доверительные отношения с потерпевшим, при помощи манипуляций ввел его в заблуждение и получил от последнего материальную выгоду.

Подводя итоги нашего исследования, сделаем следующие выводы:

1. В связи с появлением новейших технологий и разработкой алгоритмов искусственного интеллекта повысился спрос на их использование в преступных целях. В частности, когда речь идет о СИЗ и влиянии криминальной информации на их пользователей, преступники научились анализировать и использовать данные, которые люди указывают о себе, в своих корыстных целях.

2. С помощью алгоритмов искусственного интеллекта преступники учитывают информацию о потенциальной жертве и планируют диалог, позволяющий реализовать корыстный умысел. В связи с этим, на наш взгляд, для нивелирования результатов криминального информационного воздействия на пользователей необходимо сосредоточить внимание на действиях модераторов СИЗ — обя-

зать их контролировать размещение информации. Предлагаем также использовать алгоритмы искусственного интеллекта, которые будут запрограммированы на распознавание и блокирование информации, не содержащей деплатформинга. Внедрить алгоритмы искусственного интеллекта в работу сервисов для распознавания и блокирования контента и информации, которые могут пагубно повлиять на психику человека и спровоцировать на совершение преступных действий.

3. Целесообразно возложить на модераторов (владельцев) СИЗ разработку и внедрение механизма защиты личных данных пользователей от несанкционированного доступа с помощью алгоритмов искусственного интеллекта.

Предложенные нами решения будут способствовать предупреждению преступлений в отношении пользователей СИЗ, что в результате повлечет за собой снижение преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и сделает виртуальное пространство более безопасным.

1. Ranzini G., Lutz C. Love at first swipe? Explaining Tinder self-presentation and motives // *Mobile Media and Communication*. 2017. Vol. 5, № 1. P. 80—101.

2. Бимбинов А. А. Уголовно-правовые риски использования мобильных приложений для знакомств // *Всероссийский криминологический журнал*. 2024. № 2. С. 181—190.

3. Песчанная Д. Ю. Внешний вид как фактор формирования первого впечатления о человеке // *Скиф*. 2019. № 5-1 (33). С. 77—81.

4. Крылов Ю. В. Жанр невербального ответа в виртуальной коммуникации // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2022. № 2 (4). С. 19—35.

5. Зырянов Б. В. Позиционирование пользователя социальной сети онлайн-знакомств (на примере TINDER) // *Меди@льманах*. 2018. № 4 (87). С. 42—53.

6. Влияние социальных сетей на эмоциональные переживания пользователей: социологический аспект / Т. А. Рязанова, А. И. Крейк, Д. Ф. Саломатова, Е. А. Бердова // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2023. № 5 (109). С. 16—25.

1. Ranzini G., Lutz C. Love at first swipe? Explaining Tinder self-presentation and motives. *Mobile media and communication*, 80—101, 2017. (In Russ.).

2. Bimbinov A. A. Criminal-legal risks of using mobile dating-relate apps. *All-Russian journal of criminology*, 181—190, 2024. (In Russ.).

3. Peschannaya D. Yu. Appearance as a factor to form the first impression of a person. *Skif*, 77—81, 2019. (In Russ.).

4. Krylov Yu. V. Genre of nonverbal response in virtual communication. *Verba. North-West linguistic journal*, 19—35, 2022. (In Russ.).

5. Zyryanov B. V. Positioning of the user of the social network of online dating (on the example of TINDER). *Medi@lmanah*, 42—53, 2018. (In Russ.).

6. Ryazanova T. A., Kreyk A. I., Salomatova D. F., Berdova Ye. A. Influence of social networks on the emotional experiences of users: a sociological aspect. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 16—25, 2023. (In Russ.).

Гажеева Екатерина Ивановна,
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России;
budylinakaterina@yandex.ru

Gazhaeva Yekaterina Ivanovna,
associate adjunct
at the department of criminalistics
of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia;
budylinakaterina @yandex.ru

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 25.02.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 25.02.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 341.45

**О ПОНЯТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Никита Романович Максимов**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, mccmov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Автор высказывает мнение, что даже в условиях сложной международной обстановки взаимодействие с иностранными государствами по вопросам противодействия преступности, в том числе посредством уголовного судопроизводства, необходимо. Отмечается, что на текущий момент в уголовно-процессуальном законодательстве России отсутствует легальная дефиниция указанной деятельности. Анализируются определения международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере, выработанные учеными-юристами и носящие доктринальный характер. Отмечается разность подходов исследователей к пониманию международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, находящая свое выражение как в отдельных аспектах, характеризующих указанную деятельность, так и в ее сущностном понимании. Акцентируется внимание на разности подходов различных авторов к определению понятия международного уголовно-процессуального взаимодействия. Автор статьи последовательно формулирует компоненты научного определения международного уголовно-процессуального сотрудничества. В заключение предлагается собственная дефиниция взаимодействия участников уголовного судопроизводства с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, международное сотрудничество, правовая помощь по уголовным делам

Для цитирования: Максимов Н. Р. О понятии международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 139—146.

**ON THE CONCEPT OF INTERNATIONAL COOPERATION
IN CRIMINAL PROCEEDING****Nikita Romanovich Maksimov**

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, mccmov@yandex.ru

Abstract. The article considers the concept of international cooperation in criminal proceeding. The author considers that even amid the complex international environment it is necessary to enable cooperation with foreign powers to counteract crime, inter alia, in criminal proceeding. It is noted that nowadays in criminal procedural legislation of the Russian Federation there is no legal definition of the indicated activity. Various definitions of international cooperation in criminal procedure developed by legal scholars and having doctrinal character are analysed in the paper. The authors point out the difference of scholars' approaches towards understanding the concept of international cooperation in criminal proceeding resulting in different views on both some aspects of the activity and its general notion. The emphasis is made on the difference of various scholars' approaches towards the definition of international criminal procedural cooperation. The author methodically formulates the components of the scientific definition of international criminal procedural cooperation. In conclusion, he suggests his own definition of cooperation of criminal proceeding participants with the competent bodies and authorities of foreign powers.

Keywords: criminal proceeding, international cooperation, legal assistance in criminal cases

For citation: Maksimov N. R. On the concept of international cooperation in criminal proceeding. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 139—146, 2025. (In Russ.).

Российская Федерация осуществляет активную внешнюю политику, уделяя пристальное внимание всем аспектам взаимодействия с государствами, международными организациями и иными акторами международных отношений. Несмотря на сложную международную обстановку, не прекращается взаимодействие в сфере противодействия преступности, одним из наиболее важных направлений которого является взаимодействие с иностранными государствами в рамках производства по уголовным делам. Взаимодействуя с компетентными органами и должностными лицами иностранных государств, российские правоприменители в качестве правовой основы опираются как на нормы международного права, так и на национальное законодательство Российской Федерации, в первую очередь базируясь на Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ). Однако законодатель, вводя в УПК РФ часть 5 «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», не закрепил в тексте закона данное понятие. Мы полагаем, что формулирование дефиниции позволит более детально изучить указанную сферу деятельности, определить ее правовую основу, круг субъектов, цели.

Особенность данной деятельности заключается в следующем. Ввиду того что, по сути, все уголовное судопроизводство является облаченным в установленную законом форму процессом доказывания и достижение целей уголовного судопроизводства без доказывания невозможно, собирание доказательств так или иначе может охватывать все вышеназванные направления международного сотрудничества в уголовно-процессуальной сфере.

В связи с этим, учитывая ключевой для осуществления уголовного судопроизводства характер доказательственной деятельности, нам видится необходимой детальная проработка теоретических и практических положений, связанных с процессом собирания доказательств в рамках реализации тематических международных договоров Российской Федерации и ч. 5 УПК РФ.

На протяжении длительного времени дефиниция «*международное сотрудничество по уголовным делам*» существовала как категория в самых разнообразных формах только в теории юридической науки, в результате чего к настоящему моменту среди специалистов, занимающихся исследованием вопросов взаимодействия органов и должностных лиц из числа участников уголовного процесса с компетентными органами иностранных государств, не существует консенсуса о едином

и общепринятом понятии международного сотрудничества в сфере уголовного процесса.

Вместе с тем наиболее важным считаем изучение вопросов, разработка которых позволила бы определить место международного сотрудничества при собирании доказательств в системе международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. К ним следует отнести выработку понятия международного сотрудничества при собирании доказательств, принципов указанной деятельности, основанных на общепризнанных принципах и нормах международного права и фундаментальных началах уголовного судопроизводства России, и систематизацию нормативно-правовой базы взаимодействия компетентных органов и должностных лиц из числа уголовного процесса.

В целях разработки понятийного аппарата требуется, в первую очередь, обратиться к более общему определению международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. Законодатель, закрепив данное понятие в уголовно-процессуальном законе, не установил его определения. Так, разные представители юридического научного сообщества расходятся во мнениях и о понятии международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в целом, и касательно частных аспектов, например сущностной составляющей либо правовой основы указанной деятельности. Приведем наиболее интересные из них.

Так, А. Г. Волеводз отмечает, что международное сотрудничество по уголовным делам в первую очередь должно рассматриваться именно в качестве деятельности. Затем исследователь указывает на ее специальный субъектный состав — активными участниками деятельности по взаимодействию с зарубежными государствами, его органами и должностными лицами могут являться только участники уголовного судопроизводства, являющиеся представителями органов государственной власти — суд, прокурор, орган дознания, следователь. Содержание международного сотрудничества А. Н. Волеводз понимает как содействие в досудебном производстве по уголовному делу, оказываемое по запросу иностранного государства, а также взаимодействие с иностранными партнерами в целях получения помощи в интересах собственного производства по уголовному делу. Ученый также отмечает и правовую основу указанной деятельности, состоящую из национального уголовно-процессуального законодательства, однако не упоминает нормы международного

права, но говорит о необходимости согласования действий с представителями иностранных государств и международными организациями [1].

А. Г. Волеводз в своем исследовании акцентирует внимание именно на уголовно-процессуальной деятельности в рамках досудебного производства, позиционируя остальные действия как «иные меры», таким образом высказывая мнение о том, что взаимодействие при производстве по уголовным делам между участниками уголовного судопроизводства из разных государств осуществляется в основном в рамках досудебного производства, вне его нося эпизодический характер.

Н. Н. Мазаева отмечает, что международное сотрудничество в уголовном процессе является одним из направлений международного взаимодействия в области противодействия преступности. Акцентирует внимание и на деятельностном характере международного сотрудничества по уголовным делам, говоря о нем как о взаимодействии специальных субъектов российского уголовного судопроизводства с аналогичными органами и должностными лицами зарубежных государств и международными организациями. Правовой основой (источниками права международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства), помимо национального законодательства, Н. Н. Мазаева считает и нормы международного права, при этом отдельно упоминая принцип взаимности [2].

Комментируя вышеуказанную дефиницию, необходимо обратить особое внимание на то обстоятельство, что подобное взаимодействие субъектов в сфере уголовного судопроизводства понимается не просто как относительная стадия, а всеобъемлющая и многоаспектная деятельность участников уголовного процесса. Расширяя смысловое содержание понятия, стоит упомянуть общепризнанные принципы и нормы международного права, задекларированные Уставом Организации Объединенных Наций 1945 г.¹, поскольку указанный принцип, по нашему мнению, является производной от фундаментальных начал существующей в настоящее время модели международных отношений, закрепленных Уставом, в частности, обязанности государств сотрудничать друг с другом в деле обеспечения международного мира

и безопасности, добросовестного исполнения международных обязательств и др. Упоминание же лишь одного принципа взаимности, несмотря на то что тот является единственным закрепленным отечественным законодателем в ч. 5 УПК РФ, не отражает в полной мере сущности правоотношений, возникающих при взаимодействии участников уголовного процесса с компетентными органами зарубежных государств. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что приведенное определение, несмотря на его очевидные достоинства в виде позиционирования международного сотрудничества как деятельности, осуществляющейся на всех этапах уголовного судопроизводства, не может использоваться как общепринятая дефиниция международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства ввиду неполного освещения в ней нормативных основ взаимодействия.

Кроме того, считаем необходимым обозначить вопрос о принадлежности к числу источников права международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства международных обычаев. Под международным обычаем понимается устоявшееся, использующееся в течение длительного времени правило поведения участников международных правоотношений, не нашедшее закрепления, отражения в источниках права в «традиционном» смысле — национальном законодательстве либо международном договоре.

Так, С. Н. Белясов считает, что обычаям является принцип взаимности при взаимодействии государств и международных организаций в борьбе с преступностью [3]. Данная точка зрения видится дискуссионной ввиду того, что указанный принцип закреплен в национальном уголовно-процессуальном законодательстве, а также нашел свое отражение во множестве международных договоров, регулирующих вопросы сотрудничества участников уголовного судопроизводства. В то же время ряд международных договоров, в особенности относящихся к отрасли международного гуманитарного права, делают в своих положениях неоднократные отсылки к международным обычаям. Таким образом, несмотря на то что законодатель не относит обычное международное право к числу источников уголовно-процессуального права, так или иначе оно может использоваться при даче юридической оценки обстоятельствам уголовного дела в том случае, если норма материального права является бланкетной и отсылает к международному договору, который, в свою очередь, ссылается на международный обычай.

¹ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) (с изм. и доп. от 20.12.1971) // ООН: офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 20.12.2024).

С точки зрения международного права следует отметить наличие в научной доктрине нескольких видов международных договоров — межгосударственные, межправительственные и межведомственные. Указанная ранее ст. 3 УПК РФ определяет как источники уголовно-процессуального права международные договоры, заключенные только от имени Российской Федерации, притом что к нормам международного права относятся все виды международных соглашений. Имеет место и мнение, согласно которому нормы международного права в целом не являются источниками уголовно-процессуального права ввиду их непрямого действия на территории Российской Федерации, однако мы не согласны с данной позицией ввиду особенностей юридической конструкции тематических международных договоров в области уголовного судопроизводства, изобилующих отсылающими к национальному законодательству нормами, как, например, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (Кишиневская конвенция). Систематизация источников международного сотрудничества при собирании доказательств также необходима ввиду постоянно изменяющейся международной обстановки.

Немаловажной видится и проработка вопросов о применении нетрадиционных форм взаимодействия участников уголовного судопроизводства на приоритетном для внешней политики Российской Федерации направлении — Содружестве Независимых Государств. Актуальность данному вопросу добавляет и тот факт, что, являясь в настоящий момент международной организацией в чистом виде, руководители государств — участников СНГ позиционируют Содружество именно как интеграционное объединение, стремясь к экономическому объединению и в своих заявлениях, и на практике. В контексте уголовного судопроизводства для достижения целей формирования интеграционного экономического пространства считаем необходимым перенимать опыт единственного на сегодня интеграционного объединения — Европейского союза (ЕС), сформировавшего подобие единого уголовно-процессуального пространства на территории государств-участников. Так, на территории ЕС с 2017 г. действует Директива Европарламента и Совета ЕС о Европейском ордере на производство следственных действий, которая ставит своей основной целью именно получение доказательств, а также обеспечение унификации материалов при направлении запросов об оказании содействия при расследовании уголовных дел.

Е. Е. Феоктистова сходит в во мнении с ранее упомянутыми исследователями, отмечая тот факт, что процессуальное взаимодействие особого круга государственных органов и должностных лиц из числа участников уголовного судопроизводства с представителями зарубежных государств в рамках оказания и получения международной правовой помощи является специфической деятельностью, правовую основу которой составляют нормы как национального уголовно-процессуального законодательства, так и международного права. Круг субъектов, с которыми указанные должностные лица и органы взаимодействуют в рамках направления и исполнения международных поручений, включает в себя органы предварительного расследования, прокуратуры и суды иностранных государств, а также международные организации. Целью этой деятельности обозначается достижение назначения уголовного судопроизводства [4].

Стоит отметить, что Е. Е. Феоктистова расширен понятийный аппарат указанной деятельности путем отождествления понятий международного сотрудничества по уголовным делам и международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Однако, по нашему мнению, отдельные положения представленной ученым дефиниции являются дискуссионными. Начать необходимо с определения правовой основы взаимодействия, а именно с определения «международное и внутригосударственное законодательство». В юридической науке термин «законодательство» по отношению к нормам международного права не применяется ввиду, во-первых, особого перечня источников, среди которых нет законов как таковых, а присутствуют в основном международные договоры, законами не являющиеся. Для международных межгосударственных отношений свойственно равенство властвующих субъектов, не властвующих при этом друг над другом. В связи с этим термин «закон», обозначающий императивный характер содержащихся в нем норм и отношений, а также возможность принудить подвластного субъекта к следованию определенной модели поведения, является неприменимым ввиду вышеуказанного семантического противоречия.

Подводя промежуточный итог, следует еще раз отметить, что в настоящий момент в юридической науке отсутствует единый подход к пониманию международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. Так, каждое из приведенных ранее определений имеет ряд положений,

носящих дискуссионный характер. При этом считаем необходимым вновь обратить внимание на актуальность вопроса о понятии международного взаимодействия по уголовным делам и на необходимость формулирования такового.

Переходя к определению объема источников права данного института, начнем с констатации того факта, что, будучи родом деятельности, выходящим за рамки внутригосударственных правоотношений, международно-правовая деятельность правоохранительных органов, в том числе участников уголовного судопроизводства, основывается и на национальном законодательстве, и на нормах международного права, среди которых полагаем целесообразным отдельно выделить общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве фундаментальной основы взаимодействия субъектов международного права — международных организаций и государств, от имени которых действуют компетентные органы и должностные лица. Вторым и основным нормосодержащим компонентом выступают международные договоры — универсальные, региональные, двусторонние соглашения, содержащие в себе нормы, регулирующие порядок осуществления взаимодействия органов и должностных лиц — участников уголовного судопроизводства.

Далее необходимо определить родовое понятие международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства. В данном случае константой стоит принять позицию ученых, указывающих на принадлежность институтов международного уголовно-процессуального сотрудничества к системе международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Это утверждение, безусловно, верно и представляет большую научную ценность с точки зрения системного подхода к выделению того или иного определения и позволяет понять как внутреннюю структуру предмета исследования, так и его место и роль среди других подобных объектов, явлений, образующих, в свою очередь, другую, более масштабную систему. Однако, поскольку формулирование дефиниции требует также ответа на вопрос «Что это?», т. е. указания существенных признаков объекта, необходимо упомянуть и то, что, несмотря на дискуссионность самого определения уголовного судопроизводства, ученые сходятся во мнении, что под уголовным процессом следует понимать именно деятельность участников уголовного судопроизводства. Остальные черты понятия уголовного процесса, такие как правоотношения, возникающие между его участниками, являются производными именно

от активных действий участников процесса, порождающих, изменяющих либо же прекращающих правоотношения (юридических фактов). Исходя из вышесказанного, можно прийти к заключению, что международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства, являясь частью уголовного процесса, также представляет собой определенную деятельность, т. е. активное взаимодействие субъекта с окружающей действительностью.

Деятельность по взаимодействию с компетентными органами зарубежных государств при производстве по уголовным делам обладает специфическим кругом субъектов. С международно-правовой точки зрения субъектом международного сотрудничества в сфере уголовного процесса может быть только государство лишь на основании того, что отправление правосудия по гражданским, административным и уголовным делам является его исключительным правом и одновременно обязанностью. Тем не менее такой однозначный вывод на самом деле имеет ключевое значение для определения круга участников уголовного судопроизводства, имеющих право осуществлять взаимодействие с компетентными органами иностранных государств в рамках производства по уголовному делу. Так, ведущая роль государства во взаимодействии с представителями зарубежных стран говорит о том, что в круг субъектов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства нельзя включить тех участников уголовного процесса, которые не относятся к органам государственной власти и не обладают властными полномочиями. Из этого следует, что участниками международных отношений в уголовном процессе могут быть лишь суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания и дознаватель. Стоит также отметить, что, по смыслу ст. 453—457 УПК РФ, дознаватель может быть инициатором запроса о правовой помощи по уголовному делу, однако исполнителями по нему могут быть только суд, прокурор, следователь и руководитель следственного органа. Ввиду значительного числа субъектов, выделенных в качестве акторов такого сотрудничества из числа участников уголовного процесса, а также разной степени их участия в процессе межгосударственного уголовно-процессуального взаимодействия, полагаем возможным объединить их под общим наименованием «уполномоченные участники уголовного судопроизводства».

В процессе выработки авторской дефиниции требуется также определить назначение деятельности по взаимодействию с представителями зарубежных стран в рамках производства по уголовному делу. Разработка конкретных задач, которые законодатель ставил перед направлениями международного уголовно-процессуального взаимодействия, позволит определить их роль и место в системе самого сотрудничества в области уголовного судопроизводства и уголовном процессе России в целом:

- *запрос о правовой помощи по уголовному делу;*
- *передача уголовного преследования;*
- *направление и исполнение запроса о выдаче лица;*
- *передача лица, осужденного к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания в государство, гражданином которого оно является;*
- *исполнение приговоров судов иностранных государств.*

Помимо установленных законодателем правовых институтов, ряд международных договоров Российской Федерации имеет в себе положения, позволяющие осуществлять компетентным органам взаимодействие и в формах, которые не предусмотрены национальным уголовно-процессуальным законом, что, в частности, можно наблюдать в случаях применения ст. 103 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишиневская конвенция), а также передачу предметов, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Стоит отметить, что уголовно-процессуальный закон России тоже позволяет осуществлять передачу предметов, однако следует сделать важное уточнение: она является составной частью института экстрадиции (выдачи), в связи с чем производится только параллельно с передачей лица из-под юрисдикции одного государства под юрисдикцию другого, на чем законодатель акцентирует внимание в ст. 468 УПК РФ [5]. Таким образом, положения Конвенции в данном случае оказываются шире уголовно-процессуального закона и значительно расширяют правовой арсенал следователя, дознавателя, прокурора и суда в рассмотрении уголовных дел.

Нельзя обойти вниманием и относительно новый институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства — возможность государств — участников Кишиневской конвенции создавать совместные следственно-оперативные группы в целях производства пред-

варительного расследования органами предварительного расследования заинтересованных государств в полном объеме.

Рассмотрев цели правовых институтов, как относящихся к уголовно-процессуальному законодательству России, так и являющихся частью международных договоров Российской Федерации, можно сделать промежуточное заключение о том, что задачи международного сотрудничества по уголовным делам затрагивают различные аспекты уголовного процесса в общем — начиная с обеспечения и реализации основных прав и свобод человека и гражданина, вовлеченного в уголовный процесс, членов его семьи и заканчивая вопросами исполнения приговора и возмещения ущерба лицам, потерпевшим от преступлений.

Перечисление указанных в определении целей автор видит нецелесообразным, влекущим за собой лишь необоснованное усложнение формулируемого термина, что противоречит назначению научной терминологии — кратко и емко излагать сущность описываемого явления. Поэтому предлагаем объединить цели и сущность уголовно-процессуальных и международно-правовых средств международного сотрудничества в данной области следующим определением: «оказание содействия и взаимопомощи компетентным органам и должностным лицам иностранных государств, а также получение правовой помощи в целях реализации назначения уголовного судопроизводства при производстве по уголовному делу на основании общепризнанных норм и принципов международного права и национального законодательства взаимодействующих стран». Проанализировав сущность вышеописанных правовых механизмов, автор не может проигнорировать тот факт, что среди них преобладают институты, направленные на производство следственных и иных процессуальных действий, назначение которых сводится к собиранию доказательств по уголовному делу, что позволяет утверждать:

— во-первых, о том, что международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства направлено в первую очередь на собирание доказательств и формирование доказательственной базы;

— во-вторых, учитывая, что основной массив доказательственной информации формируется на стадии предварительного расследования, можно заявить, что институты международного сотрудничества направлены на обеспечение расследования уполномоченными субъектами и являются инструментами органов предварительного рассле-

дования, применяясь в основном именно на этой стадии уголовного процесса.

Предлагаем объединить цели и сущность уголовно-процессуальных и международно-правовых средств международного сотрудничества по уголовным делам под формулировкой «оказание содействия и взаимопомощи компетентным органам и должностным лицам иностранных государств, а также получение правовой помощи в целях реализации назначения уголовного судопроизводства при производстве по уголовному делу на основании общепризнанных норм и принципов международного права и национального законодательства взаимодействующих стран».

Однако, проанализировав сущность вышеописанных правовых средств, мы не можем проигнорировать тот факт, что среди них преобладают направления, в рамках которых осуществляется производство следственных и иных процессуальных действий, имеющих своей целью собирание доказательств по уголовному делу. Данный факт позволяет утверждать:

— *во-первых*, международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства по большей части направлено на собирание доказательств;

— *во-вторых*, учитывая, что основной массив доказательственной информации участники уголовного процесса получают на стадии предварительного расследования, направления международного сотрудничества по уголовным делам обеспечивают его полноту и объективность.

На основании проведенного анализа предлагаем следующее определение: *«Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства — это урегулированная общепризнан-*

ными принципами и нормами международного права, международными договорами и национальным уголовно-процессуальным законодательством деятельность компетентных (уполномоченных) органов и должностных лиц — участников уголовного судопроизводства по оказанию правовой помощи компетентным органам и должностным лицам иностранных государств и получению правовой помощи в целях реализации назначения уголовного судопроизводства».

Таким образом, появляется возможность для выделения существенных признаков международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Международное сотрудничество по уголовным делам:

1) это уголовно-процессуальная деятельность;

2) урегулированная общепризнанными принципами и нормами международного права, установленными Уставом ООН 1945 г., международными договорами как универсальными по противодействию отдельным видам преступлений, принятыми в рамках ООН, так и тематическими, посвященными вопросам сотрудничества в области уголовного судопроизводства, и национальным уголовно-процессуальным законодательством;

3) деятельность, которую имеют право осуществлять только компетентные государственные органы, а также должностные лица из числа участников уголовно-процессуальных правоотношений;

4) деятельность, направленная на предоставление правовой помощи иностранным государствам в лице органов и должностных лиц, а также принятие таковой от них самих в целях обеспечения собственного уголовного судопроизводства.

1. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2002. 462 с.

2. Мазаева Н. Н. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 224 с.

3. Белясов С. Н. Общая характеристика и классификация источников международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Право и практика. 2023. № 2. С. 163—167.

4. Феоктистова Е. Е. Международное сотрудничество органов предварительного расследо-

1. Volevodz A. G. Legal grounds of new ways of international cooperation in criminal procedure. Dissertation of a doctor of juridical sciences. Moscow; 2002: 462. (In Russ.).

2. Mazayeva N. N. International cooperation in criminal proceeding of the Russian Federation during preliminary investigation. Dissertation of a candidate of juridical sciences. Moscow; 2004: 224. (In Russ.).

3. Belyasov S. N. General description and classification of sources for international cooperation in combating crime. Law and practice, 163—167, 2023. (In Russ.).

4. Feoktistova Ye. Ye. International cooperation of preliminary investigation bodies related to crimi-

вания по уголовным делам: процессуально-правовые и криминалистические аспекты: монография. Москва: ВНИИ МВД РФ, 2010. 98 с.

5. Алексеева М. М. К вопросу об институте передачи лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. С. 133—135.

Максимов Никита Романович,

адъюнкт

Московского университета МВД России

имени В. Я. Кикотя;

mccmov@yandex.ru

nal cases: procedural, legal and forensic aspects. Monograph. Moscow: Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; 2010: 98. (In Russ.).

5. Alekseeva M. M. On the issue on the institution to transfer the convicted persons to serve a sentence in the State of citizenship. Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 133—135, 2021. (In Russ.).

Maksimov Nikita Romanovich,

associate adjunct

of the Kikot Moscow University

of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

mccmov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

УДК 351.741

**УЧАСТИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И РОСГВАРДИИ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА
КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ**

Артём Валерьевич Красовский*, Максим Валерьевич Куценко,
Сергей Федорович Пчеляков*****

* Управление Росгвардии по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия,
krasowsky2015@yandex.ru

** kaz970@yandex.ru

*** Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, pchel-79@rambler.ru

Аннотация. Настоящее исследование касается вопросов участия органов внутренних дел и Росгвардии в обеспечении специального правового режима контртеррористической операции. Основное содержание работы составляет анализ применяемых ими отдельных административно-правовых и оперативно-разыскных средств в обеспечении указанного режима. Проведено сопоставление полномочий взаимодействующих субъектов, обращено особое внимание на проблему их конкретизации и разграничения. На конкретном примере описаны факторы, негативно влияющие на процесс своевременного принятия решения об установлении специального правового режима и проведении контртеррористической операции. Оригинальный авторский взгляд будет интересен специалистам в области деятельности органов внутренних дел и Росгвардии в особых условиях. Проведенные исследования показали, что в современных условиях противодействия террористическим атакам совместный потенциал сотрудников органов внутренних дел и Росгвардии может и должен быть использован в полном объеме и максимально эффективно.

Ключевые слова: контртеррористическая операция, органы внутренних дел, Росгвардия, специальный правовой режим, террористический акт, оперативно-разыскное обеспечение, оперативно-разыскные мероприятия

Для цитирования: Красовский А. В., Куценко М. В., Пчеляков С. Ф. Участие органов внутренних дел и Росгвардии в обеспечении специального правового режима контртеррористической операции // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 2 (73). С. 147—157.

**PARTICIPATION OF THE INTERIOR BODIES
AND THE RUSSIAN FEDERAL GUARD SERVICE
IN PROVIDING A SPECIAL LEGAL REGIME
OF A COUNTER-TERRORISM OPERATION**

Artem Valeriyevich Krasovsky*, Maxim Valeriyevich Kutsenko,
Sergey Fedorovich Pchelyakov*****

* administration of the Russian Federal Guard Service for the Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Russia, krasowsky2015@yandex.ru

** kaz970@yandex.ru

*** Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, pchel-79@rambler.ru

Abstract. The given study deals with the issues of participation of the interior bodies and the Russian Federal Guard Service in providing a special legal regime of a counter-terrorism operation. The main research content is the analysis of specific administrative-legal and detective means used by them in providing the mentioned regime. The authors compare the authorities of the interacting subjects and pay special attention to the issue of their particularization and differentiation. A certain case study characterizes the factors that negatively affect the process of well-timed decision-making on the establishing of a special legal regime and the conducting of a counter-terrorism operation. The authors' unique point of view will be interesting for experts in the sphere of the interior bodies' activity and

the Russian Federal Guard Service under particular conditions. The performed studies reveal that under acting conditions of countering terrorism-related attacks, the mutual capacity of law enforcement officers and the Russian Federal Guard Service can and is to be used fully and as efficiently as possible.

Keywords: a counter-terrorism operation, the interior bodies, the Russian Federal Guard Service, a special legal regime, a terrorism-related act, detective support, detective measures.

For citation: Krasovsky A. V., Kutsenko M. V., Pchelyakov S. F. Participation of the interior bodies and the Russian Federal Guard Service in providing a special legal regime of a counter-terrorism operation. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 147—157, 2025. (In Russ.).

В 2023 г. число террористических актов в России выросло почти более чем в три раза, при этом увеличилось количество предотвращенных на стадии подготовки террористических преступлений, что объясняется активизацией деятельности спецслужб киевского режима.

В 1990-е — начале 2000-х гг., поборов международный терроризм на Кавказе, Россия вновь вступила в схватку с террористами в Сирии в 2015 г., поставив надежный заслон их проникновению на свою территорию. Сегодня ситуация повторяется. После захвата власти на Украине неонацисты при прямой поддержке ведущих стран Североатлантического альянса превратили ее, по сути, в террористический анклав. На фоне отсутствия успехов на линии боевого соприкосновения в ходе проводимой Вооруженными Силами Российской Федерации специальной военной операции (далее — СВО) украинским спецслужбам становится более выгодной тактика диверсий и террора, поскольку:

- она нацелена на устрашение населения и причинение максимального вреда жизни и здоровью людей, особенно новых территорий России, уничтожение критически важных объектов и дезорганизацию работы органов публичной власти;

- позволяет достичь медийного эффекта, затрачивая меньше ресурсов;

- осуществляется под покровительством Запада, который не только не осуждает террористические атаки Киева, но прямо или опосредованно участвует в них, используя потенциал своих разведслужб;

- в России есть категории лиц, которые вербуются для совершения преступлений террористического характера и формирования законспирированных террористических ячеек. Среди таковых следует выделить представителей молодежи, разделяющих идеологию терроризма и различных деструктивных движений; лиц, проживавших ранее на подконтрольных неонацистскому режиму тер-

риториях; мигрантов и маргинальные слои населения¹. Поэтому, без всякого сомнения, пока украинские власти используют террористические методы, органами ФСБ России, Росгвардии, органами внутренних дел (далее — ОВД), другими правоохранительными органами при координации Национального антитеррористического комитета задействуется весь арсенал средств противодействия террористическим угрозам.

Следуя теме нашей статьи, подчеркнем, что спектр террористических угроз ограничен конкретными составами преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ), для пресечения и раскрытия которых осуществляется комплекс различных мероприятий с применением средств поражения террористов, т. е. контртеррористическая операция (далее — КТО). К таким деяниям следует отнести преступления террористического характера, но не весь их перечень², а только те, что указаны в Федеральном законе «О противодействии терроризму»³ (далее — Закон о противодействии терроризму): ст. 205, 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 360 УК РФ.

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024—2028 гг.: утв. Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

² См.: О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25 июня 2024 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

³ О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023 № 287-ФЗ) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

Закон о противодействии терроризму дает определение термину «контртеррористическая операция» (п. 5 ст. 3) и связывает ее проведение с возможностью введения специального правового режима (далее — СПР) в целях пресечения теракта, минимизации его последствий, защиты жизненно важных интересов субъектов правоотношений.

Именуя правовой режим КТО специальным, мы исходим из того, что теракты являются одним из чрезвычайных обстоятельств, критические по степени опасности и последствиям ситуации, порождающие особые условия деятельности для всех субъектов права. В теории административно-правовых режимов сущность и содержание СПР исследуется, как правило, на основе специального (чрезвычайного) законодательства. К тому же устранение угроз, вызванных подготавливаемым или совершаемым терактом и (или) вышеупомянутым преступлением, сопряженным с осуществлением террористической деятельности, требует принятия специальных (чрезвычайных) мер. Вместе с тем введению рассматриваемого вида СПР предшествует принятие решения о проведении КТО.

Последнее утверждение во взаимосвязи с положениями ст. 11, 12 Закона о противодействии терроризму, на наш взгляд, объективно свидетельствует о невозможности введения СПР КТО без проведения вышеупомянутого комплекса мероприятий. Практика проведения КТО в рамках одноименного СПР в связи с пресечением теракта и обезвреживанием террористов — яркое тому подтверждение. Кроме того, к целям СПР КТО относится и защита жизненно важных интересов субъектов рассматриваемых правоотношений.

Действительно, в ракурсе вышесказанного проблема достижения цели обеспечения безопасности личности, общества и государства на территории субъекта Российской Федерации в связи с угрозой террористической опасности решается председателем антитеррористической комиссии (главой региона) по согласованию с руководителем территориального органа ФСБ. Так, в связи с нарастанием террористических угроз на российско-украинской границе в Белгородской, Курской, Брянской областях, а также в Севастополе и Крыму введенный в 2022 г. и регулярно продлевавшийся высокий уровень террористической опасности после 31 января 2023 г. был установлен бессрочно, т. е. до принятия решения о его отмене¹.

¹ См., напр.: О внесении изменений в постановление Губернатора Белгородской области от 11 апреля 2022 г. № 58: постановление Губернатора Белгородской области

В связи с этим принятие решения о введении с 9 августа 2024 г. СПР КТО на территориях Белгородской, Брянской и Курской областей выглядит закономерной и своевременной реакцией на попытку дестабилизации обстановки в этих регионах.

Подобное положение дел основано на Указе Президента Российской Федерации «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» от 14 июня 2012 г. № 851², согласно которому на отдельных территориях страны (объектах) могут устанавливаться три уровня террористической опасности: повышенный («синий»), высокий («желтый»), критический («красный»). Заметим, что подписанный 31 января 2023 г. главой государства указ³ исключил норму, устанавливавшую уровень террористической опасности на срок не более 15 суток.

И здесь необходимо обозначить следующее немаловажное обстоятельство для понимания комплексного и потенциального характера рассматриваемого вида СПР. Так, в связи с введением 20 октября 2022 г. военного положения в Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях на их территориях был установлен максимальный уровень реагирования, в отмеченных выше приграничных регионах России — средний уровень реагирования, в отдельных субъектах Российской Федерации, входящих в состав Центрального и Южного федеральных округов, — уровень повышенной готовно-

от 3 февраля 2023 г. № 17 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

² О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства: указ Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851 (ред. от 06.09.2024 № 756) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

³ О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» и в Порядок, утвержденный этим Указом: указ Президента Российской Федерации от 31 января 2023 г. № 48 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

сти, а в остальных регионах страны — уровень базовой готовности¹. Целью введения указанных режимов является повышение эффективности реагирования глав субъектов Российской Федерации, их исполнительных органов, а также исполнительно-распорядительных органов федеральных территорий на резкое изменение оперативной обстановки.

Вышеперечисленные уровни террористической опасности, уровни максимального и среднего реагирования, уровни повышенной и базовой готовности относятся к режимам противодействия терроризму. И эти взаимосвязанные и взаимообусловленные режимы, по нашему мнению, являются общими по отношению к СПР КТО.

Исходя из отмеченного, представляется оправданным исследовать участие ОВД и Росгвардии не простым перечислением мер и полномочий, определяемых нормативными правовыми актами, а через сравнительный анализ применяемых ими отдельных административно-правовых средств в обеспечении СПР КТО.

Прежде чем перейти к такому анализу, отметим, что выполнение задач по участию в обеспечении СПР КТО возложено на ОВД и Росгвардию законодательно.

Основными структурными звеньями в этих ведомствах, реализующими полномочия по обеспечению СПР КТО, являются, соответственно, полиция и войска национальной гвардии (далее — ВНГ). Для этого им предоставлено право в период проведения КТО применять в полном объеме или частично отдельные меры и временные ограничения, установленные, в частности, законодательством о противодействии терроризму.

Безусловно, здесь важно понимание роли каждого субъекта и границ его ответственности. В связи с этим следует упомянуть, что совместными нормативными правовыми актами Росгвардии и МВД России закреплена согласованность действий двух федеральных органов исполнительной власти при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, регулируется широкий спектр общественных отношений правоохранительного характера с отде-

лением совместного участия взаимодействующих субъектов от выполнения задач, связанных с непосредственным проведением КТО.

В то же время анализ перечня временных ограничений и мер, установленных ч. 3 ст. 11 Закона о противодействии терроризму, которые вправе применять ОВД и Росгвардия, позволяет нам утверждать, что нормы названного выше приказа о взаимодействии распространяются на такую меру, как усиление охраны общественного порядка и критически важных объектов в условиях СПР КТО. Реализация данной меры связана с привлечением большого количества сил и средств, которыми располагают ОВД и Росгвардия. Например, силами созданной группировки осуществляются временное отселение жителей в безопасные районы, проверка документов у физических лиц, их досмотр, в том числе находящихся при них вещей, удаление граждан с отдельных участков местности и объектов, отбуксировка и досмотр транспортных средств, а также провозимых на них вещей.

Следующие ограничения в СПР КТО, на которые мы хотим обратить внимание, касаются контроля за оборотом оружия. В этой сфере ОВД, выступая как субъект предупреждения, пресечения преступлений и административных правонарушений, сохраняют за собой большой объем полномочий. Вместе с тем задача по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением законодательства Российской Федерации в данной области возложена на ВНГ.

Представляется, что в особых условиях деятельности, т. е. во время действия СПР КТО, выстроить результативную работу системы государственного контроля за оборотом оружия, в том числе незарегистрированного, можно только при наличии межведомственных механизмов сотрудничества. Так, в настоящее время МВД России и Росгвардия совместно определяют порядок передачи изъятых, добровольно сданных и найденных оружия и боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ между полицией и территориальными органами Росгвардии. Сотрудники полиции, в частности участковые уполномоченные, при этом обязаны изымать оружие, принадлежавшее умершему собственнику, в местностях, в которых отсутствуют подразделения Росгвардии, а также уничтожать оружие, патроны к нему и боеприпасы, изъятые по уголовным делам. Кроме этого, ОВД в установленном МВД России порядке предоставляют Росгвардии доступ к бан-

¹ О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: указ Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 (ред. от 25.08.2023 № 641) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.10.2024).

кам данных о владельцах оружия, а также частных охранниках и частных детективах.

В свете вышесказанного полагаем, что в условиях СПР КТО повседневная обязанность участкового уполномоченного полиции участвовать в контроле за обеспечением условий хранения оружия и боеприпасов, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан, приобретает еще большую актуальность. Полномочия участкового уполномоченного полиции по ведению списка граждан — владельцев оружия не дублируют работу соответствующих банков данных и не делают информационный массив в этой сфере избыточным. Наоборот, получение оперативно значимой информации в отношении указанных лиц в рамках обозначенного СПР требует от полицейского ее незамедлительной и тщательной проверки, что мы проиллюстрируем далее на примере. Поэтому вполне закономерно, что именно участковые уполномоченные полиции выявляют подавляющее число административных правонарушений в сфере оборота оружия, что в контексте темы нашего исследования связано с потенциальным характером СПР КТО.

Таким образом, на наш взгляд, передавать в ведение Росгвардии в полном объеме функции по контролю за оборотом оружия нецелесообразно и преждевременно. Представляется, что законодательное разграничение полномочий между названными силовыми ведомствами в вопросах контроля за оборотом оружия позволит Росгвардии концентрировать сведения об утраченном (пропавшем) оружии наряду с ведением уже имеющихся электронных реестров лицензий и разрешений на него¹.

Говоря об оперативно-разыском обеспечении СПР КТО, следует констатировать, что именно от него зависит эффективность проведения КТО. Согласно Федеральному закону «Об оперативно-разыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ об ОРД), органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность (далее — ОРД), при применении меры, указанной в п. 4 ч. 3 ст. 11 Закона о противодействии терроризму, проводят оперативно-разыскные мероприятия (далее — ОРМ) «Контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений», «Про-

слушивание телефонных переговоров», «Снятие информации с технических каналов связи».

Несмотря на то что Росгвардия не является субъектом ОРД, ее отдельные подразделения участвуют в реализации данной меры совместно с ОВД, ФСБ и другими уполномоченными на то спецслужбами, причем речь идет не только о силовой составляющей в обеспечении СПР КТО. Для нас особый интерес представляют приемы ведения разведки ВНГ, способы выполнения служебно-боевых задач подразделениями специального назначения.

В данном контексте мы солидарны с точкой зрения представителей Росгвардии, считающих необходимым активное внедрение в практику служебно-боевого применения способов, методов и тактических приемов разведки, в том числе при проведении специальных операций (мероприятий) по нейтрализации угроз криминального характера [1; 2]. Применительно к теме нашего исследования речь идет о мероприятиях по сбору (добыванию) и изучению сведений об обстановке в районах совместного выполнения служебно-боевых задач.

Вместе с тем ОВД в силу своего предназначения выступали и продолжают выступать главным заказчиком, инициатором привлечения Росгвардии к участию в ОРМ и специальных мероприятиях (операциях), используя в пределах компетенции весь арсенал оперативно-разыскных средств по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений террористического характера. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в 2023 г. из 2 382 зарегистрированных преступлений террористического характера 998 выявлено сотрудниками ОВД, 1 142 — сотрудниками ФСБ².

Как видим, ОВД и органы безопасности играют ключевую роль в выявлении и раскрытии указанных выше преступлений. Между тем именно на ФСБ законодательством Российской Федерации возложен порядок организации проведения КТО, привлечения сил и средств к участию в ее осуществлении и минимизации последствий терактов, а также введение рассматриваемого СПР. Единое управление группировкой сил и средств осуществляет руководитель КТО. По смыслу ч. 2 ст. 12 Закона о противодействии терроризму им является представитель органа безопасности, если не принято иное решение.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 22 апреля 2024 г. № 82-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.04.2024).

² См. подробнее: ГИАЦ МВД России. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2023 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/5095078> (дата обращения: 16.12.2024).

Кроме того, ОВД и ФСБ содействуют Росгвардии в решении задач СВО, в том числе по контрразведывательному обеспечению их воинских формирований, быстрому обмену оперативно значимой информацией, особенно на российско-украинском участке государственной границы. В зоне СВО подразделения ВНГ входят в состав развернутой объединенной группировки войск (сил), решая служебно-боевые задачи по нейтрализации диверсионных групп, предотвращению терактов, пресечению незаконного оборота оружия и боеприпасов. В связи с этим вопросы соотношения СВО, СПР военного положения и СПР КТО нуждаются в дальнейшей научной разработке с учетом перманентной корректировки законодательства Российской Федерации в сфере национальной безопасности.

На основании изложенного в качестве промежуточного вывода по вопросу оперативно-разыскного обеспечения СПР КТО обозначим, что тактика деятельности рассматриваемых взаимодействующих субъектов совпадает по используемым ими отдельным способам и приемам. Это свидетельствует о серьезных возможностях ВНГ по добычанию разведывательных (оперативно значимых) данных вне рамок ОРД, но в тесном взаимодействии с ее субъектами. Возможно, что в будущем ситуация изменится и Росгвардия будет наделена полномочиями по осуществлению ОРД, хотя бы и частично, предпосылки для этого существуют.

В свою очередь несомненный научный интерес представляет опыт нейтрализации террористических угроз на территории Северо-Кавказского региона России, где еще в 1999 г. была создана Объединенная группировка войск (сил) по проведению КТО, общее руководство деятельностью которой сегодня возложено на директора Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации — главнокомандующего войсками национальной гвардии Российской Федерации. В настоящее время личный состав группировки выполняет боевые задачи по нейтрализации террористических ячеек и бандформирований, поиску и уничтожению объектов их инфраструктуры, проводит профилактические мероприятия, а также принимает участие в СВО. В состав этого объединенного блока, наряду с другими силовыми структурами, входит и Временная оперативная группировка органов внутренних дел и подразделений МВД России.

Накопленный опыт участия сотрудников ОВД в проведении КТО на территории Северо-Кавказского региона, как нам представляется, поло-

жительно влияет на решение проблем в организации взаимодействия с Росгвардией на всех этапах подготовки, обеспечения и контроля выполнения мероприятий по применению мер и временных ограничений, установленных в рамках СПР КТО. Что касается вывода из подчинения МВД России всех силовых подразделений специального назначения, то, на наш взгляд, это способствует более четкому разграничению полномочий и сосредоточению группировки сил и средств ОВД на решении задач, исходя из назначения создаваемых функциональных групп при подготовке и проведении КТО.

Для аргументации сказанного обратимся к анализу оснований применения такой меры принуждения, применяемой полицией и ВНГ, как оцепление (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов (далее — оцепление). Не останавливаясь на организационно-тактических аспектах и особенностях работы группы оцепления, которые ранее подробно исследовал один из авторов настоящей статьи [3], отметим, что применение сотрудниками полиции данной меры, согласно п. 5 ч. 2 ст. 16 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — ФЗ о полиции), допустимо при проведении КТО, а также проверке информации об обнаружении взрывных устройств (взрывчатых веществ) либо ядовитых или радиоактивных веществ.

В то же время проведение КТО, как основание для применения оцепления силами Росгвардии, в Федеральном законе «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹ (далее — ФЗ о ВНГ) не предусмотрено. Вместе с тем должностное лицо ВНГ принимает решение об осуществлении оцепления с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действия лиц, совершивших противоправное действие, угрозы жизни и здоровью граждан. По смыслу и взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 2, ч. 1 ст. 8, ст. 13, ч. 2 ст. 15 ФЗ о ВНГ весьма вероятно, что речь может идти о выполнении задачи участия военнослужащих (сотрудников) ВНГ в обеспечении СПР КТО. Очевидно и то, что группа оцепления, создаваемая при проведении КТО, формируется из сотрудников ОВД и сил ВНГ (при необхо-

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 279-ФЗ) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

димости в ее состав включаются военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации).

Приведенные выше суждения можно считать излишними, если бы законодатель не выделил специальные полномочия (меры принуждения) ВНГ в отдельную группу. Не совсем понятны основания подобной классификации, в результате которой полномочия по обеспечению различных режимов, в том числе связанные с участием в проведении КТО, оказались в другой группе. Абстрактная ссылка на федеральное законодательство о противодействии терроризму, содержащаяся в ч. 2 ст. 15 ФЗ о ВНГ, лишь подразумевает систему правовых актов, нормами которых предусмотрены меры и временные ограничения в СПР КТО, но сами полномочия ВНГ в этой сфере не конкретизированы.

В Законе о противодействии терроризму об оцеплении ничего не сказано, но закреплено, что противодействие терроризму в нашей стране основывается на принципе законности. Осуществление оцепления, как и применение всех других мер принуждения, непосредственно связано с принципом законности, о чем указано в ч. 5 ст. 6 ФЗ о полиции. Это означает, что оцепление сотрудниками ОВД при проведении КТО основано на законе. Между тем в ФЗ о ВНГ содержание данного принципа не раскрывается, а буквальное толкование ч. 1 ст. 8 и ст. 13 названного нормативного правового акта ставит под сомнение законность участия ВНГ в реализации рассматриваемой меры принуждения в связи с действием СПР КТО и проведением КТО.

Устранение выявленных противоречий путем конкретизации полномочий ВНГ в сфере обеспечения СПР КТО и внесение соответствующих изменений в закон о ВНГ очень важно еще и потому, что в рамках одной меры принуждения могут быть применены другие, ограничивающие конституционные права и законные интересы физических и юридических лиц (ст. 10—12, чч. 2, 3 ст. 13 ФЗ о ВНГ).

С учетом сказанного, в целях устранения несоответствия между рассматриваемыми законами относительно основания производства оцепления, по нашему мнению, следует дополнить ст. 13 ФЗ о ВНГ, изложив п. 5 ч. 1 в следующей редакции:

«5) при проведении контртеррористической операции, проверке сведений об обнаружении взрывчатых веществ или взрывных устройств либо ядовитых или радиоактивных веществ».

Возвращаясь к перечню мер и временных ограничений как обеспечивающих СПР КТО, рас-

смотрим приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничении использования сетей и средств связи на период проведения указанной специальной операции. Право прерывать предоставление названных услуг имеют органы, осуществляющие ОРД, в том числе ОВД. Однако введение СПР КТО в качестве основания для приостановления оказания услуг связи в ст. 15 ФЗ об ОРД не предусмотрено, как не содержится оно и в Федеральном законе «О связи»¹, а в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении»² вообще отсутствует нормативное предписание о приостановлении и ограничении услуг связи.

Чтобы разобраться в данной проблеме, интерес для нас представляет анализ СПР чрезвычайного положения и КТО, проведенный представителем Омской научной школы ОРД С. В. Баженовым. По его мнению, данные режимы имеют практически схожее содержание и различаются характером угрозы, по территориальному признаку, а также статусом должностных лиц, правомочных на их введение. Следовательно, как полагает ученый, правовой режим чрезвычайного положения должен включать в себя все меры и временные ограничения, устанавливаемые при введении режима КТО, который при определенных обстоятельствах может перерасти в первый [4].

Считая в целом справедливым приведенное мнение ученого, позволим себе несколько усомниться в этом суждении в двух моментах.

Во-первых, СПР КТО является исключительным по своей природе режимом, введение которого предусмотрено отдельным федеральным законом, несмотря на то что теракты являются одним из чрезвычайных обстоятельств криминального характера, обуславливающих введение СПР чрезвычайного положения. Не вдаваясь в теоретические рассуждения о первичных и вторичных режимах, комплексном характере СПР, заметим, что и режим уровня среднего реагирования, и режим высокого («желтого») уровня террористической опасности также схожи по своему содержанию

¹ О связи: федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 303-ФЗ) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

² О чрезвычайном положении: федер. конституц. закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023 № 8-ФКЗ) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

с СПР КТО. Но это вовсе не означает, что угрозы терактов на территориях (объектах), где установлен какой-либо из указанных выше режимов, должны являться безусловным основанием для применения тех или иных мер и временных ограничений, предусмотренных ст. 11 Закона о противодействии терроризму.

Во-вторых, на наш взгляд, бланкетные нормы ч. 3 ст. 64 Федерального закона «О связи» и ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД о приостановлении (прерывании) оказания услуг связи сформулированы законодателем с использованием отсылок «в случаях, установленных федеральными законами» и «в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации» соответственно. В контексте поставленной проблемы таким случаем является СПР КТО, в период действия которого может быть применена вышеуказанная мера, закрепленная в п. 7 ч. 3 ст. 11 Закона о противодействии терроризму.

Как бы то ни было, наша точка зрения является дискуссионной и не ставит под сомнение выводы С. В. Баженова и других ученых о необходимости внесения изменений в федеральное законодательство в части устранения несогласованности правового урегулирования сходных правовых режимов. Более того, последний фактор порождает проблему выбора конкретного СПР при наличии схожих по степени критической опасности угроз, а в нашем случае (при угрозе терактов и их совершении) может негативно влиять на процесс своевременного принятия решения об установлении СПР и проведении КТО.

В качестве примера, высвечивающего совокупность проблем в обеспечении СПР КТО силами ОВД и Росгвардии, приведем события, произошедшие на территории Северо-Кавказского региона в связи с вооруженным нападением на сотрудников полиции 27 марта 2023 г.¹ Детали произошедшего взяты нами из открытых источников в сети Интернет, описывающих действия нападавших (далее — преступники, члены бандгруппы, боевики), а также контрмеры, принятые субъектами противодействия терактам.

¹ См., в частности: В Республике Ингушетия проведена контртеррористическая операция // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета Российской Федерации. URL: <http://nac.gov.ru/hronika-sobytiy-kontterroristicheskie-operacii/v-respublike-ingushetiya.html> (дата обращения: 25.03.2024).

Итак, ночью неизвестные лица обстреляли из огнестрельного оружия пост ДПС «Волга-14», расположенный на территории Республики Северная Осетия — Алания на пересечении автодорог Назрань — Кантышево и Малгобек — Майское, после чего скрылись на автомобиле. Ранения получили двое полицейских. Введенный план «Перехват» результатов не дал. По факту посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа было возбуждено уголовное дело.

В период с 28 марта по 1 апреля 2023 г. в ходе проведенных ОРМ и следственных действий были установлены личности некоторых предполагаемых преступников, в отношении которых в УФСБ России по Республике Ингушетия имелись сведения об их приверженности международной террористической организации «ИГИЛ», запрещенной на территории нашей страны, причастности к планированию терактов на территории республики. Бандиты были объявлены в розыск.

3 апреля 2023 г. в ходе проверки оперативной информации о местонахождении преступников сотрудники полиции установили, что боевики несколько дней скрывались в окрестностях г. Малгобека на ферме, принадлежащей родственнику одного из разыскиваемых. По известному адресу преступники были обнаружены, но, оказав вооруженное сопротивление сотрудникам полиции и ранив одного из них, скрылись с места происшествия на автомобилях. Введенный план «Перехват» вновь успехом не увенчался.

С учетом произошедшего начальником УФСБ России по Республике Ингушетия было принято решение о проведении с 20:00 3 апреля 2023 г. контртеррористической операции на территории Малгобекского района и введении СПР КТО.

В ходе ОРМ стало известно о месте нахождения членов бандгруппы в частном домовладении на территории сельского поселения Зязиков-Юрт Малгобекского района. В ходе проверки указанных сведений в ночь с 5 на 6 апреля 2023 г. наряд полиции подвергся обстрелу преступниками из автоматического оружия. В результате боестолкновения погибли старший участковый уполномоченный полиции МО МВД России «Малгобекский», обслуживавший данный административный участок, и двое полицейских, прикомандированных из УМВД России по Тульской области, ранение получили несколько полицейских. Боевикам снова удалось скрыться.

В течение нескольких месяцев шла кропотливая работа по розыску преступников и расследованию уголовных дел, устанавливались и задерживались пособники, выявлялись схроны и тайники с оружием,

пока не была получена новая оперативная информация о квартире в четырехэтажном жилом доме на улице Осканова в г. Карабулаке, где могли укрываться разыскиваемые боевики.

Начальником УФСБ России по Республике Ингушетия было принято решение о введении режима КТО на территории нескольких улиц в г. Карабулаке с 19:30 2 марта 2024 г. и проведении КТО. В тот же день бойцы подразделения специального назначения ФСБ блокировали указанный адрес, а жители прилегающих домов были эвакуированы в целях безопасности. При задержании преступники оказали вооруженное сопротивление, используя автоматическое оружие и гранаты, после чего попытались скрыться, но были нейтрализованы.

Решение о завершении КТО было принято 3 марта 2024 г. и в тот же день с 12:45 СПР был отменен. Среди ликвидированных шести боевиков не оказалось активного члена банды, находившегося в федеральном розыске, участвовавшего в нападении на пост ДПС «Волга-14» и на сотрудников полиции в селении Зязиков-Юрт в Малгобекском районе.

В описанном примере преступникам несколько раз удавалось скрыться с места преступления, в том числе в зоне проведения КТО, оказывая вооруженное сопротивление, в результате чего погибли и получили ранения сотрудники полиции. В средствах массовой информации называются и другие просчеты и ошибки, допущенные при организации розыска и задержания боевиков. Мы с большой осторожностью подходим к таким оценкам и, не комментируя их, но обобщая изложенное выше, укажем на несколько обстоятельств, объективно требующих повышенного внимания со стороны ОВД и Росгвардии при действиях в условиях потенциального характера угроз терактов.

1. Эффективность организации деятельности по проведению неотложных розыскных мероприятий в связи с использованием транспортного средства в противоправных целях (план «Перехват») зависит в первую очередь от адекватного и своевременного реагирования на возникающие угрозы. Важнейшим способом его обеспечения является четкое знание алгоритмов действий сотрудников ОВД и Росгвардии при возникновении критической по степени опасности ситуации (в приведенном примере — нападение на пост ДПС).

2. При выполнении приоритетных задач по противодействию диверсиям и терактам руководители подразделений ОВД и Росгвардии должны иметь достаточные знания методики подготовки и проведения тактико-специальных учений. В связи

с этим их управленческое влияние на заблаговременное планирование и тактическую подготовку личного состава к действиям в особых условиях имеет первостепенное значение.

3. Сотрудники, ответственные за проведение оперативно-розыскных, оперативно-боевых и других мероприятий, связанных с розыском и задержанием предполагаемых преступников, при наличии информации о месте их нахождения обязаны учитывать множество факторов, в том числе имеющиеся у боевиков вооружение (пополняемое за счет схронов) и транспорт, возможности вовлечения в преступную группу новых участников, пособничество со стороны родственников и местного населения, географические и инфраструктурные особенности населенного пункта и территории частного домовладения (мест возможного укрытия боевиков), пути отхода, маскировку и т. д. Игнорирование или недооценка имеющихся сведений, как и реализация неполной или непроверенной информации, получаемой в ходе ОРД, особенно до введения СПР КТО, может привести к трагическим последствиям.

4. Степень и характер угроз терактов обуславливают высокий уровень оперативно-розыскного обеспечения выявления и раскрытия преступлений данной категории, своевременное введение СПР КТО, а также законное применение необходимых мер и временных ограничений со стороны ОВД, Росгвардии и взаимодействующих субъектов.

В заключение добавим, что выполнение возложенных на ОВД и ВНГ задач, обеспечивающих действие СПР КТО, осуществляется при обязательном содействии публичных органов власти и их должностных лиц, железнодорожных перевозчиков, перевозчиков на внутреннем водном и воздушном транспорте, особенно при защите объектов критически важной инфраструктуры и мест массового пребывания людей, организации усиленного контроля над транспортными узлами, предприятиями топливно-энергетического и оборонно-промышленного комплекса. Такое сотрудничество всех заинтересованных структур особенно актуализируется на территории Донбасса и Новороссии. Здесь, на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, введено военное положение, установлен максимальный уровень реагирования, ОВД и Росгвардия задействованы в территориальной обороне. Важно, что, наряду с добровольцами Минобороны России, задачи в области обороны решают добровольческие формирования, создаваемые Росгвардией. В период действия режима военного положения

ния добровольцы могут выполнять задачи, возложенные на ВНГ и в случае введения СПР КТО (п. 8.1 ст. 1 Федерального закона «Об обороне»¹).

Таким образом, участие ОВД и Росгвардии как взаимодействующих субъектов в обеспечении СПР КТО с начала проведения СВО приобрело более совершенные формы. Сегодня ОВД и Росгвардия, получив колоссальный опыт отражения

агрессии международного терроризма на Северном Кавказе, успешно выполняют совместные оперативно-служебные и служебно-боевые задачи, развивают нормотворческий процесс по созданию унифицированных нормативных правовых актов, четко регламентирующих полномочия взаимодействующих субъектов и основания применения ими мер и временных ограничений.

1. Матвейчук В. В., Гусев В. В. Место и роль разведки при участии подразделений специального назначения в обеспечении массовых мероприятий // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2020. № 2 (4). С. 16—23.

2. Степанов П. В. О некоторых вопросах разведывательного обеспечения деятельности специальных отрядов быстрого реагирования территориальных органов Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации при подготовке и проведении специальных операций // Яковлевские чтения: сб. науч. ст. II межведомств. науч.-практ. конф. с междунар. участием. В 2 ч. Ч. 2 (Новосибирск, 21—22 марта 2023 г.) / под общ. ред. В. В. Косухина. Новосибирск: Новосиб. воен. ин-т имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. С. 246—252.

3. Пчеляков С. Ф. Обеспечение личной безопасности сотрудников органов внутренних дел при оцеплении (блокировании) открытых участков местности в ходе проведения контртеррористической операции // Актуальные вопросы огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел: материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 15 мая 2019 г.). Нижний Новгород: Новое время (Чебоксары), 2019. С. 164—168.

4. Баженов С. В. Правовое регулирование оперативно-розыскного обеспечения контртеррористических операций органами внутренних дел // Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы): материалы науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования Гос. Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Москва, 12 декабря 2013 г.). Ч. II. Москва: Гос. Дума Российской Федерации, 2014. С. 29—36.

1. Matveychuk V. V., Gusev V. V. The place and the role of intelligence in the participation of special forces units in providing public events. Military-legal sciences and the humanities of Siberia, 16—23, 2020. (In Russ.).

2. Stepanov P. V. On some issues of intelligence support for the activities of special rapid response units of the territorial bodies of the Federal Service of the National Guard Troops of the Russian Federation during the planning and conducting of special operations. In: Yakovlev readings. Collection of scientific articles. II interministerial scientific-practical conference with international participation. In 2 parts. Part 2, 21—22 March 2023. Red. by V. V. Kosukhin. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation named after army general I. K. Yakovlev; 2023: 246—252. (In Russ.).

3. Pchelyakov S. F. Ensuring personal safety of law enforcement officers when cordoning off (blocking) outdoor places in the process of a counterterrorism operation. In: Topical issues of firearms and tactical specialized training of law enforcement officers. Materials of inter-university scientific-practical conference, 15 May 2019. Nizhny Novgorod: Modern times (Cheboksary); 2019: 164—168. (In Russ.).

4. Bazhenov S. V. Legal regulation of detective support of counter-terrorism operations by the interior bodies. In: Development of Russian military legislation at nowadays (results, issues, perspectives). Materials of the scientific and practical conference, dedicated to the 20th anniversary of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, 12 December 2013. Part II. Moscow: The State Duma of the Russian Federation; 2014: 29—36. (In Russ.).

¹ Об обороне: федер. закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (ред. от 26.02.2024 № 27-ФЗ) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.12.2024).

Красовский Артем Валерьевич,

сотрудник полиции
Управления Росгвардии
по Нижегородской области,
кандидат юридических наук;
krasowsky2015@yandex.ru

Куценко Максим Валерьевич,

кандидат юридических наук;
kaz970@yandex.ru

Пчеляков Сергей Федорович,

доцент кафедры деятельности ОВД
в особых условиях
Нижегородской академии МВД России;
pchel-79@rambler.ru

Krasovsky Artem Valeriyevich,

police officer at the administration
of the Russian Federal Guard Service
for the Nizhny Novgorod region,
candidate of juridical sciences;
krasowsky2015@yandex.ru

Kutsenko Maxim Valeriyevich,

candidate of juridical sciences;
kaz970@yandex.ru

Pchelyakov Sergey Fedorovich,

associate professor at the department
of the interior bodies activities
under particular conditions
of the Nizhny Novgorod Academy
of the Ministry of the Interior of Russia;
pchel-79@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 24.01.2025; одобрена после рецензирования 31.01.2025; принята к публикации 15.05.2025.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 31.01.2025; accepted for publication 15.05.2025.

* * *

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ НА МАТЕРИАЛЫ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, МОНОГРАФИИ И ДРУГИЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

О. В. Качалова,

профессор кафедры уголовно-процессуального права
Российского государственного университета имени В. М. Лебедева,
доктор юридических наук, профессор

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ А. А. НАСОНОВА «СОГЛАСИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»

Диссертационное исследование А. А. Насонова затрагивает очень важную и актуальную тему, касающуюся феномена согласия в уголовном судопроизводстве. Гармонизация и снижение конфликтности уголовного судопроизводства являются одной из важнейших тенденций последних десятилетий. Между тем в науке уголовно-процессуального права отсутствуют системные исследования согласия в уголовном судопроизводстве, должным образом не определены правовая природа и содержание данного правового явления, в малоисследованной зоне остаются и вопросы различий между согласием невластных участников уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальным согласованием. В связи с этим потребность исследования общетеоретических, нормативных и правоприменительных аспектов уголовно-процессуального согласия, его места и роли в системе уголовного судопроизводства, влияния на эффективность уголовно-процессуальной деятельности весьма велика. Сказанное подтверждает актуальность темы исследования, ее научной и практической значимости и свидетельствует о необходимости серьезных научных изысканий, посвященных согласию в отечественном уголовном судопроизводстве.

Автором верно определена цель диссертационного исследования — разработка концепции согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России, раскрывающей правовую сущность уголовно-процессуального согласия, его ценностные свойства, значимость в уголовном судопроизводстве, систему видов уголовно-процессуального согласия, механизм их реализации, обосновании предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения и решении на основе указанной концепции значимой научной проблемы — надлежащего функционирования согласия в уголовном судопроизводстве в качестве его системообразующего фактора, правовой урегулированности согласия и совершенствования его реализации в условиях современного развития уголовно-процессуальных отношений. Изучение диссертации А. А. Насонова позволило сделать вывод, что поставленная цель успешно достигнута.

Достоверность результатов диссертации подтверждается теоретической, нормативной и эмпирической основами исследования.

Структура диссертации логично выстроена: по принципу от общего к частному. Это позволило автору изучить частные вопросы с точки зрения их подчиненности общей цели и научным задачам. В связи с этим все полученные выводы взаимосвязаны, каждый последующий вывод является логичным продолжением ранее полученных результатов. Логической взаимосвязью характеризуются и положения, вынесенные на защиту. Работа обладает внутренним стилевым и содержательным единством, последовательностью изложения материала.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе проведенных системных изысканий разработан комплекс теоретических положений, совокупность которых представляет концепцию согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России, показывающую современное состояние указанного правового явления и перспективы его дальнейшего развития и позволяющую разрешить значимую научную проблему надлежащего функционирования согласия в уголовном судопроизводстве в качестве его системообразующего фактора, правовой урегулированности согласия и совершенствования его реализации в условиях современного развития уголовно-процессуальных отношений. Научная новизна исследования заключается в предложении и обосновании оригинальной научной идеи о значимой роли согласия как системообразующего фактора уголовного судопроизводства, участвующего в обеспечении сбалансированности указанной системы, обуславливающей оптимальное сочетание в ней публичных и частных интересов. Разработан единый категориальный аппарат, позволяющий однозначно определять терминологию, характеризующую согласие и его реализацию в отечественном уголовном судопроизводстве; раскрыто содержание уголовно-процессуального согласия, сформулирована его авторская дефиниция; определены свойства уголовно-процессуального согласия; научно обоснована структура уголовно-процессуального согласия; обозначены основные векторы влияния принципов уголовного судопроизводства на механизм реализации согласия; выявлено ценностное значение уголовно-процессуального согласия и раскрыта его гармонизирующая роль применительно к уголовно-процессуальным отношениям; показаны формы реализации уголовно-процессуального согласия в контексте решения проблемы гармонизации интересов в уголовном процессе; выявлена взаимосвязь уголовно-процессуального согласия и процессуальных гарантий, проанализированы ее виды; приведены в систему правоприменительные меры, стимулирующие правомерное волеизъявление субъектов уголовно-процессуального согласования; разработана многоуровневая классификация видов согласия, выявлены их

особенности; обоснована необходимость последовательного терминологического разграничения таких видов согласия, как согласие властных и невластных субъектов; в механизме реализации согласия выделены и исследованы нормативная основа, цель, средства, способы, объект, субъекты уголовно-процессуального согласования; разработаны научные положения о функциях реализации уголовно-процессуального согласия и их дальнейшем эволюционировании в уголовном судопроизводстве России; определена система этапов реализации уголовно-процессуального согласия; раскрыта роль процессуальных действий в формировании отдельных составляющих системы согласования (объекта, средств, способов, этапов); проведено их разграничение в зависимости от элементов согласования, к которым они принадлежат; раскрыта структура института согласия; доказана необходимость дальнейшего формирования и укрепления института согласия.

Сформулированные А. А. Насоновым выводы, отраженные в положениях на защиту, существенным образом расширяют пределы научного знания в исследуемой области, что, несомненно, характеризует работу с положительной стороны. Многие из выводов и предложений представляют особый научный интерес.

Представляется аргументированным вывод о том, что согласие в уголовном процессе в зависимости от изъявления воли лица, его формирующего, подразделяется на «согласие пассивного типа» и «согласие активного типа». Согласие активного типа — это согласие, реализуемое путем активных действий, выражающее положительное активное волеизъявление участника уголовного процесса, часто прямо закрепленное в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), выступающее юридическим фактом, полностью заполняющее содержание категории «уголовно-процессуальное согласие» (с. 17—18, 114—115).

Заслуживает одобрения позиция автора о том, что согласие является неотъемлемой частью механизма уголовно-процессуального регулирования, оно способно получать закрепление в уголовно-процессуальных нормах, в том числе в виде права на выражение согласия; формироваться в рамках уголовно-процессуальных отношений и воздействовать на них, будучи средством их регуляции; выступать в роли юридического факта, который в совокупности с другими обстоятельствами образует фактический состав, приводящий к юридическим последствиям. В этих качествах уголовно-процессуальное согласие имеет особую значимость для функционирования и развития механизма уголовно-процессуального регулирования. Действуя в его составе, уголовно-процессуальное согласие путем сглаживания противоречия интересов, существующего в уголовном судопроизводстве, ориентирует указанный механизм на решение проблемы обеспечения баланса интересов в уголовном процессе в целях достижения эффективного функционирования всей уголовно-процессуальной системы (с. 18, 60—62, 504).

Обоснованными представляются выводы автора о сущности и содержании уголовно-процессуального согласия, которое включает общие свойства, присущие любому виду согласия независимо от его отраслевой принадлежности (волевое свойство; добровольность; ясность; действительность; информированность; правомерность; содержательная простота; способность участвовать в обеспечении единства мнений лиц по тем или иным вопросам (антиконфликтность); своевременность; вербальность, предполагающая предпочтительность письменной формы выражения уголовно-процессуального согласия), и специальные свойства, характерные только для уголовно-процессуального согласия (способность реализовываться в рамках уголовно-процессуальных отношений; способность оказывать влияние на уголовно-процессуальную деятельность; способность взаимодействовать с принципами уголовного судопроизводства; способность содействовать достижению назначения уголовного судопроизводства) (с. 19, 183—185).

Достойна одобрения предложенная автором многоуровневая классификация уголовно-процессуального согласия (с. 20, 264—326).

Представляется обоснованным авторское видение структуры механизма реализации уголовно-процессуального согласия (с. 21—22, 327—348).

Следует согласиться с А. А. Насоновым в вопросе о том, что процессуальные средства реализации согласия (нормы, закрепляющие в том числе права и обязанности лица, вовлекаемого в сферу уголовно-процессуального согласования; принципы; уголовно-процессуальная форма; контрольно-надзорная деятельность; уголовно-процессуальная ответственность за невыполнение субъектом обязанностей в сфере уголовно-процессуального согласования) являются гарантией его правомерности, индивидуальны для каждого типа согласования, определяемы видом согласуемых действий, решений, процедур (с. 22—23, 374—375).

Заслуживает поддержки авторское видение совершенствования правового регулирования согласования в стадийном производстве с участием невластных субъектов, основанное на идее усиления уголовно-процессуальной деятельности по защите интересов указанных субъектов и выражающееся в расширении круга субъектов защиты, участвующих в процедуре согласования; пополнении круга субъектов процессуального компромисса законным представителем несовершеннолетнего потерпевшего (с. 26—27, 461—485).

Кроме обозначенных выводов и других положений, вынесенных на защиту, в диссертации имеются и другие выводы (предложения), которые могут быть учтены при совершенствовании законодательства и практики его применения. Сформулированные в диссертации научные положения и выводы критически оценены по сравнению с другими известными решениями, достаточно обоснованы и аргументированы.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в создании теоретических основ уголовно-процессуального согласия, обосновании его как системообразующего фактора уголовного судопроизводства, участвующего в гармонизации указанной системы. Полученные результаты позволяют на новом

теоретическом уровне исследовать закономерности развития уголовного судопроизводства с позиций баланса уголовно-процессуальных интересов с помощью согласительных средств. Разработанная научная концепция согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России может быть использована для дальнейших научных исследований.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в возможности применения теоретических положений и предложений в практической деятельности органов предварительного расследования, прокурора, суда, защитника, при выполнении процессуальных действий и принятии решений, требующих получения согласия различных участников уголовного судопроизводства.

Результаты исследования могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального закона, в научно-исследовательской работе и в учебном процессе при преподавании дисциплин уголовно-процессуального цикла, а также для подготовки учебников, учебных пособий и методических рекомендаций.

Кроме отмеченных выше положительных результатов, полагаем необходимым отметить некоторые дискуссионные замечания и пожелания.

1. Считаем, что к числу дискуссионных относится вопрос о правовой природе согласия в уголовном судопроизводстве. Автор диссертационного исследования он рассматривается как правовой институт (с. 18—19, 51—53, 57—59), между тем ряду признаков правового института он не отвечает. В частности, применительно к согласию нельзя говорить об однородности фактического содержания и юридическом единстве правовых норм, составляющих его содержание. Согласия — разрешения, даваемые властно уполномоченными участниками уголовного судопроизводства (например, судом о применении мер пресечения), имеют принципиально различную правовую природу по сравнению с согласием властно не уполномоченных субъектов (например, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением и ходатайством об особом порядке судебного разбирательства). Первые проистекают из публичной функции участника уголовного судопроизводства, не могут быть реализованы произвольно по собственному усмотрению без учета совокупности многочисленных факторов, включая фактические обстоятельства, юридические особенности, факторы организационного характера и т. д.). Вторые же вытекают из субъективного права, принадлежащего индивиду, и реализуются по собственному усмотрению.

2. Необоснованным, на наш взгляд, является предложение автора о необходимости выделения норм, регламентирующих уголовно-процессуальное согласие, в отдельную главу УПК РФ (с. 6, 162, 459, 508, 646-648). Процедуры согласования при проведении процессуальных действий и принятии процессуальных решений существенно различаются в зависимости от конкретного вида согласования, и не могут быть объединены в одной главе или статье УПК РФ. Этот вывод фактически подтверждается и автором диссертационного исследования, представившим проект закона о внесении изменений и дополнений в УПК РФ, в котором изменения предлагается внести в различные разделы уголовно-процессуального закона (с. 641—655). Это нецелесообразно и с практической точки зрения, поскольку лишь «утяжелит» УПК РФ и никакого удобства для правоприменителя и практической пользы не принесет.

3. На с. 204—205 диссертации автор исследует взаимодействие согласия с принципом непосредственности, устности судебного разбирательства. Полагаем, что правило о непосредственности и устности судебного разбирательства онтологически не может быть отнесено к категории «принципы уголовного судопроизводства», поскольку не является базовым руководящим положением, распространяющимся на все этапы производства по уголовному делу, а также не имеет нормативного закрепления в соответствующей главе УПК РФ. Считаем правильным его отнесение к категории «общие условия судебного разбирательства», что поддерживается законодателем и является традиционным в доктрине уголовно-процессуального права.

4. На с. 240—242 диссертации автор к числу видов согласия, которые могут быть реализованы в стадии назначения судебного разбирательства, указывает лишь на отсутствие возражения стороны на исключение доказательства и согласие на уведомление посредством SMS-сообщений. Однако по смыслу уголовно-процессуального закона на данной стадии могут быть реализованы и иные виды согласия, в том числе согласие сторон на прекращение уголовного дела, на возвращение уголовного дела прокурору и т. д.

Обозначенные замечания не умаляют достоинств работы и не отражаются на высокой положительной оценке диссертационного исследования как законченного, системного, творческого научного труда.

Диссертация А. А. Насонова «Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение» является научно-квалификационной работой, в которой на основании самостоятельно выполненных автором научных исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно определить как решение научной проблемы, имеющей важное политическое и социально-экономическое значение. Работа в полной мере соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени доктора наук, установленным пп. 9—14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 16 октября 2024 г.). Автор диссертационного исследования — Александр Александрович Насонов — заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

О. А. Малышева,

профессор кафедры уголовно-процессуального права
Московского государственного юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, доцент

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ А. А. НАСОНОВА
«СОГЛАСИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»**

Тема диссертационного исследования А. А. Насонова является актуальной, поскольку в уголовно-процессуальной практике продолжают сохраняться факты нарушения права заинтересованных участников уголовного судопроизводства свободно, ясно, точно выражать свое волеизъявление (дача согласия / отказ в даче согласия) следователю, дознавателю при производстве по уголовному делу. Об этом свидетельствует анализ практики обжалования процессуальных решений и действий в досудебном производстве ввиду допускаемых при их принятии и производстве нарушений законности и обоснованности, подтверждаемых результатами практики прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и органов дознания. Для предотвращения обозначенных нарушений, препятствующих эффективному достижению назначения уголовного судопроизводства, нормативно определенного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), актуализируется необходимость в научно-теоретическом осмыслении института согласия при осуществлении уголовного преследования, уголовно-процессуальной защите, обеспечении прав личности в уголовном судопроизводстве, в ходе контрольно-надзорной деятельности в уголовно-процессуальной сфере.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловливается и иными обстоятельствами. В частности, несоответствие критериям законности, обоснованности и мотивированности согласия, даваемого соответственно руководителем следственного органа следователю, прокурором — дознавателю, на обращение в суд за разрешением на производство отдельных процессуальных действий, избрание конкретных мер процессуального принуждения снижают уровень защищенности не только подозреваемого, обвиняемого от необоснованного уголовного преследования, но и конституционных прав иных лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства.

Указанное подтверждает потребность в системном исследовании правового, нравственного содержания уголовно-процессуального института согласия, практики его реализации в уголовном судопроизводстве.

Новизна диссертационного исследования заключается в том, что автор разработал концепцию согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России, показывающую современное состояние этого правового явления и перспективы его дальнейшего развития и позволяющую разрешить значимую научную проблему надлежащего функционирования согласия в уголовном судопроизводстве в качестве его системообразующего фактора, правовой урегулированности согласия и совершенствования его реализации в условиях современного развития уголовно-процессуальных отношений.

Новизна исследования подтверждается:

— авторским подходом к определению понятия согласия в уголовном судопроизводстве (положение 1, выносимое на защиту; с. 39);

— выявлением ценностных свойств уголовно-процессуального согласия (с. 155—180) и их классификацией на а) общие свойства, которые характерны для согласия (наряду с уголовно-процессуальным), реализуемого в правоотношениях, возникающих на основе норм других отраслей права, и б) специфические, свойственные только уголовно-процессуальному согласию (с. 184);

— формированием в целях уяснения сущности, содержания, назначения, особенностей получения, дачи согласия в уголовном судопроизводстве многоуровневой классификации уголовно-процессуального согласия по различным (15 видов) основаниям (положение 8, выносимое на защиту; с. 231—233, 235—237, 240, 263, 291, 293—295, 299—300, 304—306, 308—309, 313—314, 320—321, 323);

— конструированием механизма реализации уголовно-процессуального согласия (с. 327—417);

— развитием института электронного документооборота в контексте оптимизации получения и оформления уголовно-процессуального согласия (с. 285—291);

— авторским видением направлений совершенствования правового регулирования реализации уголовно-процессуального согласия властными субъектами уголовного судопроизводства (с. 450—457) и др.

Вынесенные на защиту положения также соответствуют критерию новизны.

Импонируют характер раскрытия А. А. Насоновым исследуемой в диссертации категории «уголовно-процессуальное согласие» — четко, последовательно, содержательно (с. 30—31, 60—61); представление значения уголовно-процессуального согласия в механизме правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений (с. 49—51, 56, 61); обращение соискателя по многочисленным вопросам, исследуемым

в диссертации, к зарубежному опыту Беларуси (с. 100, 222, 296), Армении (с. 101, 222, 278), Молдовы (с. 101, 200), Туркменистана (с. 101), Канады (с. 130), Германии, Австрии, Швейцарии, Франции (с. 137), Турции, Латвии (с. 159), США (с. 167), Кыргызстана, Таджикистана (с. 222, 279), Италии (с. 278), Казахстана, Грузии (с. 443) и др.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена введением в научный оборот понятий «согласие пассивного типа» и «согласие активного типа», различающихся способами получения, юридической природой, правовой регламентацией, различной причастностью (с. 114); критическим анализом нормативного определения дефиниции согласия в пункте 41.1 ст. 5 УПК РФ через призму научных взглядов и результатов правоприменения в уголовном судопроизводстве (с. 31—38); авторским пониманием согласия невластных субъектов уголовного судопроизводства с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации и специфики его получения (с. 43—45, 460—463); выделением соискателем субинститутов института согласия: а) согласие, исходящее от властных субъектов, б) согласие, формируемое лицами, не наделенными властными полномочиями (с. 52—53, 418—458, 460—500) с уточнением места согласия потерпевшего, его законного представителя в системе обстоятельств, детерминирующих переход к компромиссным производствам (с. 470—477) и др.

В научном исследовании А. А. Насонов продемонстрировал нестандартный подход к оперированию понятием «взаимодействие» при анализе соотношения уголовно-процессуальных институтов согласия и принципов уголовного судопроизводства (гл. 3). Им сделан акцент не только на привычном понимании термина «взаимодействие» — в контексте уголовно-процессуального и организационно-правового видов деятельности властных и невластных субъектов уголовного судопроизводства (получение согласия субъектами уголовного судопроизводства (с. 209, 217, 219), обоснование роли принципов уголовного судопроизводства как гарантий реализации уголовно-процессуального согласия (с. 210), уточнение значения согласования для реализации принципов публичности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, языка уголовного судопроизводства (с. 196—198, 215, 217, 219) и др.), но и на собственном научном подходе к раскрытию соотношения правового явления — согласия и принципов уголовного судопроизводства (взаимодействие согласия с принципами уголовного судопроизводства (с. 187, 190, 202, 211, 212, 226 и др.), влияние на уголовно-процессуальное согласие принципа разумного срока уголовного судопроизводства (с. 194) и др.).

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в выработке рекомендаций по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, регулирующего согласование в стадийном производстве с участием невластных субъектов, основанном на идее усиления уголовно-процессуальной деятельности по защите интересов указанных субъектов.

Степень достоверности и обоснованности результатов диссертационного исследования подтверждается значительной нормативно-правовой базой, качественной методологией проведенного исследования, емкой по содержанию и обширной по географии эмпирической базой (материалы 512 уголовных дел, результаты анкетирования в 2018—2024 гг. 1 017 практических работников (следователи, дознаватели, прокуроры и др.) в 13 субъектах Российской Федерации, опубликованные материалы следственной и судебной практики по уголовным делам, нашедшей надлежащее осмысление в диссертации).

В диссертационной работе многократно приводятся правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (с. 104—105, 160, 161, 162 и др.), Верховного Суда Российской Федерации (с. 241, 319, 483 и др.), результаты изучения уголовно-процессуальной практики (с. 111, 139, 155, 179, 205, 265, 318, 431, 474 и др.), усиливающие обоснованность теоретических суждений А. А. Насонова, которые опираются также на результаты собственного эмпирического исследования (с. 32, 100, 198, 430, 437, 438 и др.).

Отмечая многие достоинства позиции автора в целом по исследуемой проблеме, обозначим вместе с тем и теоретические суждения, заключения диссертанта, которые представляются небесспорными и как минимум требуют дополнительной аргументации в ходе публичной защиты.

1. В диссертации предлагается более последовательное применение в тексте УПК РФ разных языковых единиц «разрешение» и «согласие» соответственно: по отношению к одобрению государственными органами и должностными лицами (публичными субъектами уголовного процесса) и невластными участниками уголовного судопроизводства (с. 99—100).

На публичной защите соискателю предлагается уточнить, какие негативные последствия для уголовно-процессуальной практики влечет существующая в настоящее время в УПК РФ регламентация института согласия, не предусматривающая четкой градации языковых форм выражения уголовно-процессуального согласия.

2. В диссертации проявляется некоторая непоследовательность позиции соискателя в вопросе получения согласия невластного субъекта. По мнению диссертанта, необходимость получения согласия обвиняемого на применение залога усматривается в отсутствие прямого закрепления в УПК РФ. В качестве дополнительного аргумента приводится правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о допустимости применения данной меры пресечения только с согласия собственника имущества — залогодателя (с. 104—106). А если обвиняемый не является залогодателем? Из чего в этом случае исходит соискатель, презюмируя получение согласия обвиняемого на избрание залога, если он об этом не ходатайствует? Аналогичная ситуация с получением в отсутствие прямых предписаний закона согласия собственника жилища — по умолчанию

складывается и при избрании домашнего ареста. Соискатель признает допустимой форму выражения согласия в таких случаях в виде молчания, именуя его косвенным согласием (с. 291). Однако на с. 273—274 диссертации А. А. Насонов обосновывает необходимость письменного оформления согласия, недопустимость признания юридического значения молчаливого согласия участника уголовного судопроизводства, в том числе, обращаясь к предписаниям п. 6 ч. 2 ст. 340 УПК РФ, аргументирует потребность обязательного нормативного закрепления в УПК РФ обязанности следователя, дознавателя, суда получать согласие у невластного субъекта (с. 199).

Хотелось бы услышать пояснения по данному вопросу соискателя и его уточнение содержания незакрепленного законом активного действия носителя согласия — собственника жилища при избрании домашнего ареста, обвиняемого — не залогодателя.

3. Исследуя соотношение понятий «уголовно-процессуальное согласие» и «гармония» (с. 133—135), соискатель приходит к убеждению, что согласие способствует гармоничному состоянию в уголовно-процессуальных отношениях, достигаемому посредством сближения позиций лиц по отдельным вопросам. В диссертации также констатируется: 1) наличие важной проблемы для уголовного процесса — разграничения публичных и частных интересов (с. 127); 2) публичный характер уголовно-процессуальных отношений, ориентированный на подавление частных интересов (с. 142).

В свете сказанного было бы уместным уточнение соискателя о возможности существования пределов толерантности в уголовно-процессуальных правоотношениях, которых, по его мнению, можно достичь посредством уголовно-процессуального согласования (с. 135). Как соотносятся между собой толерантность в уголовно-процессуальных отношениях и баланс уголовно-процессуальных интересов (с. 135—136)?

4. Соискатель акцентирует внимание на условиях формирования согласия применительно к властным субъектам (с. 46—48) и его свойствах: ясность, действительность, информированность (с. 156, 157), понятии уголовно-процессуального института согласия в контексте получения у лица одобрения на переход к определенной процедуре (с. 39, 52 и др.), в том числе регламентируемой гл. 40, 40.1 УПК РФ (с. 156—157, 204, 211); приводит примеры судебной практики, подтверждающие факт уточнения судом добровольности заявления ходатайства о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (гл. 40 УПК РФ), осознания последствий заявленного ходатайства (гл. 40, 40.1 УПК РФ) (с. 163—164); констатирует наличие возможности получения консультации у адвоката при заявлении подозреваемым, обвиняемым ходатайства о применении дифференцированной формы уголовного судопроизводства; освещает недостатки правового регулирования заявления согласия защитником при переходе на особый порядок согласно гл. 40 УПК РФ (с. 463—464).

На публичной защите соискателя следует указать проблемы, препятствующие обеспечению свойства согласия — добровольности при даче согласия обвиняемым в ходе предварительного расследования на осуществление производства, предусмотренного соответственно главами 40, 40.1 УПК РФ. Способствует ли появлению этих проблем отсутствие в ст. 47 УПК РФ права обвиняемого «на выбор между согласием и несогласием с той или иной формой компромиссного характера» (с. 469)? Почему действительность согласия не подтверждается (с. 165) в судебном разбирательстве по уголовному делу, по которому обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве?

5. В диссертации предлагается существенно расширить процессуальный статус законного представителя потерпевшего путем наделения его правом ходатайствовать о вынесении постановления о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, знакомиться с постановлением о приостановлении предварительного следствия, о возобновлении предварительного следствия, с заключением эксперта, с материалами уголовного дела, давать согласие на ознакомление сторон с подлинными сведениями о несовершеннолетнем при их сокрытии и др. (с. 478—480, 488, 498—499 и др.).

Ждем от соискателя дополнительных аргументов о наличии потребностей уголовно-процессуальной практики в нормативном закреплении обозначенных прав указанного субъекта, возможно, подтверждаемые показателями состояния законности, обеспечения прав личности в российском уголовном процессе.

Сделанные замечания не влияют на общий положительный вывод о диссертационном исследовании А. А. Насонова.

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Материалы диссертации достаточно полно представлены в публикациях автора и апробированы.

С учетом изложенного следует заключить, что диссертация А. А. Насонова «Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук, является завершенной научно-квалификационной работой, содержащей самостоятельное творческое решение теоретических и практических задач, имеющих существенное значение для науки и практики уголовного процесса, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты, свидетельствует о личном вкладе автора в науку и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертационным исследованиям на соискание ученой степени доктора наук Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в актуальной редакции). Автор диссертационного исследования Александр Александрович Насонов заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Г. С. Русман,
заведующий кафедрой уголовного процесса,
криминалистики и судебной экспертизы
Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета),
доктор юридических наук, доцент

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ А. А. НАСОНОВА
«СОГЛАСИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ»**

Актуальность исследования категории «согласие» в уголовном судопроизводстве обусловлена его значительной ролью в обеспечении легитимности и эффективности уголовно-процессуальной деятельности, необходимостью для реализации многих его институтов. Государство путем согласования стремится к гармонизации уголовно-процессуальных отношений, что позволяет сбалансировать публичные и частные интересы участников.

В то же время, несмотря на широкое применение согласия в уголовно-процессуальной деятельности, статистика и правоприменительная практика «подсвечивают» недостатки в реализации согласительных механизмов, что влечет нарушения прав участников судопроизводства на дачу согласия, снижает эффективность процедуры согласования. Особенно отчетливо проблематика проявляется в согласительных процедурах избрания наиболее строгих мер пресечения.

Наблюдаемые несовершенства в правовой регламентации и ошибки в практической реализации согласительных механизмов приводят к снижению качества отправления правосудия и нарушению баланса интересов участников процесса. Системный характер обозначенных А. А. Насоновым в диссертации проблем подчеркивает необходимость углубленного исследования согласия как элемента уголовно-процессуальной деятельности и категории. Кроме того, изучение многофункциональности согласия — его роли в обеспечении защиты прав, уголовном преследовании и контрольно-надзорной деятельности — является важным условием для оптимизации уголовно-процессуальных механизмов и создания дополнительных процессуальных гарантий. Таким образом, исследование института согласия в уголовном процессе представляется научно и практически значимым, направленным на повышение эффективности и справедливости уголовного судопроизводства.

В основе диссертационного исследования лежит состоятельная **эмпирическая база** (с. 14), **содержащая репрезентативные выборки**, позволившие обеспечить аргументированность и достаточную убедительность выводов соискателя. Непосредственно в тексте диссертации представлены результаты собственных социологических исследований автора (с. 32, 100, 198, 270, 289, 404, 430, 437, 438).

Соискателю принадлежит первенство в системном и комплексном обосновании современного видения проблем уголовно-процессуального согласия и возможностей его реализации. Научная новизна проведенного диссертационного исследования состоит, как представляется, в разработке научной концепции, раскрывающей ценностные свойства уголовно-процессуального согласия, выражающей его функциональный характер, что в свою очередь позволило автору сформировать оптимальную теоретическую модель уголовно-процессуального согласия и механизма его реализации. Выявленные автором свойства и виды исследуемой категории увеличивают ее теоретический и правоприменительный потенциал, способствуют усовершенствованию механизма и средств уголовно-процессуального согласования. Кроме того, диссертантом предложена и обоснована оригинальная научная идея о значимой роли согласия как системообразующего фактора уголовного судопроизводства, обуславливающего оптимальное сочетание в ней публичных и частных интересов (с. 56, 61); разработан единый категориальный аппарат, позволяющий однозначно определять терминологию, характеризующую согласие и его реализацию в отечественном уголовном судопроизводстве (с. 30, 40, 43—45, 93, 95, 346 и др.); раскрыто содержание уголовно-процессуального согласия, сформулирована его авторская дефиниция и научно обоснована структура (с. 40, 39—42 и др.); обозначены основные векторы влияния принципов уголовного судопроизводства на механизм реализации согласия (глава 3); показаны формы реализации уголовно-процессуального согласия в контексте решения проблемы гармонизации интересов в уголовном процессе (с. 139—141, 152—153); в механизме реализации согласия выделены и исследованы нормативная основа, цель, средства, способы, объект, субъекты уголовно-процессуального согласования (с. 332—340, 341—346 и др.); определена система этапов реализации уголовно-процессуального согласия (с. 378 и др.); раскрыта структура института согласия, включающая в себя субинституты, доказана необходимость его дальнейшего формирования и укрепления (с. 52—53); сформулированы предложения по совершенствованию уголовно-процессуального закона и практики его применения в части согласования процессуальных действий, решений, процедур (с. 39, 99—100, 132, 197, 201, 216, 222, 233, 253 и др.; приложение 3 — с. 641).

А. А. Насонову успешно удалось преодолеть главную сложность проводимого исследования, которая, думается, состоит в необходимости соединения теоретических основ уголовно-процессуального согласия с весьма «раз-

ношерстной» нормативной практикой, причем с учетом особенностей их представления. Действующие в этой сфере нормативные институты являются основанием для построения реализационного механизма согласования в уголовном судопроизводстве. Предполагаемая теоретическая модель уголовно-процессуального согласия должна быть выше и более общей по отношению к нормативной регламентации, выступать умозрительной базой, концептом для дальнейшего развития и совершенствования действующего законодательства.

Рассмотрение обозначенной автором проблемы обоснованно и в целом успешно выведено на уровень такой высоты, который оказался над отдельными уголовно-процессуальными институтами, связанными с получением согласия (например, судебно-контрольные производства, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, особый порядок принятия судебного решения при согласии с предъявленным обвиняемому обвинением и др.), что позволило обеспечить соответствующее качество исследования. В связи с этим следует обратить внимание на обоснованное А. А. Насоновым расширение границ применения согласия в уголовном судопроизводстве, в том числе посредством субстанционального подхода, аналогизации категорий (процедур), связанных с получением согласия (разрешения) и введения в научный оборот термина «уголовно-процессуальное согласие» (с. 31—37, 40 и др.).

Такой подход позволяет совершенно иначе и с содержательной (качественной) точки зрения, и процедурной (относительно количественной) рассмотреть проблему: одно дело, когда круг субъектов согласия ограничен только правоприменителем (должностные лица, как носители публичной власти) и смысл уголовно-процессуального согласия в данном случае ограничивается в определенной степени дачей разрешения, другое дело — когда на первый план выходит необходимость получения согласия невластных субъектов, а то и лиц, не участвующих в уголовно-процессуальных отношениях (например, дача согласия Конституционным Судом Российской Федерации в порядке п. 3 ч. 1 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)) (с. 32, 37, 44, 93—95, 99, 257, 259, 334, 336 и др.). В этом аспекте интересным и обоснованным видится предложение автора ввести новый вид согласия — согласие лица на собственную экстрадицию, которое позволит ввести и успешно реализовывать упрощенную форму экстрадиционного производства (с. 24, 259—261 и др.).

На основе всестороннего анализа современных источников, исторического и действующего законодательства России и ряда зарубежных государств, состояния правоприменительной практики диссертант сформулировал и другие теоретические положения, касающиеся концепции уголовно-процессуального согласия и механизма его реализации, включая его функции, свойства, виды, цель, объект, субъектов, способы и этапы (с. 502—513).

Отличие рассматриваемой диссертации от работ со сходной тематикой состоит в том, что автор понимает уголовно-процессуальное согласие в первую очередь как инструмент гармонизации уголовно-процессуальных отношений, что позволило на высоком уровне исследовать общетеоретические, нормативные и правоприменительные аспекты указанной категории, получить результаты, направленные на создание дополнительных процессуальных гарантий разумного применения согласия в уголовном судопроизводстве, эффективного функционирования его системы, определить способность согласия выступать средством уголовно-процессуальной защиты, обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве, уголовного преследования, контрольно-надзорной деятельности.

Рецензируемая диссертация представляет собой зрелое научное исследование, о чем свидетельствует решение автором ряда довольно сложных задач (с. 12—13), каждая из которых является по-своему оригинальной и важной и имеет существенное значение и для науки уголовного процесса, и для практики. Ценность диссертации А. А. Насонова состоит еще и в том, что наряду с теорией исследованных проблем автором намечены перспективы реализации полученных научных результатов в ходе дальнейших исследований.

Обоснованность научных положений и выводов диссертанта подтверждается **солидным теоретическим материалом** (труды ученых в области уголовного процесса, касающиеся уголовно-процессуального согласия, фундаментальные разработки в области общей теории государства и права, науки уголовного права, криминалистики, этики, а также современные достижения философии, социологии, логики и других наук).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования А. А. Насонова заключается в разработке авторской концепции согласия и его реализации в уголовном судопроизводстве России, позволяющей модернизировать уголовно-процессуальный институт согласия, исследовать на новом теоретическом уровне закономерности развития уголовного судопроизводства сквозь призму баланса уголовно-процессуальных интересов с помощью согласительных средств, а также в возможности применения выработанных теоретических положений и предложений непосредственно в практической деятельности, научно-исследовательской работе и при совершенствовании уголовно-процессуального закона (с. 28—29).

Рецензируемая диссертационная работа отличается глубоким исследовательским подходом. Соискатель демонстрирует всестороннее владение фактическим и теоретическим материалом по теме диссертации.

В автореферате убедительно раскрыты основные идеи и выводы проведенного А. А. Насоновым исследования, показаны личный вклад автора в разработку избранной темы, новизна и значимость полученных результатов, обоснована структура диссертации.

В целом положительно оценивая диссертационное исследование А. А. Насонова, следует отметить отдельные дискуссионные положения, побуждающие к их обсуждению в рамках публичного научного диспута.

1. В положении 5, выносимом на защиту, автор аргументирует тезис, в соответствии с которым «нормы, регулирующие уголовно-процессуальное согласие, составляют самостоятельный сложный правовой институт, включающий в свою структуру два субинститута — согласия, исходящего от властных субъектов, и согласия, формируемого лицами, не обладающими властными полномочиями» (с. 18—19, 38, 51—53 и др.).

Исходя из общеизвестного теоретико-правового подхода, институт права есть объективно обособившаяся совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих небольшую группу видовых родственных отношений, при этом не всю их (родовых отношений) совокупность, а лишь их отдельные стороны, что в том числе связано с особенностями юридической техники. Позиция А. А. Насонова заслуживает уважения, в то же время представляется спорным понимание уголовно-процессуального согласия как самостоятельного института, в связи с этим возникает необходимость в дополнительных аргументах, обосновывающих сформулированный в положении тезис.

Кроме того, напрашивается следующий вопрос: уже сформированные уголовно-процессуальные институты, содержащие в себе элементы согласия (институт мер пресечения, институт судебного контроля, институт ходатайств и пр.), будут являться субинститутами по отношению к институту согласия?

2. В целом заслуживает поддержки выявленная и качественно раскрытая А. А. Насоновым система свойств уголовно-процессуального согласия, позволяющих уяснить его сущность и содержание и раскрыть его специфику (с. 19, 154—186). Однако вызывает сомнение существование такого общего свойства, как «способность участвовать в обеспечении единства мнений лиц по тем или иным вопросам (антиконфликтность)», тем более с учетом наличия другого свойства — добровольности, сомнения в наличии которого нет в силу его нормативной регламентации (как напрямую, так и в контексте нормы). Достижение определенного согласия по тому или иному вопросу в рамках уголовного судопроизводства далеко не всегда характеризуется единством мнения. Порой выраженное добровольно согласие, например на прекращение уголовного дела по оценочным основаниям, является лишь попыткой уйти от более серьезных последствий.

3. Соискатель заслуженно уделил в работе весомое внимание влиянию принципов уголовного судопроизводства на уголовно-процессуальное согласие как динамическую категорию (с точки зрения разных аспектов его (согласия) реализации) (с. 19, 187—230). Вместе с тем ошибочно говорить о взаимовлиянии данных концептов. Будучи исходными положениями уголовного судопроизводства, объективно отраженными в законе, принципы лежат в основе реализационной деятельности, выступают в качестве гарантий, составляя базис правоотношений, а в неоднозначных ситуациях указывают направление их (ситуаций) толкования. Соответственно уголовно-процессуальное согласие не может оказывать влияние на существование принципов, что вытекает из формулировки о «взаимовлиянии», а принципы не могут выступать в качестве средства реализации согласия (с. 22), поскольку правоотношения согласования подчинены системе принципов.

4. Требуется дополнительной аргументации авторская позиция о необходимости концентрации наиболее «общих вопросов получения согласия в уголовном судопроизводстве и касающихся как всех субъектов, формирующих согласие (круг лиц, правомочных давать согласие; правила дачи согласия), так и определенной их части — преимущественно носителей властных полномочий (требования, предъявляемые к обращению лица, запрашивающего согласие; сроки рассмотрения обращения указанного лица; решения, принимаемые по результатам рассмотрения обращения лица, запрашивающего согласие; уведомительно-разъяснительные действия в отношении лица, запросившего согласие; обжалование решения, принятого в результате согласования)» в отдельной главе УПК РФ (гл. 17.1 «Согласие в уголовном судопроизводстве») (с. 26, 456—457, 459, 646). В чем будет выражаться оптимизация уголовно-процессуального регулирования рассматриваемой категории, если правоприменителю придется обращаться, помимо норм, регулирующих конкретную процессуальную ситуацию (включая объект и субъектов согласования, его процедуру и сроки, принимаемые решения и их последствия и т. д.), еще и к общей главе? Не будет ли дублирования специальных норм в предлагаемой главе?

Высказанные замечания носят дискуссионный характер и подчеркивают актуальность и темы диссертации.

Рецензируемая работа является законченным, цельным, монографическим исследованием сложносоставной и значимой в теоретическом и практическом плане темы, имеющей важное политическое и социально-экономическое значение.

По своему оформлению и содержанию диссертация «Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение» соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям (пп. 9—14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842), а ее автор Александр Александрович Насонов заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Б. П. Смагоринский,

профессор кафедры криминалистики
учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;

А. В. Шахматов,

профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел
Санкт-Петербургского университета МВД России,
заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;

А. И. Мелихов,

профессор кафедры теории и методологии государственного управления
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ УГРОЗАМ

(рец. на моногр.: Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскной инструментарий.
Москва: Проспект, 2024. 304 с.)

Вполне закономерно и логично, что широко известный и авторитетный в научной и практической среде коллектив авторов — Николай Владимирович Павличенко и Андрей Иванович Тамбовцев — с многолетним стажем оперативной работы и солидным грузом научных трудов, выпустив серию монографий, освещающих такие ключевые для теории оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД) институты, как негласность в ОРД¹, оперативно-разыскные мероприятия² и содействие граждан правоохранительным органам³, перешли к новому уровню научного обобщения, введя в научный оборот фундаментальную категорию — оперативно-разыскной инструментарий.

Данный несомненно удачный термин упоминался в научной литературе по теории оперативно-разыскной деятельности только как оборот речи, характеризующий методы научного познания, или синоним словосочетания «методы ОРД».

Первая глава монографии дает теоретико-понятийное обоснование оперативно-разыскного инструментария, определяет его структуру и выносит предложения по закреплению его в контексте действующего законодательства.

Авторы начинают с широкого историко-философского обзора: на протяжении эволюции человек постоянно прибегал к «подспорью» — сначала к примитивным средствам в виде ножа, пилы, молотка, а затем к все более сложным инструментам и методам их применения в целях оптимизации способов решения задач. Далее подчеркивается, что в отечественной литературе термин «инструментарий» практически не употребляется напрямую — вместо него чаще встречается сочетание «оперативно-розыскные силы, средства и методы». Именно эту «терминологическую конструкцию» авторы и предлагают рассматривать как истинный носитель смысла инструментария.

Сочетание выводов историко-философского, лексико-семантического и правового анализов создает в рассматриваемом параграфе прочный концептуальный каркас понятия «оперативно-розыскной инструментарий».

Во втором параграфе «Силы, средства и методы как структурные составляющие оперативно-розыскного инструментария» авторы сразу отмечают, что в «открытых» учебниках по ОРД термин «оперативно-розыскной инструментарий» практически не встречается — вместо него широко употребляется триада «оперативно-розыскные силы, средства и методы». Авторы монографии проводят лексико-семантический и правовой анализ этого сочетания и констатируют, что именно оно и является истинным носителем смысла «инструментария» ОРД. Второй параграф моделирует структурный каркас для всего дальнейшего исследования, точно определяет содержательные границы и подчеркивает необходимость системного подхода к понятию «оперативно-розыскной инструментарий».

¹ Павличенко Н. В. Правовые и теоретические проблемы обеспечения негласности в оперативно-розыскной деятельности: монография. Москва, 2016. 186 с.

² Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Содействие граждан правоохранительным органам как социально-правовой феномен: монография. Москва: Проспект, 2022. 344 с.

³ Тамбовцев А. И., Павличенко Н. В. Эволюция оперативно-розыскных мероприятий. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. 160 с.

Третий параграф органично связывает концептуальную триаду «силы — средства — методы» с текущим правовым полем, выявляет «скрытые» механизмы законодательного регулирования инструментария и предлагает конкретные пути его юридической «материализации».

Во второй главе авторы приводят данные криминалистики, химии и кинологии, демонстрируя, что инструментарий ОРД — это не только технические устройства, но и живые существа (собаки), и активные вещества с особыми свойствами, и юридические фикции в виде юридических лиц, способствующие решению задач ОРД.

В первом параграфе второй главы «силы ОРД» определены как совокупность субъектов, непосредственно осуществляющих оперативно-розыскные функции, и обосновано их включение в состав инструментария ОРД. Авторы показывают, что без «сил» (пользователя) ни средства, ни методы не могут реализовать свои функции, и потому субъект следует рассматривать не только как носителя прав и обязанностей, но и как «инструмент» ОРД. Уточнение состава «сил» снимает терминологическую двусмысленность в теории ОРД и создает единую основу для дальнейшего анализа «средств» и «методов». Явное закрепление категорий «сил» в нормативных актах упростит для правоприменителей задачу поиска полномочий и ответственности, поэтому следует поддержать предложение авторов внести в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД») статью с полным списком субъектов — от органов и подразделений до граждан — помощников и специалистов, а также придать формальный правовой статус информаторам и волонтерам, определив их компетенцию, обязанности и гарантии защиты.

Во втором параграфе второй главы «Использование специальных химических веществ (далее — СХВ) в оперативно-розыскной деятельности» авторы последовательно переходят от концептуального анализа к конкретному нормативному полю и формулируют практические рекомендации для совершенствования регламентации и безопасного применения специальных химических веществ в ОРД.

В названном параграфе происходит расширение категории оперативно-розыскных средств, а сопоставительный анализ дефиниций показывает необходимость унификации терминологии, что имеет значение для развития правовой науки и корректного формирования понятийного аппарата.

Авторы предлагают принять в законах определение «специальных химических веществ» по аналогии с ГОСТ Р 58473-2019 (несмотря на его формальный статус), чтобы восполнить нормативный вакуум; закрепить в ФЗ «Об ОРД» и Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (далее — ФЗ «О полиции») классификацию химических ловушек (активные / пассивные) с обязательными техническими и безопасными требованиями по типу приказа МВД № 423; урегулировать оборот зарубежных СХВ в «контролируемых поставках», чтобы результаты оперативных действий иностранных сотрудников могли иметь юридическую силу на территории Российской Федерации; разработать и внедрить единые стандарты безопасности и этики (хранение, транспортировка, утилизация, медико-биологический контроль) как самостоятельную научную дисциплину в системе подготовки кадров ОРД.

Указанный параграф имеет очень высокую практическую значимость, поскольку выявленные авторами пробелы в законах и подзаконных актах обуславливают потребность во внесении поправок, вводящих в ФЗ «Об ОРД» и «О полиции» четкие определения СХВ и алгоритмы их легального использования. Разработанные по аналогии с приказом МВД № 423 требования к пиропатронам, щиткам и герметизации могут лечь в основу профильных инструкций и учебных программ, в результате чего снизится аварийность и повысится надежность «химического слепообразования». В свою очередь регламентация производства и оборота СХВ гарантирует непрерывность «цепочки обращения» реагента, что критично при оспаривании результатов маркировки в суде.

В третьем параграфе второй главы авторы рассматривают служебно-розыскных собак (далее — СРС) как средство ОРД, не только раскрывая текущий нормативный ландшафт его применения, но и предлагая четкие пути оптимизации использования данного средства как в теоретическом, так и в прикладном плане.

На наш взгляд, заслуживают пристального научного внимания и обсуждения предложения авторов ввести в ФЗ «Об ОРД» отдельную статью о СРС, уточнив их статус специальных средств и закрепив круг допустимых оперативных мероприятий с их участием, расширить перечень ОРМ, включив в него «применение служебно-розыскных собак» как самостоятельную категорию, а не факультативный способ, установить единую классификацию СРС (следовые, детекторы, охранные и др.), выделив их функциональные направления и технические нормативы по отбору и содержанию, закрепить на уровне федерального законодательства требования к профессиональной подготовке и допуску к работе кинологов, включая стандарты безопасности, охраны здоровья животных и обеспечения экипировкой.

В четвертом параграфе второй главы «Использование документов, зашифровывающих личность (принадлежность к правоохранительным органам) в оперативно-розыскной деятельности» авторы выявляют «белые пятна» в российском законодательстве, связанные с применением документов-прикрытий, обосновывают важность последних для успешной конспирации и предлагают конкретные пути их нормативного оформления и систематизации.

Авторы предлагают предоставить органам ОРД право не только «использовать», но и самостоятельно изготавливать такие документы, согласовать положения ФЗ «Об ОРД», Закона о государственной охране и Закона о внешней разведке, дополнив их одинаковыми нормами, определяющими особенности защиты конфидентов и возможности шифровки их личности.

Для предотвращения злоупотреблений данной важной функцией авторы предлагают ввести процедуры учета и контроля таких документов — предусмотреть обязанность ответственного лица оформлять каждый случай применения «документа-прикрытия» в специальном журнале и представлять отчет в надзорный орган подобно тому, как это происходит в зарубежной практике, чтобы повысить прозрачность и подотчетность операций. Авторы вносят и другое, не менее важное предложение — использовать опыт «замены документов» из законов о защите свидетелей и судей для регламентации случаев длительного скрытого пребывания оперативников и конфиденентов под легендой с учетом требований ФЗ «О персональных данных».

В пятом параграфе второй главы монографии авторы обращаются к «легендированным объектам» — юридическим лицам и структурным образованиям, создаваемым или используемым органами ОРД для конспирации и обеспечения проведения оперативно-разыскных мероприятий. Умелое сочетание приемов нормативного, исторического и оперативно-тактического анализа, к которым прибегают авторы, позволяет выстроить в рецензируемой работе целостную концепцию функционирования «легендированных объектов».

Авторы предлагают ввести в ФЗ «Об ОРД» определение «легендированных организаций», аналогичное данному в проекте оперативно-разыскного кодекса: «Легендированные организации — предприятия, учреждения, организации и подразделения, созданные органами ОРД под вымышленными названиями и легендой с зашифровкой их ведомственной принадлежности для решения оперативно-розыскных задач», закрепить данную ими классификацию по целям и способам создания таких организаций, установить требования к процедурным гарантиям при создании «легендированных объектов» (отчетность перед надзорными органами, сроки существования, критерии ликвидации), переняв практики согласования и документирования из зарубежных уголовно-процессуальных кодексов, а также разграничить «ведомственные» и «неведомственные» легенды, позволив официальным и «вспомогательным» объектам иметь разные правовые статусы и режимы функционирования, включая возможность использования объектов частных лиц — с их письменного согласия.

Монография А. И. Тамбовцева и Н. В. Павличенко является логичным продолжением их предыдущих исследований и представляет собой глубокое, всестороннее изучение «инструментария» оперативно-разыскной деятельности как комплексного социально-правового феномена. Авторы последовательно прошли путь от теоретико-понятийного обоснования конструкции «силы — средства — методы» (глава 1) через детальное описание практических «средств» (глава 2) к анализу законодательного поля, выявив скрытые механизмы регулирования и предложив конкретные пути его совершенствования.

Каждая глава соответствует заявленным целям: сначала определяется понятие и создается каркас конструкции, затем раскрываются содержательные блоки и, наконец, анализируется нормативное закрепление инструментов ОРД. Использованный авторами синтез лингвистического, философского, криминалистического и правового видов анализа создает прочный методологический фундамент и позволяет взглянуть на инструментарий ОРД как на сложную социально-техническую систему.

Детальная проработка таких понятий, как специальные химические вещества, служебно-разыскные собаки, документы-прикрытия и «легендированные объекты» подкреплена нормативными и эмпирическими примерами, что делает монографию ценным пособием для практиков, ученых и законодателей, поскольку авторы не ограничиваются критикой действующих норм, а формулируют исчерпывающие предложения по унификации терминологии, расширению законодательных дефиниций и внедрению зарубежного опыта в российскую правоприменительную практику.

В целом монография А. И. Тамбовцева и Н. В. Павличенко обладает всеми признаками успешной фундаментальной работы: стройностью изложения, глубиной научного содержания и практической ценностью. Авторы подчеркивают готовность к научному диалогу и критике со стороны практиков и ученых, что свидетельствует об их открытости и существовании перспективы дальнейшей доработки и развития темы.

О. В. Химичева,

начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

**ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ М. М. БОНДАРЬ
«ДОЛЖНОСТНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ»**

В современных условиях поиска путей повышения эффективности досудебного уголовного производства особой актуальностью обладают диссертационные исследования, ориентированные на совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой властными субъектами. Далеко не все вопросы, касающиеся уголовного преследования, нашли надлежащую уголовно-процессуальную регламентацию, не все проблемы в сфере этой деятельности получили подробное освещение в научной литературе.

Обращение к тексту уголовно-процессуального закона позволяет выявить отсутствие последовательности законодателя при оперировании понятиями «уголовное преследование» и «обвинение» в контексте реализации традиционных подходов к определению сущности уголовно-процессуальных функций; противоречивостью отличается регламентация полномочий следователя, органов дознания, особенно при осуществлении сокращенного дознания, прокурора – в ходе реализации этими субъектами должностного уголовного преследования.

Указанные проблемы нормативной регламентации должностного уголовного преследования подтверждаются официальной статистикой Генеральной прокуратуры Российской Федерации, свидетельствующей об увеличении числа выявленных нарушений законности в деятельности органов предварительного расследования, на что обращено внимание в диссертации.

Вместе с тем в доктрине уголовного процесса сама категория «должностное уголовное преследование» встречается достаточно редко. Высказаны многочисленные противоречивые научные позиции по таким принципиальным аспектам уголовного преследования, как его структура, виды, субъекты, цель, что диктует объективную необходимость монографического исследования в современных условиях правовой природы уголовного преследования в системе уголовно-процессуальной деятельности с акцентом на такой значимой его составляющей, как должностное уголовное преследование.

Сказанное обуславливает несомненную **актуальность темы** диссертационного исследования М. М. Бондарь.

Степень разработанности темы диссертации можно охарактеризовать как высокую. Отдавая должное значимости проведенных ранее исследований по вопросам уголовного преследования в досудебном уголовном производстве, отметим, что проблемы должностного уголовного преследования не получили самостоятельного развернутого анализа с позиций учения об уголовно-процессуальных функциях, в связи с чем разработка частного уголовно-процессуального учения о должностном уголовном преследовании является безусловной заслугой автора.

Во введении работы, основываясь на актуальности выбранной темы диссертационного исследования, соискатель четко определил его **цель** – разработка теоретической модели должностного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам на современном этапе развития отечественного уголовного процесса.

В соответствии с поставленной целью диссертационного исследования вполне обоснованно определены его **объект и предмет**, а также сформулирован комплекс исследовательских **задач**, последовательно реализованных в структуре диссертации и нашедших разрешение в ее содержании.

Методология и методы исследования не вызывают возражений; они традиционны для научных исследований в области уголовно-процессуального права и позволяют всесторонне и полно изучить проблематику должностного уголовного преследования.

Теоретическую основу исследования образуют труды отечественных ученых-процессуалистов дореволюционного, советского и постсоветского периодов развития уголовно-процессуальной науки, а также исследования в области общей теории права, конституционного права, международного права, уголовного права, криминалистики и оперативно-разыскной деятельности.

Нормативная основа формируется широким кругом источников, она представлена, в частности, нормами международного права, положениями Конституции Российской Федерации, нормами Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовно-процессуальными законами ряда зарубежных государств.

Эмпирическая база исследования достаточно содержательна. Ее составили результаты анкетирования 238 респондентов (сотрудников органов прокуратуры и предварительного расследования) из 19 субъектов Российской Федерации; данные анализа опубликованной судебной практики (сведения об анкетировании подробно раскрыты в приложении № 2 к диссертации); статистические сведения о результатах деятельности за 2010—

2023 гг. органов предварительного следствия, дознания и прокуратуры, размещенные на официальных ресурсах; а также данные, полученные другими авторами, изучавшими уголовное преследование.

Требованию **научной новизны** диссертационного исследования отвечает теоретическая модель должностного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам, основанная на авторской дефиниции должностного уголовного преследования; уточнении правовой природы уголовного преследования (что позволяет снять логическое противоречие в части соотношения категорий «обвинение» и «уголовное преследование» в дефинитивных нормах ст. 5 УПК РФ); предложениях по корректировке перечня публичных субъектов, осуществляющих должностное уголовное преследование; разработке структуры уголовного преследования на *макроуровне и микроуровне*.

Диссертация имеет традиционную **структуру** и включает введение, три главы (пять параграфов), заключение, список литературы и приложения.

Во *введении* (с. 3—18 диссертации) обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются цели и задачи с учетом объекта и предмета исследования, указываются методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы исследования, раскрывается научная новизна диссертационного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, характеризуется их теоретическая и практическая значимость, приводятся данные апробации и внедрения полученных результатов, указана структура работы.

Первая глава *«Регламентация и доктринальное толкование уголовного преследования в ретроспективе и на современном этапе развития российского уголовного судопроизводства»* содержит материал, служащий базой для предпринятого автором во второй и третьей главах диссертации анализа правовой природы феномена должностного уголовного преследования, проблем его реализации в деятельности следователей, сотрудников органов дознания и прокурора.

В первом параграфе главы 1 *«Категория «уголовное преследование» в уголовно-процессуальном праве и уголовно-процессуальной науке России»* (с. 190—44) значительное внимание уделено исследованию истории появления в российском законодательстве категории «уголовное преследование», развития о ней научных представлений в дореволюционной России, употребления данного термина в трудах ученых советской эпохи и законодательных актах того времени. Оппоненту импонирует глубина и тщательность проработанности историографического раздела работы, где соискатель на основе непосредственного изучения двух десятков источников дореволюционного периода развития науки уголовно-процессуального права анализирует появление и становление учения об уголовном преследовании.

Интересной представляется дискуссия соискателя с другими авторами (М. С. Шалумовым, Р. В. Мазюком и др.) относительно использования категории «уголовное преследование» в нормативных актах после 1923 г. (с. 36—39).

Второй параграф главы 1 *«Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций»* (с. 44—68) посвящен исследованию соотношения обвинения и уголовного преследования с позиций теории функционализма. Проанализировав существующие в науке взгляды на данные явления, а также использование законодателем указанных терминов в дефинитивных нормах ст. 5 УПК РФ и ст. 15 УПК РФ, автор справедливо подчеркивает, что законодатель употребляет категории «уголовное преследование» и «обвинение» в этих нормах в различных аспектах. Следует согласиться с предложением по устранению выявленного логического противоречия данных нормативных установлений: путем выделения двух сфер употребления анализируемых категорий — функционально-состязательной и функционально-структурной. Согласимся с тем, что в п. 22 ст. 5 УПК РФ содержание термина «обвинение» уже, чем термина «уголовное преследование», так как термин «обвинение» употребляется в функционально-структурном аспекте, отражающем структуру уголовного преследования как уголовно-процессуальной функции» (с. 47). Такой подход позволил автору рассматривать уголовное преследование как самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, а должностное уголовное преследование — как основную ее составляющую (см. положение на защиту № 2).

Во второй главе *«Должностное уголовное преследование как разновидность проявления функции уголовного преследования»* (с. 69—129) использован оригинальный — деятельностный — подход к исследованию правовой природы данного феномена. С этих позиций соискателем определены ключевые аспекты уголовного преследования как вида уголовно-процессуальной деятельности: его субъекты, объект, мотивы, цель, структура, временной диапазон, способы и принципы реализации (с. 69).

Результаты исследования существующих в науке подходов к обозначенным компонентам характеристики уголовного преследования как деятельности послужили надежной основой при формулировании положений авторской теоретической модели должностного уголовного преследования, для разработки его дефиниции (положение на защиту № 1), определения состава властных субъектов, осуществляющих должностное уголовное преследование (положение на защиту № 3), цели уголовного преследования (положение на защиту № 4), временного диапазона реализации (положение на защиту № 6), структуры уголовного преследования (положение на защиту № 5) и др. Выявляемые при этом проблемы теоретического характера, связанные с дискусионностью ряда аспектов должностного уголовного преследования, позволили обратить внимание на противоречивость или пробельность его нормативной регламентации. Это, в свою очередь, обусловило формулирование автором комплекса проектных норм, направленных на совершенствование регулирования должностного уголовного преследования в действующем уголовно-процессуальном законе.

Третья глава «Проблемные аспекты реализации должностного уголовного преследования в деятельности субъектов досудебного уголовного производства» в большей мере носит прикладной характер и включает три параграфа.

Первый параграф главы 3 «Должностное уголовное преследование и процессуальная самостоятельность следователя» (с. 130—161) содержит поиск путей укрепления процессуальной самостоятельности следователя как важного условия эффективного осуществления им должностного уголовного преследования. Оппонент разделяет позицию автора в части целесообразности такого расширения возможностей следователя обжаловать решения других властных субъектов: путем наделения следователя правом обжаловать решения руководителя следственного органа также прокурору и апелляциям обжаловать решения суда, принятые в досудебном производстве, которые противоречат внутреннему убеждению следователя (положение на защиту № 7, с. 160). Кроме того, вполне обоснована позиция соискателя относительно нецелесообразности кардинального реформирования следственного аппарата с введением его в судебную систему (с. 158).

В параграфе втором главы 3 «Оптимизация уголовного преследования, осуществляемого сотрудниками органов дознания» (с. 161—200) исследованы вопросы осуществления проверки сообщения о преступлении и вынесения органом дознания решения по ее итогам, вопросы фактического задержания, проблемы особого порядка досудебного производства и неотложных следственных действий. Так, обоснованно выделены институциональные проблемы сокращенной формы дознания, в связи с чем предложена альтернатива в виде особого порядка досудебного производства (с. 181—184); на основе разделения фактического и процессуального задержания предложено оформлять первое из них протоколом фактического задержания (с. 191—192); проведено разграничение неотложных следственных действий и следственных действий, проводимых в безотлагательном режиме, и уточнены цели производства неотложных следственных действий в п. 19 ст. 5 УПК РФ (с. 199) (положения, выносимые на защиту, № 8 и 9).

Параграф третий главы 3 «Уголовное преследование в деятельности прокурора: проблемы нормативной регламентации и правоприменения» (с. 200—225) содержит материал по разработке теоретических и нормативных основ реального воплощения функции уголовного преследования в деятельности прокурора в досудебном производстве по уголовным делам. Интересной представляется попытка соискателя «гармонизировать» надзорные полномочия прокурора и его полномочие по инициированию уголовного преследования путем закрепления в законе процедуры возбуждения прокурором уголовных дел по фактам выявленных им в ходе надзорной деятельности нарушений уголовного закона (положение на защиту № 10).

В диссертации также содержится много иных интересных суждений автора по различным вопросам теории и практики должностного уголовного преследования, подкрепленных надежной аргументацией и ссылкой на официальную правовую статистику и данные проведенных соискателем собственных эмпирических исследований.

В заключении работы (с. 226—231) подводятся итоги проведенному исследованию и формулируются в концентрированном виде выводы, составляющие теоретическую модель должностного уголовного преследования в досудебном уголовном производстве.

Список литературы (с. 232—271 диссертации) включает почти 500 источников.

Пять приложений к диссертации содержат следующие сведения: сводные статистические данные МВД России о количестве выявленных и зарегистрированных преступлений, расследованных уголовных делах и делах, направленных в суд (приложение № 1); результаты анкетирования сотрудников, осуществляющих должностное уголовное преследование (в количестве 238 респондентов) (приложение № 2); сводные статистические данные МВД России о количестве выявленных и зарегистрированных преступлений подследственности органов предварительного следствия (приложение № 3) и органов дознания (приложение № 4); таблицу предложений по совершенствованию уголовно-процессуального закона (приложение № 5).

Теоретическая значимость исследования состоит в создании теоретической модели должностного уголовного преследования в современном досудебном уголовном производстве (с характеристикой его субъектов, объекта, мотивов, цели, структуры, временных диапазонов и способов реализации и др.), в возможности применения полученных результатов в дальнейших научных изысканиях, направленных на развитие уголовно-процессуального учения об уголовном преследовании и частной теории о должностном уголовном преследовании. Примененные в диссертации авторские подходы могут послужить ориентиром для научных работ, касающихся процессуального статуса властных субъектов уголовного преследования, отдельных направлений их деятельности на досудебных стадиях уголовного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в разработанных автором проектах правовых норм, направленных на повышение эффективности должностного уголовного преследования. Эти проекты могут стать востребованными в ходе законотворческой деятельности, при подготовке ведомственных нормативно-правовых актов органов уголовного преследования; выводы и предложения диссертанта могут использоваться в образовательном процессе при изучении дисциплины «Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс)» и правоприменительной деятельности.

Достоверность результатов диссертационного исследования обусловлена применением объективных научно-философских методов познания правовых явлений, обеспечившим логику авторских выводов и их согласованность с некоторыми данными и выводами, опубликованными в монографических работах по

уголовному процессу. Нормативная, теоретическая, эмпирическая основы исследования позволили выявить закономерности складывающейся правоприменительной практики и пробелы в правовом регулировании должностного уголовного преследования в досудебном производстве, убедиться в преемственности развития положений учения об уголовном преследовании и обеспечили объективность суждений соискателя. Апробация результатов исследования и их внедрение в образовательный процесс и практическую деятельность также подтверждают достоверность выводов диссертанта.

Апробацию результатов исследования оппонент считает достаточной для уровня кандидатских диссертаций: основные положения научной работы доложены на 11 научно-представительских мероприятиях различного уровня и опубликованы в 18 статьях общим объемом 5,88 п. л., 5 из которых — в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований. Упомянутые научные статьи отражают основные научные результаты диссертации.

Результаты исследования **внедрены** в образовательный процесс ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России», ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД России», в практическую деятельность Главных следственных управлений ГУ МВД России по Волгоградской области, МВД России по Донецкой Народной Республике, ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, а также подразделений дознания ГУ МВД России по Волгоградской области и МВД России по Донецкой Народной Республике.

Автореферат соответствует тексту диссертации, отражает основные достижения соискателя в решении важной для теории и практики уголовного процесса задачи.

Диссертационное исследование и опубликованные соискателем научные статьи соответствуют научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Таким образом, можно констатировать, что М. М. Бондарь создана самостоятельная работа, посвященная исследованию актуальной для российской уголовно-процессуальной науки темы, в которой нашли отражение авторские идеи, отличающиеся научной новизной, востребованные не только научным сообществом, но и правоприменителем, а также в законотворческой практике. Автором решена важная для уголовно-процессуальной науки и практики задача — разработана теоретическая модель должностного уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам на современном этапе развития отечественного уголовного процесса.

Тем не менее, несмотря на несомненные достоинства диссертационного исследования, в нем присутствуют дискуссионные моменты.

1. В параграфе 2 главы 1 диссертации соотношение уголовного преследования и обвинения рассмотрено лишь в контексте их осуществления *ex officio* и лишь упомянуто о существовании частного, частно-публичного, субсидиарного и других разновидностей обвинения (в контексте полемики с профессором М. Т. Аширбековой и некоторыми другими учеными, с. 60—61).

Далее, в главе 2, говоря о субъектах уголовного преследования (с. 70—74), автор вновь обращается к этим вопросам, утверждая, что частным лицам предоставлен достаточно широкий диапазон процессуальных возможностей отстаивания своего законного интереса (с. 74).

Осталось нераскрытым, в чем именно видит диссертант эти возможности частных лиц, не входят ли они в «конфликт» с публичным уголовным преследованием.

2. Безусловно, для исследования уголовного преследования важнейшим вопросом является определение цели этой деятельности.

Обозначая цель уголовного преследования, диссертант не всегда последовательна. Так, в положении № 1, выносимом на защиту, указано на «обеспечение правильного применения уголовного закона» (см. также с. 129), однако в положении № 4 — на обеспечение правильного применения уголовного закона *в отношении конкретного лица и его деяния* (см. также с. 107). Данное несоответствие может быть объяснено в ходе публичной защиты.

Кроме того, не вполне ясно, как цель уголовного преследования соотносится с целью уголовного судопроизводства в целом.

3. На с. 126—128 диссертации определены принципы уголовного преследования, к числу которых отнесены полнота и всесторонность, быстрота.

Вместе с тем оппонент считает недостаточными доводы, позволившие в качестве принципов выделить именно эти положения. Требуют пояснения и вопросы об их соотношении с принципами уголовного судопроизводства и общими условиями предварительного расследования.

4. Согласно позиции диссертанта в понятие должностного уголовного преследования входит уголовно-процессуальная деятельность, осуществляемая на стадии возбуждения уголовного дела, с самого начала уголовного процесса — с момента поступления сообщения о преступлении (положения № 1, 6, выносимые на защиту).

Оппонент в целом поддерживает этот вывод, однако отмечает некоторое несоответствие с предложением по корректировке уголовно-процессуального закона. М. М. Бондарь предлагает изложить ч. 1 ст. 38 УПК РФ следующим образом: «1. Следователь является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять *проверку сообщения о преступлении* и предварительное следст-

вие по уголовному делу». Вместе с тем содержание первой стадии уголовного процесса охватывается термином «рассмотрение сообщения о преступлении», где проверка — только один из этапов.

5. Диссертационное исследование имеет значительный объем — 231 страница (без списка литературы и приложений), при этом материал распределен по главам несколько неравномерно. Так, глава 2 (без параграфов) составляет 60 с., что, по мнению оппонента, затрудняет восприятие. Кроме того, в работе рассмотрены злободневные, однако не имеющие непосредственного отношения именно к должностному уголовному преследованию проблемы осуществления уголовно-процессуальной деятельности: проверки сообщения о преступлении и вынесения органом дознания решения по ее итогам, вопросы фактического задержания, дознания в сокращенной форме.

Несмотря на указанные замечания, следует констатировать, что они по большей части дискуссионны и не влияют на общее положительное впечатление от работы.

Диссертационное исследование Марии Михайловны Бондарь «Должностное уголовное преследование на современном этапе развития досудебного уголовного производства России» на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки является завершенной самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей существенное значение для уголовно-процессуальной науки. Оно обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в развитие науки уголовно-процессуального права.

В целом диссертация М. М. Бондарь отвечает всем требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, содержащимся в Разделе II Положения о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 16.10.2024), а ее автор — Мария Михайловна Бондарь — заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ЛАЗАРЕВ ВАЛЕРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
(25 октября 1940 г. — 20 июня 2025 г.)

URL: <https://izak.ru/institute/events/pyatyy-evraziyskiy-antikorrupcionnyy-forum-pravoporyadok-i-korrupciya-sovremennye-vyzovy-/images/zasedanie.jpg>

С глубокой печалью сообщаем о смерти выдающегося ученого, педагога и государственного деятеля Валерия Васильевича Лазарева. Он был заслуженным деятелем науки Российской Федерации, первым из юристов стал лауреатом премии Ленинского комсомола (в области науки), лауреатом высшей юридической премии «Фемида», почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, академиком РАЕН, членом Экспертного совета МВД России по вопросам нормотворчества, членом Координационно-методического совета ГУК МВД России по государственному и правовому информированию социально-гуманитарной подготовки личного состава органов внутренних дел, председателем двух диссертационных советов по защите докторских диссертаций Академии управления МВД России, членом диссертационного совета по защите докторских диссертаций Санкт-Петербургского юридического института МВД России и Академии экономической безопасности МВД России, государственным советником 3-го класса.

Валерий Васильевич внес значительный вклад в развитие юридической науки и образования, в том числе системы МВД России. Как педагог, работая на кафедре государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, воспитал множество учеников. Под его научным консультированием А. В. Корневым, одним из ведущих специалистов в области истории политической и юридической мысли, философии права в Российской Федерации, в настоящее время занимающего должность заведующего кафедрой теории государства и права МГЮА имени О. Е. Кутафина, в Академии управления МВД России была подготовлена и защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Консервативная и либеральная теории государства и права в России (XIX — начало XX вв.)».

Лекции и научные труды В. В. Лазарева стали фундаментальными для многих поколений юристов, получив широкое признание и обеспечив кафедре государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России известность в области теории государства и права, истории учений о государстве и праве. Валерий Васильевич являлся соавтором учебника для юридических вузов «Общая теория права» (1995), руководителем авторского коллектива и соавтором вузовского учебника «Конституционное право» (1996), был ответственным редактором учебника по конституционному праву для вузов системы МВД России (1998), редактором учебника «Теория права и государства» (2001), допущенного МВД России в качестве учебника для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России. Его наиболее известные труды — «Пробелы в праве и пути их устранения», «Эффективность правоприменительных актов» и «Общая теория права и государства» переведены на несколько языков.

Валерий Васильевич также занимал ответственные должности в Министерстве юстиции Российской Федерации, Государственной Думе Российской Федерации и представлял ее интересы в Конституционном Суде Российской Федерации, принимал участие в разработке важных законопроектов и антикоррупционных инициатив. За свои достижения он был награжден орденом Дружбы, премиями Правительства Российской Федерации и удостоен звания «Юрист года — 2022».

Память о Валерии Васильевиче — талантливом ученом, мудром учителе и принципиальном человеке — навсегда останется в сердцах его коллег, учеников и всех, кто его знал.

Мы скорбим и будем помнить.

*Первый заместитель начальника
Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент
полковник полиции*

А. А. Редько

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ» /
JOURNAL OF THE VOLGOGRAD ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA»**

Требования к техническому оформлению

Научно-методический журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Журнал основан в 2006 г. Выходит 4 раза в год тиражом 250 экземпляров. ISSN 2074-8183.

Регистрационный номер в Роскомнадзоре — ПИ № ФС77-75804 от 23 мая 2019 г.

Журнал свободно распространяется на территории Российской Федерации и за ее пределами путем подписки по каталогу «Пресса России». Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 22761.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования. Полнотекстовые версии статей, их аннотации и пристатейные библиографические списки размещаются на сайтах научных электронных библиотек eLIBRARY.RU (www.elibrary.ru), «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), в системе «Гарант» (www.garant.ru), электронно-библиотечной системе Znanium (www.znaniium.ru).

Журнал ориентирован на широкую читательскую аудиторию.

Приоритетными задачами издания являются:

- представление продуктивных идей и современных научных точек зрения специалистов из разных областей знания по вопросам эффективного развития высшей школы и высшего юридического образования;
- представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных учреждениях МВД России;
- информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;
- обмен педагогическим опытом преподавателей родственных специальностей различных образовательных организаций;
- аналитические обзоры научно-методической и юридической литературы.

В журнале представлены следующие рубрики:

1. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право.
2. Уголовный процесс.
3. Криминалистика.
4. Оперативно-разыскная деятельность.
5. Трибуна молодого ученого.

Представляемая к изданию рукопись должна:

- по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала;
- содержать обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, отражать ее в названии работы;
- предлагать конкретные пути решения обсуждаемой проблемы, имеющие практическую значимость для образовательного процесса, научных разработок, деятельности правоохранительных органов.

Преимущественное право на публикацию имеют подписчики журнала.

Объем статьи не должен быть менее 12 машинописных страниц. Рукописи должны быть подготовлены в редакторе Microsoft Word в формате A4 через полтора интервала, шрифт Times New Roman, размер 14. Поля на странице: слева и снизу 25 мм, сверху 20 мм, справа 10 мм. Допускается наличие рисунков, таблиц, диаграмм и формул по тексту.

Рисунки размещаются в тексте статьи в режиме группировки и даются отдельными файлами на электронном носителе (формат TIFF или JPEG, режим градиент серого или битовый, разрешение 300 dpi). Обязательно наличие подписей, названий таблиц. Диаграммы выполняются в формате Excel, без заливки, в черно-белом варианте. Формулы выполняются в редакторе Microsoft Equation. Не допускается применение вставных символов Word.

В журнале принята затекстовая система библиографических ссылок с размещением номера источника и страницы в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Каждая статья должна содержать:

- заголовок на русском и английском языке;
- аннотацию¹ на русском и английском языке (рекомендуется не менее 120 слов);
- ключевые слова² на русском и английском языке;

¹ **Аннотация** — краткая характеристика издания: рукописи, статьи или книги. Аннотация показывает отличительные особенности и достоинства издаваемого произведения, помогает читателям сориентироваться в их выборе; дает ответ на вопрос, о чем говорится в первичном документе.

² **Ключевые слова** используются в информационно-поисковых системах (ИПС) для того, чтобы облегчить быстрый и точный поиск научно-технической информации. Техника выделения ключевых слов чрезвычайно проста: из так называемого первичного

- сведения об авторе на русском и английском языке (ФИО полностью, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, контактные телефоны или адрес электронной почты — данные сведения будут опубликованы);
- библиографический список, оформленный в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования на основании ГОСТ Р 7.0.5-2008, на русском и английском языке;
- код универсальной десятичной классификации (УДК).

Перевод на английский язык обязательно должен быть заверен в бюро переводов или руководителем кафедры иностранных языков образовательной организации высшего образования.

Статья должна быть обязательно подписана автором (соавторами) следующим образом: «Статья вычитана, цитаты и фактические данные сверены с первоисточниками. Согласен на публикацию статьи в свободном электронном доступе».

Для соискателей ученой степени кандидата наук: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее — дата, ФИО руководителя, его подпись.

К статье прилагаются:

- копия подписной квитанции;
- заявка (бланк на сайте);
- идентичный вариант статьи и заявки на электронном носителе. Дополнительно электронные варианты статьи и заявки необходимо направить на сайт: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view>;
- отзыв научного руководителя (для адъюнктов, аспирантов, соискателей).

Все документы можно представить лично либо отправить в одном конверте (простым или заказным письмом без объявленной ценности) на адрес редакции:

400075, Волгоград, ул. Историческая, д. 130.

Волгоградская академия МВД России, редакционно-издательский отдел,

журнал «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Сайт: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/245/view>

Тел.: (8442) 24-83-55, +7 (902) 380-00-88.

При получении рукописи проводится проверка на соответствие представленных материалов настоящим требованиям. В случае неправильного оформления документов автор получает извещение об этом.

Рецензирование и опубликование статьи

Каждая рукопись, представляемая к публикации, проходит экспертную оценку и рецензирование членами редакционного совета научно-методического журнала «Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia» по следующим критериям:

- актуальность;
- научная новизна;
- теоретическая и прикладная значимость;
- исследовательский характер;
- логичность и последовательность изложения;
- аргументированность основных положений;
- достоверность и обоснованность выводов.

На этапе рецензирования каждая статья, представляемая к публикации, рецензируется одним из членов редакционного совета журнала. При отказе в направлении на рецензирование представленной автором рукописи редакция направляет автору мотивированный ответ. Статья, рекомендованная к опубликованию после доработки, устранения замечаний, проходит повторное рецензирование у того же члена редакционного совета, который осуществлял первичное рецензирование данной статьи. В этом случае датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения доработанной рукописи. Если в результате повторного рецензирования получен отрицательный отзыв рецензента, редакция журнала отказывает автору в публикации статьи.

В случае отказа в публикации статьи редакционно-издательский отдел направляет ее автору мотивированное уведомление о принятом решении. По требованию автора ему представляется копия рецензии.

В зависимости от результатов рецензирования принимается окончательное решение об опубликовании или отказе в публикации статьи.

Принимаются к рассмотрению работы объемом до двух машинописных страниц, содержащие краткие отзывы и рецензии на уже опубликованные в журнале статьи (рецензия члена редакционного совета не обязательна).

К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.

Не принимаются статьи, имеющие менее 70 % оригинального текста.

Гонорар за публикации не выплачивается, статьи публикуются на безвозмездной основе.

Литературное редактирование текста авторской рукописи, корректорскую обработку и изготовление оригинал-макета осуществляет редакционно-издательский отдел ВА МВД России.

В переписку по электронной почте редакция не вступает.

документа (книги, статьи и т. п.) выбрать несколько (обычно 5—15) слов, которые передают его основное содержание. Эти ключевые слова составляют поисковый образ документа (ПОД). В большинстве современных автоматизированных ИПС, действующих в условиях промышленной эксплуатации, ПОД — это просто набор ключевых слов, представленных как существительные в начальной форме.

ЗАЯВКА¹
на публикацию статьи в научно-методическом журнале
«Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia»

Я (мы), _____
фамилия, имя, отчество полностью
прошу (просим) опубликовать мою (нашу) статью « _____ »

название статьи

в научно-методическом журнале «Вестник Волгоградской академии МВД России».

Данной заявкой я (мы) также:

1. Подтверждаю(ем), что статья создана мной (нами) лично и публикуется впервые.

2. Даю(ем) согласие на осуществление редактирования моей (нашей) статьи, которое не должно повлечь за собой изменения ее смысла, включения дополнений к ней без моего (нашего) согласия.

3. Даю(ем) согласие на совершение издателем журнала любых действий, направленных на доведение моей (нашей) статьи до всеобщего сведения: размещение в сети Интернет, включение в электронные базы данных, — а также на безвозмездную передачу исключительных прав третьим лицам, при условии соблюдения моих (наших) неимущественных авторских прав (права авторства, права на имя, права на неприкосновенность произведения).

4. Даю(ем) согласие на извлечение из моей (нашей) статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя (имена) автора(ов) (правообладателя(ей)), аннотация, ключевые слова, список библиографических ссылок) в целях их включения в базу данных РИНЦ — Российский индекс научного цитирования, — содержащую библиографическую информацию (библиографические описания статей и пристатейные ссылки).

5. Гарантирую(ем), что при подготовке материалов рукописи научной статьи не использовались сведения, попадающие под действие перечня сведений, составляющих государственную тайну (статья 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Сведения, содержащиеся в рукописи статьи, не относятся к перечню сведений, отнесенных к государственной тайне, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203, а также п. 2 Инструкции по организации деятельности по обращению со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России, утвержденной приказом МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755. Рукопись предназначена для опубликования без грифа секретности, а также без пометки «для служебного пользования».

6. Даю(ем) согласие на хранение и обработку моих (наших) персональных данных, указанных в анкете автора, без ограничения по сроку.

7. О себе сообщаю(ем) следующие сведения²:

1. ФИО полностью	
2. Ученая степень	
3. Ученое звание	
4. Место работы	
5. Должность	
6. Адрес электронной почты	
7. Номер телефона	
8. Контактная информация для размещения в журнале	

8. О статье сообщаю(ем) следующую информацию:

1. Название статьи	
2. Аннотация (рекомендуется не менее 120 слов)	
3. Ключевые слова	
4. Рубрика	

« ____ » _____ 20 ____

подпись

фамилия, инициалы³

¹ Статьи, поступившие в редакцию журнала без заявки, рассматриваться не будут.

² Таблица заполняется на каждого автора.

³ Заявка подписывается каждым автором.